
Матильда
анна гавальда
Билли
просто люди
Эли

Просто люди: Билли. Ян. Матильда

Анна Гавальда

Аннотация
Анна Гавальда. Просто люди:. Билли. Ян. Матильда. Сборник
Билли
Ян
Матильда
Акт первый
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14

15
16
Акт второй
1
2
3
4
5
Апарте
1
2
3
4
Акт третий
1
2
3
4
5
Акт четвертый
1
2
3
4
5
6

Акт последний

1

2

3

Аннотация

Три имени: Билли (росла в нищей и пьющей семье и думает, что должна вести себя в соответствии с ожиданиями окружающих), Ян (несчастным себя не считает, но порой ему хочется утопиться в Сене), Матильда (говорит, что счастлива, но прибегает к алкоголю всякий раз, чтобы об этом вспомнить). Три человека, которые должны либо смириться с вечным прозябанием — не хуже, чем у многих, — либо решительно изменить свою жизнь.

Три авантюры, успех которых не гарантирован. Но разве не от омертвляющих гарантий и дышащего скукой спокойствия хотят сбежать герои историй, вошедших в эту книгу? А толчком к бегству может послужить любой пустяк, любая встреча, любое на первый взгляд ничего не значащее слово.

Анна Гавальда
Просто люди: Билли. Ян. Матильда
Сборник

Anna Gavalda
Billie. Yann. Mathilde

* * *

Печатается с разрешения издательства Éditions Le Dilettante и литературного агентства Anastasia Lester

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Éditions Le Dilettante, Paris, 2013, 2014
© Позднева Т., перевод, 2014, 2015
© ООО «Издательство АСТ», издание на русском языке, 2017

Билли

Всем «подпольщикам» посвящается

* * *

Мы злобно переглянулись. Должно быть, он думал, что именно я во всем виновата, я же считала, что это все равно не дает ему права так на меня смотреть. Ведь я уже столько глупостей натворила с тех пор, как мы с ним знакомы, и столько раз это было ему на руку, столько раз благодаря мне он веселился на славу, что с его стороны было бы просто подло упрекать меня теперь только потому, что моя очередная выходка, похоже, грозит закончиться плохо…

Черт побери, откуда я могла знать, что все так обернется?

Я плакала.

— Ну что, доигралась? Тебя мучают угрызения совести? — прошептал он, закрывая глаза. — Нет… какой же я глупец… угрызения совести — тебя!..

Он был слишком слаб, чтобы всерьез на меня сердиться. К тому же это было бессмысленно. И

тут я с ним завсегда соглашусь: угрызения совести — это явно не про меня, я и слов-то таких не знаю…

Мы находились на дне какой-то ущелины, или как там ее называют, в общем, в полной географической заднице. В самом низу этакой… каменистой осыпи посреди Национального парка Севенны, где не ловит мобильная связь, куда ни один баран не забредет — и уж тем более ни один пастух, — и где нас точно никто никогда не найдет. Я сильно ушибла руку, но могла ею шевелить, а вот он, судя по всему, был совсем плох.

Я всегда знала, что он мужественный человек, но тут он вновь преподносил мне урок.

В который уж раз…

Он лежал на спине. Сначала я попыталась было соорудить ему из своих ботинок нечто вроде подушки, но стоило мне приподнять ему голову, как он практически потерял сознание, так что от своей затеи я отказалась и больше его не трогала. Он тогда, кстати, впервые струсил: возомнил, что свернул себе шею, и перспектива закончить жизнь овощем настолько его ужаснула, что он несколько часов ныл, умоляя меня бросить его в этой дыре или прикончить.

Ладно. Поскольку мне нечем было аккуратно

его прибить, я предложила поиграть в больничку.

Увы, мы не были с ним знакомы в том возрасте, когда играют в доктора понарошку, но я уверена, что и тогда мы не стали бы с ним засиживаться в приемной… Моя мысль его позабавила, и это было по-настоящему здорово, это единственное, что мне хотелось бы забрать с собою на тот свет, в ад или куда еще, потому что такие улыбки — слабые, едва живые, буквально вырванные из небытия — они дорогого стоят.

Все остальное, прямо скажем, можно оставить в камере хранения…

Я принялась щипать его за разные места, сначала легонько, потом сильнее. Всякий раз, когда он морщился от боли, я ликовала. Значит, мозги у него на месте и мне не придется до самой смерти катать его в инвалидной коляске. В противном случае, без проблем, я готова была размозжить ему голову. Я достаточно сильно его любила.

— Ну что ж, кажись, все не так уж страшно… ты только повизгиваешь, значит все путем, да? На мой взгляд, ты просто сломал себе ногу, а еще бедро или таз… ну, в общем, что-то такое в этом периметре…

— М-м-м-м…

Кажется, я его не убедила. Кажется, что-то его смущало. Видимо, я не вызывала доверия без белого халата и этих дурацких трубочек на шее. Он глядел в небо, хмурил брови и мрачно причмокивал.

Я видела, в каком он состоянии, — я знала все выражения его лица, — и понимала, что остается еще один деликатный момент.

Да уж, точнее не скажешь…

— Эй, Франки, заканчивай… полный бред, глазам своим не верю… ты что, хочешь, чтоб я и его проверила на работоспособность?

— …

— Да?

Я видела, как он изо всех сил старается сохранить приличествующий умирающему вид, но для меня проблема заключалась вовсе не в приличиях. Скорее, меня мучил вопрос эффективности. Ситуация сложилась непростая, и не могла же я рисковать с вынесением подобного приговора просто потому, что была не в его вкусе…

— Эй, я не то чтобы не хочу, слышишь? Но ты же…

Все это мне напомнило Джека Леммона в фи-

нальной сцене «Некоторые любят погорячее»[1][2]. Как и у него тогда, мои аргументы подходили к концу, и мне пришлось использовать последний патрон, остававшийся у меня в обойме, лишь бы только от меня отвязались.

— Я девочка, Франк…

И тут, видите ли… если бы я сейчас представляла доклад по углубленному изучению Дружбы, такой, знаете, со всякими схемами и сравнительными таблицами, с диапроектором, маленькими бутылочками воды и прочей хренью на столах, объясняя происхождение, состав и как отличить подделку, так вот тут я остановила бы слайд-шоу и своей учительской «мышью» подчеркнула бы его ответ.

Эти три простых слова, которые он шутливо выдохнул из последних сил, с натянутой улыбкой человека, возможно обреченного на смерть, еще не знающего, суждено ли ему выжить, и не превратится ли его жизнь в сплошное страдание, и сможет ли он еще когда-нибудь трахаться:

---

[1] Примечания: 1

«Некоторые любят погорячее» (*англ.* Some like it hot, 1959 г.) — музыкальная комедия режиссера Билли Уайлдера, в российском прокате известная под названием «В джазе только девушки».

[2] Примечания: 2

Здесь и далее примечания переводчика.

— Well… Nobody's perfect…[3]

Да, впервые в жизни я была бы стопудово уверена в себе, и пусть пеняют на себя все те, кто что-либо не понял, плохо разглядел или вообще не догоняет — им никогда не отличить искреннего друга от несчастного гея, и я ничем не смогу им помочь.

Так что теперь — потому, что это был он, и потому, что это была я[4], и нам все еще удавалось оставаться вместе, поддерживая друг друга на высоте даже в такие гнусные моменты, как этот, — я перелезла через него и протянула свою уцелевшую руку к низу его живота.

Я едва к нему прикоснулась.

— Послушай, — проворчал он через какое-то время, — я же не прошу тебя идти во все тяжкие, подруга… просто потрогай его, и забудем об этом.

— Я не решаюсь…

Он тяжело вздохнул.

Понятное дело, обижен. Вместе мы с ним по-

---

[3] Примечания: 3

Что ж… Никто не совершенен… *(англ.)*

[4] Примечания: 4

«Потому, что это был он, и потому, что это была я» — отсылка к знаменитой фразе Мишеля де Монтеня (1533–1592), французского писателя и философа эпохи Возрождения, которой он объясняет свои отношения с Этьеном де Ла Боэси (1530–1563) («Опыты», том I, глава XXVIII).

падали и в куда более неприятные ситуации, и я никогда особенно не церемонилась, и столько диких, грубых, скабрезных историй ему понарассказывала, что сейчас снова выглядела неубедительно…

То есть абсолютно неубедительно!

Однако я не придурялась… я действительно не решалась.

Вот ведь никогда не знаешь наперед, где окажется та грань, за которой скрывается святое. По-прежнему сидя с протянутой рукой, я неожиданно осознала ту пропасть, что отделяла меня — со всем моим нехилым сексуальным опытом — от его пиписьки. Да я бы все пиписьки перещупала, если надо, но только не его — я в кои-то веки сама себе преподносила урок.

Я всегда знала, что обожаю его, но прежде мне никогда не выпадало случая увидеть, насколько сильно я его уважаю — что ж, теперь ответ был у меня перед глазами: вот они, эти несколько миллиметров…

Или вся безмерность моего стыда. Нашего целомудрия.

Конечно, я понимала, что не смогу долго пребывать в этом идиотском образе застенчивой недотроги, однако сам факт сильно меня удивил.

Нет, серьезно, это открытие собственной деликатности ошарашило меня не по-детски. Смущена и испугана, словно заново девочка, поди плохо! Да считай Рождество!

Ладно. Достаточно. Кончай болтать. Берись за работу, малышка…

Для начала, чтобы он расслабился, я принялась ласково барабанить пальцами вокруг его пупка, напевая «Тилибом, тралляляй, хвост торчком и гуляй», но это не сильно его расслабило. Тогда я легла рядом с ним, закрыла глаза и припала губами к его… уф… ушной впадине, сосредоточилась и тихо-тихо, нет, даже еще тише, зашептала ему в ухо, возбуждающе постанывая и пуская слюни, все то, из чего, на мой взгляд, состояли самые худшие или лучшие его фантазмы, в любом случае — самые сокровенные, при этом еле заметным движением руки, едва касаясь ногтем, лениво, небрежно и равнодушно, в общем… со знанием дела, стала медленно обводить контур его ширинки.

Наконец волосики в его ухе вздыбились от ужаса, и моя честь была спасена.

Он чертыхнулся. Он улыбнулся. Он засмеялся. Сказал, какая ты глупая. Сказал, заканчивай. Сказал, дурища. Сказал, хорош! Да прекратишь

же ты наконец! Сказал, ненавижу тебя, и сказал — обожаю.

Но все это было давно. Тогда у него еще оставались силы на то, чтобы заканчивать фразы, а я и подумать не могла, что когда-нибудь буду плакать с ним рядом.

А сейчас надвигалась ночь, я замерзла, меня мучил голод, я умирала от жажды, и я сломалась, потому что не хотела, чтобы он страдал. И если бы я была честной, то тоже закончила бы свою фразу, добавив к ней «по моей вине».

Но я не честная.

Я сидела с ним рядом, прислонившись к уступу, и тихо убивалась.

Изводила сама себя горькими упреками.

Ценой немыслимого усилия, он приподнял руку и положил ее мне на колено. Я накрыла его ладонь своею и почувствовала себя еще слабее.

Мне не нравилось, что этот гнусный падальщик играл на моих чувствах. Это было нечестно.

Некоторое время спустя я спросила:

— Что это за звук?

— …

— Ты думаешь, это волк? Думаешь, здесь водятся волки?

Поскольку он продолжал молчать, я закричала:

— Да ответь же мне, черт тебя побери! Скажи мне хоть что-нибудь! Скажи хоть «да» или «нет», скажи «Отвали!», только не оставляй одну… только не сейчас… прошу тебя…

Я взывала не к нему, нет, скорее, к самой себе. К своей глупости. К своему стыду. К бедности собственного воображения. Он никогда бы меня не бросил, и раз он молчит, значит, потерял сознание.

* * *

Впервые за долгое время его лицо не было похоже на немой упрек, и мысль о том, что ему легче, меня приободрила: ведь так или иначе, я нас отсюда вытащу, я просто обязана. Не для того мы проделали весь этот путь, чтобы закончить его безвестными героями «В диких условиях»[5] в этой лозерской дыре.

Нет, черт побери, такому позору не бывать…

---

[5] Примечания: 5

«В диких условиях» (*англ.* Into the Wild) — кинофильм режиссера Шона Пенна по одноименной книге Джона Кракауэра, вышедший на экраны в 2007 г.

Я размышляла. Во-первых, ухали явно не волки, а птицы. То ли совы, то ли кто-то еще. А во-вторых, от переломов не умирают. У него не было жара, он не истекал кровью, он был обездвижен, пускай, но не в опасности. Так что в данный момент лучшее, что я могла сделать, это выспаться, чтобы набраться сил, а завтра, на рассвете, когда все это дерьмо под названием природа с новой силой обрушится на меня, я отправлюсь в путь.

Я пройду через этот гадский лес, пройду через эти гадские горы и добьюсь, чтоб в эту долину прилетела-таки эта чертова «вертушка».

Ну вот и все сказано. Мне придется расстараться, клянусь честью поэтессы, но на плато Кос остаться нам без крова не грозит. Потому как семейных радостей пеших походов — э-ге-гей, шагай бодрей! — вместе с тупыми ослами и тупицами в стрессе — нам и двух минут выше головы хватило.

Сожалею, ребята, но весь этот ваш Quechua[6] не для нас.

Ты слышишь, малыш? Слышишь, что я говорю? Ни за что на свете, покуда я жива, ты не свалишь в деревню. Никогда. Лучше сдохнуть.

---

[6] Примечания: 6

Quechua — марка спортивной одежды, обуви и инвентаря по доступным ценам.

Я улеглась, тут же заворчала, встала, чтобы расчистить свое лежбище и сгрести в сторону острые камни, впивавшиеся мне в спину, снова растянулась и, прижавшись к нему, замерла неподвижно.

Заснуть не удавалось…

Маленькие демонята, живущие в моей голове, объелись кислоты…

Там грохотал бретонский марш традиционного военно-морского оркестра в техно-ремиксе.

Ад.

Мои мысли неслись с такой бешеной скоростью, что я уже за ними не поспевала, к тому же, как я ни старалась плотнее прижаться к Франки, покрепче обнять саму себя рукой, теплее мне не становилось.

Я замерзала, DJ Grumpy[7] вышиб последние нейроны мужества, которые у меня еще оставались, и маленькие слезинки из тех, что попроворнее, незамедлительно этим воспользовались, чтобы пробраться наружу, как крысы, одна за другой.

Черт, я уже и забыла, как это бывает.

Чтобы их остановить, я запрокинула голову

---

[7] Примечания: 7
Диджей Ворчун *(англ.)*.

назад, а там, там — ничего себе!

Меня вставило не оттого, что я вдруг увидела звезды — пока мы здесь шлялись, этого добра мы насмотрелись сполна, — а оттого, что мне вдруг открылась хореография звездного неба. *Плик!* Они — *Глинь!* — вспыхивали одна за другой, ритмично. Я и не знала, что такое — *Динь!* — возможно…

Они сверкали, словно ненастоящие.

Как будто светодиоды, а если и звезды, так совсем еще новые, только что распакованные. И будто бы кто-то крутил регулятор яркости.

Это было… великолепно…

Внезапно я почувствовала себя не такой одинокой и повернулась к Франку утереть сопли о его плечо.

Так, стоп… подонки, ведите себя прилично… добрый Боженька вам свой волшебный шарик дает, а вы нюни распускать…

Интересно, бывают ли в галактиках приливы, как в океане, или все это специально для меня? Подъем уровня Млечного Пути? Мегарэйв сказочных фей, явившихся осыпать мою голову золотой пылью, чтобы помочь мне подзарядить батарейки?

Звезды вспыхивали повсюду, и от их света, казалось, теплее становилась ночь. И я как будто загорала во тьме. И мир как будто перевернулся. И я уже не прозябала где-то там, на дне пропасти, нет, я как будто была на сцене…

Да, пусть я сейчас и находилась ниже некуда (находилась или нашлась?) — (ну, в общем, я перевернула картинку…), что-то все же было в моей власти.

Я ощущала себя в центре гигантского концертного зала, в этаком «Зените»[8] под открытым небом, только от края земли и до края, в самый разгар исполнения наикрутейшей песни, среди огромных экранов и множества огней от всех этих горящих зажигалок, от тысяч волшебных свечей, направленных ангелами на меня, — я должна была соответствовать. Я больше не имела права оплакивать свою судьбу, и мне бы так хотелось поделиться всем этим с Франки…

Он, конечно, тоже не отличил бы Большую Медведицу от Маленькой Кастрюли, но был бы так счастлив увидеть всю эту красоту… Так счастлив… Ведь это он настоящий художник из нас двоих… И именно благодаря его утонченному

---

[8] Примечания: 8

«Зенит» (*франц.* Zénith) — легендарный концертный зал в 19-м округе Парижа.

чувству прекрасного нам удалось выбраться из того дерьма, в котором мы обретались, и именно для него сейчас Вселенная достала этот роскошно поблескивающий смокинг.

Чтобы его отблагодарить.

Чтобы отдать ему дань уважения.

Чтобы сказать ему: мы знаем тебя, малыш… Да, да, мы отлично тебя знаем… Мы за тобой наблюдаем и уже давно заметили то, что ты одержим красотой… Всю свою жизнь ты только и делаешь, что ищешь ее, служишь ей и ее создаешь. Так что смотри… Любуйся, ты это заслужил… Взгляни на себя в это бескрайнее зеркало… Сегодня ночью мы наконец отдаем тебе должное… Твоя подружка, она вульгарна, вечно плюется да ругается, как старая шлюха. Мне непонятно, кто вообще ее сюда пустил… Вот ты — это другое дело… Ты нам как сын… Ты — член семьи… Иди же к нам, сынок, потанцуй-ка с нами…

Я разглагольствовала вслух…

С присущей мне скромностью я выступала ни много ни мало от имени Вселенной, обращаясь к парню, который не мог меня слышать.

Это было глупо, но мило…

Вот ведь как сильно я его любила…

Уф… и последнее… еще одну вещь мне хочется вам сказать, госпожа Вселенная… (произнося эти слова, я представляла себе Джеймса Брауна), хотя нет, на самом деле, две…

Во-первых, оставьте моего друга там, где он есть… И не зовите его больше, он не придет. Он, даже если и стыдится меня, все равно никогда меня не бросит. Это так, и даже вам не под силу это изменить, а во-вторых, извиняюсь за свою постоянную брань.

Это правда, я перебарщиваю, но всякий раз, когда у вас вянут уши от моей ругани, знайте, что виной тому вовсе не отсутствие уважения — просто я бешусь, вовремя не находя верных слов. It's a man's world, you know…

— I feel good [9][10], — ответила мне Вселенная.

* * *

Я смотрела на все эти звезды и искала среди них нашу.

В том, что у нас была наша собственная звезда,

---

[9] Примечания: 9

Здесь: Это мужской мир, вы знаете… — Все хорошо *(англ.)*.

[10] Примечания: 10

«It's a Man's World», «I Feel Good» — названия известнейших синглов Джеймса Брауна (1933–2006), американского певца, признанного одной из влиятельнейших фигур в поп-музыке XX в.

я даже не сомневалась. Пусть не у каждого своя, но уж одна на двоих это точно. Наш общий маленький небесный светильник. Да, этот добрый маленький огонек, что обнаружил нас в день нашей встречи и год за годом опекал и в горе, и в радости, и, кстати, неплохо справлялся вплоть до сегодняшнего дня.

О'кей, несколько последних часов наша звезда, пожалуй, немного лажала, но вроде бы все уже прояснилось…

Она прихорашивалась, красотка.

Щедро опрыскивала себя блестками от Sephorus[11].

Ха! Нормально — это ведь наша! Не будет же она держать свечку Всевышнему, пока ее подружки умчались на салют!

Я искала ее.

Придирчиво осматривала каждую, чтобы найти ее, потому что хотела многое ей сказать… Вернее, напомнить…

Я искала ее, чтобы убедить помочь нам еще разок.

Несмотря на все, что мы натворили.

---

[11] Примечания: 11

Игра слов: Sephora — крупнейшая сеть магазинов парфюмерии и косметики во Франции, плюс «звездный» суффикс — us, как у Сириуса и пр.

Вернее — натворила я…

Да. Раз уж все это случилось по моей вине, то мне и дергать ее за лучик, активизируя службу поддержки.

Все прочие тоже были прекрасны, но мне на них было насра… прошу прощения, начхать, тогда как эта, уверена, стоит мне только поговорить с ней от чистого сердца, снова к нам снизойдет…

* * *

Кажется, я ее нашла.

Кажется, это она, вон та… Я касаюсь ее кончиком пальца, а между нами миллиарды световых лет…

Крохотная, вся из себя такая мимими, блестючая что твой Swarovski, чуть поодаль ото всех.

Слегка в стороне…

Ну да, конечно, это была она. Размер XXS, недоверчивая одиночка, отдававшая всю себя. Блиставшая изо всех сил. Радовавшаяся тому, что она здесь. Обожавшая песни и знавшая все слова наизусть.

Призывно сверкающая в ночи…

Она наверняка последней уходила спать и первой вставала. Каждый вечер выходила в люди.

Отжигала вот уже тысячу миллиардов лет, но по-прежнему не теряла блеска.

Эй, я не ошиблась?

Эй, это и вправду ты?

Прошу прощения, это и вправду вы?

Скажите… У вас найдется пара минут, могу я с вами поговорить?

Могу ли я вам напомнить, кто мы такие, Франк и я, чтобы вы снова нас полюбили?

В ее молчании мне послышался тяжкий вздох, что-то вроде: «Ох, и как же вы все меня достали, спасайся кто может… хотя ладно, вам повезло, сейчас медленный танец, а у меня нет кавалера. Так что давайте, говорите, я слушаю. Гоните по-быстрому вашу историю, и я пойду подкрепляться своим Milky Way».

Я нашла руку Франка и сжала ее изо всех сил, а потом еще некоторое время приводила нас с ним в порядок.

Да, я навела красоту, чтобы представить нас в наилучшем свете: чистенькими-красивенькими, причесанными, приглаженными, и мы отправились покорять небеса.

Как Базз Лайтер[12].

Навстречу бесконечности и дальше…

* * *

Франка назвали Франком, потому что его мать и бабушка тащились от Франка Аламо («Biche, oh ma biche», «Da doo ron ron», «Allô Maillot 38–37»[13] и все такое прочее) (Да-да, и такое бывает…), а меня назвали Билли, потому что моя мать сходила с ума по Майклу Джексону («Billie Jean is not my lover / She's just a girl»[14][15] и т. д.).

Так что изначально мы с ним были не одним миром мазаны и никак не предполагалось, что однажды мы станем встречаться.

Что до Франки, то его матушка и бабушка так

---

[12] Примечания: 12

Базз Лайтер (*англ.* Buzz Lightyear) — персонаж студии «Pixar», космический рейнджер, один из главных героев серии мультфильмов «История игрушек».

[13] Примечания: 13

Названия популярных песен 60-х гг. французского певца, известного под псевдонимом Франк Аламо (настоящее имя — Жан-Франсуа Гранден, 1941–2012).

[14] Примечания: 14

Билли Джин — не моя любовница, / Она просто девушка *(англ.)*.

[15] Примечания: 15

Слова из песни «Billie Jean» (альбом «Thriller», 1982 г.) легендарного американского артиста Майкла Джозефа Джексона (1958–2009).

хорошо заботились о нем в детстве, что он подарил им си-ди «Возвращение йе-йе», билеты на концерт «Большое возвращение йе-йе», на музыкальный спектакль «Привет, друзья», блю-рей плеер и даже круиз в придачу.

А когда преставился его драгоценный папик, Франк взял день отпуска, поехал на поезде к своим, привез их в первом классе и сопроводил до погоста уж и не знаю какой там церкви. И все это, чтобы поддержать их в тот момент, когда, напевая «Последний раз взмахнув рукой»[16], они загрузили гроб в катафалк…

Про свою мать я даже не знаю, были ли у нее еще дети после меня, какие-нибудь Бэд или Триллер, не знаю, плакала ли она, когда Бэмби прыгал в пропасть, потому что она свалила, когда мне еще и годика не исполнилось. (Надо сказать, я была на редкость доставучим ребенком… Мой папаша так мне однажды и заявил: «Твоя мать свалила, потому что ты была на редкость доставучим ребенком. Это правда, ты все время вопила»…) (Понятия не имею, сколько надо психоаналитиков, чтобы оправиться от подобного утверждения, но думаю, до хрена!)

---

[16] Примечания: 16
«Sur un dernier signe de la main» — песня Франка Аламо.

Вот так вот однажды утром она ушла, и больше мы ничего о ней не слышали…

Моя мачеха на дух не переносила мое имя. Она говорила, что так называют только плохих мальчишек, и тут я никогда не могла ей ничего возразить… Как бы то ни было, я не стану поливать ее грязью… Хоть она и была настоящей дрянью, но в общем-то тоже не по своей вине… И вообще, я здесь сейчас не о ней говорить собиралась. Каждому свое.

Ну вот, звездочка моя, с детством покончили.

Франк о детстве говорить не любит, если и вспоминает когда, то лишь для того, чтобы от него откреститься. А у меня детства не было.

Одно то, что мне до сих пор нравится мое имя — учитывая мои обстоятельства, — это уже подвиг.

Только гению Джексона было такое под силу…

* * *

Мы с Франком ходили в один и тот же колледж, но лишь за два года до его окончания впервые заговорили друг с другом. На самом деле это был единственный год, когда мы с ним учились в одном классе. Позже выяснится, что впервые мы оба заметили друг друга еще в пятом классе, на

общей линейке в первый учебный день. Да, мы узнали друг друга с первого взгляда, но бессознательно избегали общаться все эти годы, словно чувствовали, что у каждого своих проблем выше крыши, и не решались взвалить на себя хоть что-то еще.

В школе я в основном искала дружбы с девочками в стиле Polly Pocket[17]. Такие длинноволосые милашки, у каждой — отдельная комната, целые коробки дорогих пирожных и мама, которая еженедельно подписывает дневник. Я делала все возможное, чтобы им понравиться, чтобы они почаще приглашали меня к себе.

Но, увы, всегда наступал такой момент, когда мои котировки резко падали… Обычно это случалось с приходом зимы… Значительно позже я поняла почему — всему виною был… была моя водогрейка… ну и… и в общем… соответственно, запах… грязной девки… уф, я даже заговариваюсь, настолько стыдно вспоминать. Ладно. Проехали.

Все эти годы я столько о себе врала, что вынуждена была писать своеобразные шпаргалки,

---

[17] Примечания: 17

Polly Pocket (*англ., букв.* Карманная Полли) — линия игрушек, включающая в себя миниатюрных пластиковых кукол и множество аксессуаров. Первоначально наборы выпускались в футлярах карманного размера, с конца 90-х куклы Полли существенно «подросли» и в современном виде похожи на мини-Барби.

чтобы не запутаться, переходя из класса в класс.

Дома я скалилась, как львица на голодном пайке — другого все равно не было, а вот в школе не высовывалась. В любом случае у меня бы сил не хватило обороняться двадцать четыре часа в сутки. Это надо на собственной шкуре испытать, чтобы понять, и те, кто испытал, прекрасно знают, о чем я говорю: круговая оборона… все время, всегда начеку… Особенно когда вокруг все спокойно… Моменты затишья — это самое худшее, это значит… Уф, да ну его на фиг… Наплевать.

Как-то раз на уроке географии наш учитель мсье Дюмон, сам того не ведая, открыл мне глаза на мою жизнь. «Четвертый мир… — сказал он, — это население, живущее за чертой бедности». Он говорил об этом запросто, как об экспорте полезных ископаемых или о песчаных наносах в бухте острова Мон-Сен-Мишель, но я, помнится, покраснела от стыда. Я и не знала, что в словаре есть специальный термин для обозначения той помойки, в которой я жила… Уж мне-то было прекрасно известно, что такого рода общество не особенно бросается в глаза. Никакие соцработники никогда к нам не приходили… Если на тебе нет следов побоев и ты каждый день ходишь в

школу, то для всяких комиссий по защите прав ребенка ты просто не существуешь, а моя мачеха — не скажу, чтоб она выглядела уж очень прилично, но все же к ней относились с уважением, здоровались, когда она шла в супермаркет, спрашивали, как дети и все такое.

Я так никогда и не узнала, где она брала свое пойло…

Кому-то в детстве не давала спать Зубная фея, кому-то Санта-Клаус, а для меня самой большой загадкой было — откуда берутся все эти чертовы пустые бутылки. Откуда?

Большая, большая тайна…

* * *

И вовсе не государственная школа вытащила меня из этого дерьма. Не училки, не преподы, не милая мадемуазель Жизель, готовившая нас к первому причастию, не родители одноклассников, вечно негодующие по поводу веса портфелей своих детей, не более продвинутые родители моих чудесных подружек, слушавшие «Франс-Интер», читавшие книги и все остальное, нет, не они, а он… (в кромешной тьме я указала на него пальцем) он, Франк Мюллер…

Да, да, это именно он и есть… Этот дохляк Франк Мюмю, который был на полгода меня младше и на пятнадцать сантиметров ниже ростом, который терял равновесие всякий раз, когда его хлопали по плечу, и которому вечно доставалось на автобусной остановке. Это он меня спас…

Он один.

Честно, я ни на кого не в обиде, сами видите, даже сейчас, я вот вам все это рассказываю и ведь ничего, справляюсь. Все это было давно. Все это так далеко от меня, что это как будто уже и не я в самом деле…

Хотя, признаюсь, меня всегда охватывает паника, когда приходится заполнять какие-нибудь бумаги. Фамилии родителей, место рождения, от одного этого у меня сразу подводит живот, но ничего, потом проходит. Это быстро проходит.

Единственное, что не проходит, — это то, что я больше никогда в жизни не хочу их видеть. Никогда, никогда, никогда… Никогда я не вернусь обратно, никогда. Ни на какую свадьбу, ни на какие похороны, ни за что. Да я даже если на машине замечаю номер с цифрами этого департамента, сразу перевожу взгляд на что-нибудь другое, чтобы приободриться.

Давным-давно — не думаю, что сегодня ночью

успею вам это рассказать, поэтому вкратце, — так вот, давным-давно, когда меня постоянно перемыкало, мое детство еще слишком часто и больно напоминало мне о себе, а сама я все чаще тянулась к бутылке, как говорится, для самозащиты, так вот, тогда я послушалась Франка: осуществила принудительную перезагрузку.

Я полностью вычистила свой жесткий диск, чтобы начать все сначала — в режиме «без неудач».

Это заняло кучу времени, и, думаю, у меня получилось, но все, чего я прошу взамен, это никогда больше их не видеть.

Никогда в жизни.

Даже мертвыми. Даже сожженными. Даже истлевшими на дне канавы.

И знаете, даже если… на этот раз буду с вами честна до конца… Даже если вы скажете мне сейчас: ладно, даю тебе двух санитаров, сэндвич с маслом и ветчиной, и ящик воды «Сан-Пеллегрино», а взамен ты помашешь ручкой своей мачехе или еще какой сволочи, так вот, тут я скажу вам «нет».

Нет.

Я отвечу «нет» и найду другой способ вытащить нас отсюда — без вашей помощи.

* * *

Ну так вот, значит, мы с ним ходили в один и тот же колледж в городке с населением меньше трех тысяч человек в так называемой сельской местности. «Сельская местность» — это красиво сказано. Так и видишь ручьи да холмы. Только поселок, откуда я родом и где прошло мое детство, вся эта местность ничем таким «сельским» не отличались. Это была, да и есть, та часть Франции, где уже давно ничего не течет, ничего не происходит, одно сплошное разложение.

Да, этот край гниет… Он умирает… Край, где хорошие парни слишком много пьют, слишком много курят, слишком сильно верят в лотерейное счастье, слишком сильно вымещают свою злость на близких и на животных.

Это мир самоубийц, сжигающих себя на медленном огне и тянущих за собой тех, кто слабее…

Их послушать, так проблемы только у молодежи с окраин, но жить в деревне, моя дорогая, это тоже, знаете ли, не так-то легко.

Вот только чтобы жечь машины, для начала нужно, чтоб они были, — а у нас хорошо, если одна за день проедет!

И деревня, если ты не такой, как все, убивает

быстрее, чем равнодушие.

Конечно, всегда найдутся разного рода туристы от политики, от всяких там ассоциаций, типа здорового питания биологически чистыми продуктами или еще чего-нибудь в том же сказочно милом духе, которые скажут вам, что я сильно преувеличиваю, но я-то их знаю, всех этих людишек… О да, я прекрасно их знаю… Они, как работники социальных служб: в конечном счете видят лишь то, что им показывают.

И я их понимаю.

Я понимаю их, потому что сама стала, как они.

Всякий раз, как я еду в Ранжис или возвращаюсь оттуда, а это минимум четыре раза в неделю, я точно знаю момент, когда мне лучше полностью сконцентрироваться на дороге. Да, дважды за время пути я не отрываю взгляд от разметки, жму на газ и изо всех сил соблюдаю безопасную дистанцию. Знаете почему? Потому что там, в этих местах, где-то между Парижем и Орли, на обочине, прямо вровень с шоссе, расположены две отвратительные помойки.

Проблема не в том, что они мерзко выглядят, проблема в том, что на самом деле это не помойки… Нет, это жилые дома. С комнатенками, в которых спят девочки, вынужденные постоянно

обороняться.

Ладно, проехали. Как я уже говорила, у каждого свои геморрои. Что до меня, то я столького натерпелась, что превратилась в законченного эгоиста, в настоящего монстра, и мой эгоизм — это лучшее, чем я могу поделиться с малышками Билли с автотрассы А6.

Смотрите, девульки, смотрите на меня, в моем старом битом фургоне, полном цветов, — я являюсь живым доказательством того, что из этой безысходности есть выход.

* * *

Да, мы заметили друг друга, но все эти годы избегали общаться, потому что оба были изгоями в нашем колледже имени Жака Превера[18].

Я — потому что жила в Сморчках (это не название какой-то дыры или грибной поляны, это… сама не знаю… никогда на самом деле не знала… типа рабочий квартал… или свалка, где мусор не сортируют… все думали, что там жили «цыгане», но они были никакие не цыгане, просто там жила семейка моей мачехи. Ее отец, дядьки, ее двоюродные сестры, мои сводные братья и все

---

[18] Примечания: 18

Превер, Жак (1900–1977) — французский писатель, поэт, сценарист.

прочие — жители Сморчков, попросту говоря…), и каждый день утром и вечером я чуть ли не по два километра топала до следующей остановки, чтобы залезть в автобус как можно дальше от всего этого бардака и моего Home Sweet Mobile-home[19], так как боялась, что никто не захочет сидеть со мной рядом; ну а он потому что слишком сильно отличался от всех остальных…

Потому что он не любил девочек, но только они-то ему и нравились, потому что он прекрасно рисовал и был абсолютно неспособен к спорту, отличался хилостью и аллергиями на все и вся, вечно таскался один и, наглухо отгородившись от всех, витал в облаках, даже в столовую заходил последним, чтобы избежать шума и толкотни у турникетов.

Знаю, звездочка, знаю, моя дорогая… моя история сильно смахивает на дешевую штамповку… Маленький несчастный педик со своей помоечной Козеттой — довольно грубо, признаю, ну что ж… вы бы предпочли, чтоб я наплела вам что-то другое? Рассказала бы, что, мол, зимую я в настоящем доме, или добавила бы Франку мотороллер и пару браслетов на запястья, чтобы не выглядеть

[19] Примечания: 19
Дома, милого дома на колесах *(англ.)*.

персонажами из идиотского телесериала?

Но нет… Мне бы очень хотелось, но не могу… Потому что это все про нас… Первый акт нашей с ним жизни… Neverland[20] и Dadou Ronron[21]. Нежная ярость и упрямая башка. И не стану я ничего тут приукрашивать ради утешения сердобольных домохозяек…

So, Beat It.

Just Beat It[22][23].

Чего еще? Да хватит, пожалуй, разве нет? Я же не стала втирать вам про всякие приставания и прочие гнусности такого рода…

Мне повезло: в нашем доме это не практиковалось.

В нашем доме больно били, но в трусы не лезли.

Ох-ох-ох, звездочка моя, вы как?

---

[20] Примечания: 20

«Neverland» (*англ., букв.* Земля, которой нет) — калифорнийское ранчо Майкла Джексона, названное им в честь страны проживания его любимого персонажа — Питера Пэна.

[21] Примечания: 21

Отсылка к песне Франка Аламо «Da Dou Ron Ron» (1963 г.).

[22] Примечания: 22

Здесь: Так что проваливай. Просто вали отсюда *(англ.)*.

[23] Примечания: 23

Слова из песни Майкла Джексона «Beat It» (альбом «Thriller», 1982 г.).

К тому же, вы знаете, не думаю, что наша история такое уж прям клише. Думаю, во всех колледжах Франции, да и в прочих тоже, будь то в городе или деревне, в учебных классах полно «подпольщиков» типа нас…

Бойцов невидимого фронта, запутавшихся в самих себе, тех, кто с утра до вечера живет, затаив дыхание, и частенько от этого подыхает, если никто не подберет их однажды или они не справятся самостоятельно… К тому же, на мой взгляд, я в кои-то веки очень мягко об этом говорю. Не потому что хочу избавить вас от неловкости, а сама — избежать критики, просто однажды вечером в мой день рождения, тогда, мне кажется, исполнилось двадцать два, я сделала полную перезагрузку.

Я на глазах Франка Мюллера начала все сначала и поклялась ему, что с прошлым покончено. Что я больше никогда не позволю причинять себе боль.

Малышке Козетте, возможно, и не хватает воображения, зато она выполняет свои обещания.

* * *

Мы так старательно избегали друг друга, что запросто могли бы и вовсе разминуться.

Второй триместр подходил к концу, нам оставалось дотянуть всего несколько месяцев, а дальше каждый пошел бы своей дорогой исходя из набранных баллов и собственных устремлений. Я мечтала как можно скорее пойти работать, а он… я не знала… Он, когда я смотрела на него издалека, напоминал мне Маленького принца… У него был такой же желтый шарф… И кем он станет — было никому неизвестно…

Да уж, каких-то несколько недель по-прежнему не замечать друг друга и навсегда друг друга потерять, стереть из памяти и внешние черты, и все, что за ними скрывалось.

Но не тут-то было: нам выпал второй акт…

Неужели Господь так устыдился того, что с Его попустительства здесь по сю пору творилось, что решил выправить ситуацию, сделав ее более удобоваримой, или же это вмешались вы? Вернее, ты? Да, мне надоело обращаться к тебе на «вы», словно я разговариваю с сотрудницей службы занятости. В общем, не знаю, кто это сделал и с какой целью, но по-любому все произошло в точности, как у Тима Бёртона, когда Чарли вытащил свой золотой билет из плитки шоколада

Wonka[24]. Это случилось… действительно в самый последний момент…

Ну вот, черт побери, стоило вспомнить, как опять накатило — пряча слезы, утыкаюсь обратно в свое разбитое изголовье.

* * *

Как говорится, привет, Альфред! Да, и когда я вам тут рассказывала, что ни школа, ни преподы ни при чем в истории моего спасения из Сморчков, я была неправа. Конечно, неправа… хотя с учетом того, как они ко мне относились, все эти преподы, возводить их теперь на пьедестал меня жаба душит, но все же… я должна им быть благодарна не только за то, что хоть иногда во время учебного года они оставляли меня в покое, я им обязана куда бóльшим…

Без мадам Гийе, которая вела у нас французский в восьмом классе и была повернута на театре — или на *живых картинах*, как она говорила, — без нее я сейчас уже точно была бы законченным зомби.

---

[24] Примечания: 24

«Чарли и шоколадная фабрика» (*англ.* Charlie and the Chocolate Factory, 2005 г.) — фильм режиссера Тима Бёртона по одноименной повести Роальда Даля.

С любовью не шутят
С любовью не шутят

С любовью
не
шутят

Ох… до чего же мне нравится повторять это название[25]…

* * *

В то утро матушка Гийе явилась в класс с плетеными корзиночками для хлеба. В первой лежали бумажки с именами девочек, во второй — с именами мальчиков, а в последней — с названиями сцен, которые нам предстояло играть: девочкам в роли Камиллы, мальчикам в роли Пердикана.

Когда я услышала, что волею случая в партнеры мне достается Франк Мюмю, я не только не знала, что пьеса, о которой идет речь, вовсе не о животных (поскольку я-то услышала «Пеликана»), но еще и, помнится, с ходу расстроилась не на шутку…

---

[25] Примечания: 25

«С любовью не шутят» (*франц.* On ne badine pas avec l'amour, 1834 г.) — пьеса французского поэта, драматурга и прозаика Альфреда де Мюссе (1810–1857).

Жеребьевку намеренно провели прямо перед пасхальными каникулами, чтобы нам хватило времени выучить наизусть текст, но для меня это было катастрофой. Разве могу я сосредоточиться и выучить хоть что-нибудь наизусть во время этих чертовых каникул? Заведомый провал. Я должна отказаться. И главное, пусть ему поменяют партнершу, а то ведь еще и он из-за меня схлопочет плохую оценку. В моем случае каникулы были синонимом… полного отсутствия самой возможности выучить что бы то ни было. А тут вся эта болтовня в кружевных жабо, к тому же напечатанная мелким шрифтом, нет, об этом не стоило даже думать.

В общем, после уроков я уже настолько распереживалась, что и не заметила, как он ко мне подошел.

— Если хочешь, мы можем репетировать у моей бабушки…

Я тогда впервые в жизни услышала его голос и… Уф… О господи… Как же это было прекрасно… Мне сразу полегчало. Он помог мне выйти из стресса.

Каким образом? Освободив меня от необходимости о чем-либо *просить* взрослого…

Поскольку он решил, что я раздумываю (какой

там — передо мной открывалась перспектива провести две недели в нормальном доме!), то скромно добавил:

— Она в прошлом портниха… Может быть, она и костюмы нам сделает…

* * *

Я отправлялась к этой даме ежедневно и с каждым разом проводила у нее все больше времени. Однажды я даже осталась там ночевать, потому что по телику показывали «Ожерелье»[26] и Франк предложил мне посмотреть фильм вместе с ними.

В кои-то веки мои Сморчки оставили меня в покое. Это ужасно, но в наших кругах — среди неимущих — начать половую жизнь в юном возрасте считается почетным.

Мне было пятнадцать, у меня был парень, я с ним гуляла, стала с ним жить — значит, не так уж и безнадежна.

Конечно, всевозможной грязи и унизительных домыслов я тогда наслушалась сполна, но, во-первых, к этому я давно привыкла, а во-вторых,

---

[26] Примечания: 26

«Ожерелье» (*франц.* La parure, 2007 г.) — фильм режиссера Клода Шаброля по одноименной новелле Ги де Мопассана.

до тех пор, пока родственнички не мешали мне сваливать, на все их оскорбления мне было глубоко плевать.

Моя мачеха по такому случаю даже прикупила мне новых шмоток. Парень — это поважнее хороших оценок, считала она…

Если бы я знала это раньше, думала я, разглядывая свои первые более-менее приличные джинсы, если бы я знала, я бы давно уже напридумывала себе целую кучу пеликанов…

Даже не догадываясь об этом, по разнообразнейшим и на тот момент совершенно непонятным причинам, Франк одним своим присутствием — не «в моей жизни», нет, просто самим фактом своего существования — изменил весь расклад.

Во всяком случае — для меня.

Это были единственные за все детство и самые прекрасные в моей жизни каникулы.

Уф… Да когда ж это кончится…

Снова носом в подушку.

* * *

Поначалу меня там больше всего смутила тишина. Поскольку бабушка Франка оставляла

нас заниматься одних, а Франк говорил очень тихо, то мне все время казалось, будто в соседней комнате покойник. Франк видел, что что-то не так, и то и дело спрашивал, все ли в порядке, и я всякий раз отвечала «да», хотя на самом деле чувствовала себя не в своей тарелке.

А потом привыкла…

Как в школе, переступая порог, я скидывала свои доспехи и попадала в другое измерение.

Первый раз мы с ним занимались в столовой, которая, наверно, никогда не использовалась по назначению, настолько там все было чисто. И странно пахло… Пахло старостью… Грустью… Мы сели друг напротив друга, и он предложил мне для начала вместе перечитать пьесу, а уж потом обсудить, как нам ее репетировать.

Мне было стыдно, я ничего не понимала.

Настолько ничего, что читала из рук вон плохо. Как будто расшифровывала китайскую грамоту…

В конце концов он спросил, читала ли я эту пьесу раньше или хотя бы тот отрывок, который нам с ним достался, и, поскольку я медлила с ответом, он закрыл книгу и молча уставился на меня.

Я уже готова была оскалиться. Не хватало еще,

чтоб он тут меня доставал со всем этим бессмысленным словоблудием четырнадцатого века. Я не против была просто заучить заданные фразы наизусть, как пример старинного жаргона, то есть чисто фонетически, только пусть он тут со мной не корчит из себя учителя. Желающих одернуть меня и поставить на место, напомнив, какое я ничтожество, мне и без него хватало. Ладно еще в школе, там я старалась особенно рта не раскрывать, чтобы не нарваться на лишние неприятности, но здесь, в этой комнате, насквозь провонявшей средством для чистки зубных протезов, это было уже чересчур. И пусть он перестанет так на меня смотреть, иначе я уйду. Я не могу, когда меня так вот разглядывают. Это невыносимо.

— Мне очень нравится твое имя…

Мне было приятно это услышать, хотя я и подумала про себя: еще бы, это же мужское имя… но он с ходу утер мне нос:

— Так звали одну замечательную певицу… Знаешь Билли Холидей?

Я покачала головой.

Уф, нет… Ничего я не знала…

Он сказал, что как-нибудь даст мне ее послушать, а пока попросил меня пересесть:

— Слушай, иди сюда… Садись-ка ты на диван… Вон туда… На, держи подушку… Располагайся поудобней… Как будто ты пришла в кино…

Поскольку я никогда в жизни в кино не была, то предпочла сесть на пол.

Он встал напротив меня и заговорил.

Прежде всего он нормальным языком пересказал мне сюжет:

— Значит, так… Этот старик, которого зовут Барон… В начале пьесы он взволнован, потому что с минуты на минуту должны разом вернуться его сын Пердикан, которого он много лет не видел — Пердикан ездил учиться в Париж, — и Камилла, его племянница, с раннего детства бывшая у него на попечении, которую он не видел еще дольше, поскольку отправил ее на воспитание к монашкам… Не делай такие глаза, в то время это считалось нормальным… Монастырь заменял собой пансион для благородных девиц. Их там учили шить, вышивать, петь, в общем, делали из них будущих идеальных жен, к тому же можно было не беспокоиться за их девственность… Камилла и Пердикан не виделись десять лет. Они выросли вместе и в детстве обожали друг друга. Как брат с сестрой, и очевидно, что даже немного больше, если хочешь знать мое мнение… На их

воспитание Барон потратил уйму денег и теперь хотел бы их поженить. Именно потому, что они и так обожали друг друга, к тому же, их свадьба позволяла Барону поправить его собственный бюджет. Да уж… все-таки 6000 экю… Ты как? Ты меня слушаешь? Ладно, продолжаю. Так вот, у Пердикана и Камиллы, у каждого из них был свой наставник… Смотрела «Пиноккио»? Ну это что-то наподобие сверчка Джимини Крикета… В общем, тот, кто о них заботится, ну и заодно постоянно следит, чтобы они не сбивались с верного пути. У Пердикана наставником, то есть единственным его воспитателем, был Мэтр Блазиус, у Камиллы — мадам Плюш. Мэтр Блазиус — толстяк, бездонное брюхо, который только и думает, как бы выпить; мадам Плюш — старая грымза, которая только и делает, что перебирает четки и шипит, стоит какому-нибудь мужчине чересчур близко подойти к Камилле. Сама недотраханная, вернее, вообще отродясь не трахавшаяся, так что, понятное дело, желающая той же участи и для своей подопечной…

Помню, к этому моменту я уже не знала, что и думать. Меня даже стали одолевать сомнения… Неужели это и вправду задала нам училка? Неужели это и вправду столь пикантно? А мне-то

казалось… От самого имени этого парня — Альфред де Мюссе — за километр несло нафталином, и я… ладно, я улыбалась, а поскольку я улыбалась, Франк тоже выглядел совершенно счастливым. У него, казалось, выросли крылья за спиной, и он наговорил с три короба, удерживая мое внимание.

Сам того не ведая, он подарил мне первую в жизни встречу с театром. Первый в моей жизни спектакль…

Закончив с представлением персонажей, он принялся проверять, хорошо ли я всех запомнила, задавая мне всякие каверзные вопросы:

— Прости, но я вовсе не пытаюсь тебя подловить… Это просто чтоб ты не запуталась дальше, понимаешь?

Я соглашалась с ним, но на самом деле на пьесу мне было глубоко плевать. Я понимала только, что некий человек уделяет мне внимание, мило со мной беседует, и для меня это было уже не задание по французскому, а настоящая научная фантастика.

А потом он прочитал мне «С любовью не шутят». Вернее, разыграл по ролям. Он менял голос, выступая за разных персонажей, и залезал на

табурет, изображая хор.

В роли Барона он был настоящим бароном, в роли Блазиуса — старым добродушным толстяком в легком подпитии, в роли Бридена — мелким гнусным старикашкой, только и думающим что о еде, в роли мадам Плюш — старой девой, разговаривающей с поджатыми губками, в роли Розетты — милой крестьянской девушкой, попавшей в водоворот событий, в роли Пердикана — юным красавцем, не понимающим, чего же он хочет: гулять и трахаться или остепениться, в роли Камиллы — юной девицей, не шибко прикольной, но прямолинейной и рассудительной. По крайней мере, в начале…

Восемнадцатилетняя девушка, ничего не знающая о жизни, похожая на свечку, что зажигают в церкви: суперпростая, суперчистая, супербелая, сгорающая в собственном огне.

Да, у нее внутри настоящий пожар…

Я была… потрясена.

Прямо как давеча, когда, глотая слезы, увидела бескрайность неба, раскинувшегося надо мной…

Крепко сжимая в руках подушку, я так и застыла с улыбкой на губах.

Я улыбалась не переставая.

Как вдруг, изображая Пердикана, он с легким раздражением презрительно сказал Камилле: «Милая моя сестрица, монахини поделились с тобой своим опытом, но, поверь мне, это не твой опыт; ты не умрешь, не познав любви», и разом громко захлопнул книжку.

— Почему ты остановился? — забеспокоилась я.

— Потому что это конец нашей сцены и время полдничать. Ты идешь?

На кухне, подкрепляясь черствыми «мадленками», выданными его бабушкой, и запивая их уж и не помню чем, наверно «Оранжиной», я не сдержалась и высказала вслух то, что думала:

— Глупо вот так вот обрывать нашу сцену… Интересно ведь узнать, что она ответит…

Он улыбнулся.

— Согласен… Проблема в том, что дальше идет очень плотный текст… Длиннющие монологи… Учить их наизусть — мало не покажется… Но все равно жаль, потому что лучшее в этой сцене, сама увидишь, происходит в финале, когда Пердикан выходит из себя и объясняет Камилле, что да, все мужики — придурки, все бабы — стервы, но в мире нет ничего прекрасней того, что происходит между придурком и стервой, когда они любят

друг друга…

Я ему улыбнулась.

Мы больше тогда ничего друг другу не сказали, но в тот момент оба знали продолжение наперед.

Мы допили свою «Оранжину» так, словно бы ничего не случилось, но оба знали.

Знали и понимали, что это понятно нам обоим.

Мы понимали, что для нас это последний шанс реванша за все годы одиночества, проведенные среди придурков и стерв всего мира.

Да. Мы ничего не сказали друг другу, просто немного помолчали, глядя в окно, чтобы снять напряжение, но мы уже это знали.

Что на самом деле мы двое тоже прекрасны…

* * *

О том, что произошло потом, я могла бы рассказывать тебе всю ночь. О тех двух неделях, что мы провели вместе: как мы разговаривали, учили текст, разыгрывали его по ролям, ссорились, мирились, как я швыряла книгу, нервничала, отказывалась продолжать, истерила, бралась заново, как мы начинали все сначала, репетиро-

вали и репетировали, все снова и снова.

Я могла бы рассказывать тебе об этом всю ночь, потому что для меня моя жизнь началась именно тогда…

И это, звездочка моя, не образное выражение, а настоящее свидетельство о рождении, так что ты с этим, пожалуйста, не шути. А то я обижусь.

* * *

Мы решили встречаться каждый день после обеда и репетировать сцены, выученные с утра, и довольно быстро мне пришлось подыскивать себе тихий уголок вне дома, чтобы иметь возможность спокойно заниматься.

Я перепробовала разные места: заднее сиденье разбитого автомобиля, крыльцо заброшенной лесопилки, старую прачечную, но мои попытки спрятаться превратились в своеобразную игру для детей моей сводной сестры (сводной в том смысле, в котором это было принято в нашей семье) — они таскались за мной повсюду и нигде не оставляли в покое, пока наконец я не нашла себе прибежище на кладбище, устроившись в одном из склепов.

Все эти кресты, черепа, обломки надгробий и ржавых оград — все это мгновенно настраивало

на должный лад, а кроме того, как нельзя лучше подходило Камилле со всем ее занудством и истовой набожностью.

Я не специально выбрала это место, но оно и вправду оказалось более чем кстати…

Не знаю, было ли это связано с обстановкой, с тем, что покойники, убивая время, со скуки решили немножко мне подсобить, но я до сих пор в шоке от того, насколько легко и быстро я выучила тогда наизусть весь свой текст.

Поскольку я бережно сохранила старую книжку, мне иногда случалось, просто удовольствия ради, перечитывать нашу с Франком сцену, так вот, всякий раз мне хотелось саму себя ущипнуть, дабы убедиться, что это не сон. И как только мы все это выучили? И как только мне это удалось? Я ведь даже с таблицей умножения до сих пор не справилась и всегда терялась, если нам задавали выучить больше пяти строк.

Я не знаю… Думаю, я сделала все это ради того, чтобы быть достойной Франка Мюллера… Чтобы он не разочаровался во мне… В качестве благодарности — ведь он так по-доброму говорил со мной в первый день…

Глупо, да?

И потом… не знаю, как бы все это объяснить умными словами, но мне казалось тогда, что суть не в том, чтобы взять реванш у мира и всех этих людей, которые в действительности уже давно мне были безразличны, а в чем-то значительно более важном…

Ведь мне не надо было ничего доказывать.

Никому.

Мне только хотелось сделать приятное Франку и вырваться из своего ада.

В ту пору я была слишком мала, чтобы все это осознать, а сейчас мне явно не хватает словарного запаса, чтобы выразить свою мысль, но, когда я, скрючившись в три погибели, зубрила в своем склепе слова этой девицы, которая все докапывалась и докапывалась до истины, пытаясь найти ответ на безумные вопросы, терзавшие ее мозг, меня не покидало ощущение, что все это я делаю не просто так. Да, я влезаю в шкуру этой героини, жадно ищущей себя, чтобы по ходу позаимствовать у нее упертости и последовать ее примеру.

Должно быть, я думала про себя, хотя и не знала этого наверняка, что если я справлюсь со всеми своими репликами и тем самым позволю Франку Мюллеру исполнить его роль в наилучших условиях, то тогда, тогда я буду уже не одной из

Сморчков.

Я стану… просто сама собой. Целиком и полностью. Родом отсюда, из этого заброшенного склепа. Из этой крохотной моей часовни…

Так вот, я сидела там, посреди осколков гипса, внимая бредням этой вздорной буржуйки, которая никогда в своей жизни ни в чем не нуждалась и хотела получить все сразу, весь прикуп, даже не начиная игры, которая предпочла бы и вовсе не играть, предпочла бы вовсе ничего не прожить, лишь бы не жить, как все, и всё, что мне оставалось делать, это как можно ближе к ней подобраться, чтобы понять ее потребность в большем, нежели она сама.

Потому что даже если я и не разделяла ее навязчивых идей, я восхищалась ею…

Я знала, что она ошибается. Знала, что сестры-монашки хорошенько промыли ей мозг и что ее саму это тоже устраивало, потому что ей было страшно сделать шаг в пустоту. Знала, что она никогда не справится со своей гордыней и всю жизнь будет страдать из-за своей одержимости этой идиотской чистотой. Знала, что если бы она когда-нибудь хоть на пару минут заглянула в Сморчки, то сразу бы успокоилась и совсем иначе взглянула бы на свою жизнь — вела бы

себя поскромнее, ну а пока именно это делало ее наилучшей пособницей моего побега.

Она настолько уперта и несгибаема, что никогда не отступится, так что если я, со своей стороны, не подведу, то у нас все получится.

Йес. С таким-то ослиным упрямством, как у нас двоих, мы сделаем это!

Конечно, тогда я всего этого не осознавала, но, звездочка моя, мне было пятнадцать… Мне было пятнадцать, и я готова была уцепиться за что угодно, лишь бы только выбраться оттуда…

Да, я могла бы говорить об этом всю ночь, но, поскольку времени у меня нет, перемотаю побыстрому и остановлюсь только на двух самых важных моментах в этой истории…

Во-первых, наш разговор после читки первого дня, а во-вторых — то, чем закончилось наше «выступление».

Эй, звездочка моя, ты еще здесь?

Ты ведь не бросишь меня, нет?

Когда тебе надоест слушать мою болтовню, пришли мне носилки с парой красивых парней в комплекте, чтобы воскресить моего Франки, и я тут же оставлю тебя в покое, обещаю.

(Эй, не напрягайся… Парней ты можешь ста-

щить у Abercrombie[27], они там всегда во всеоружии.)

* * *

Она умерла. Прощай, Пердикан!

Франк замолчал, и: Та-да-да-да… — типа объявил рекламную паузу… мол, продолжение следует!

С каким нетерпением я ждала продолжения.

Ломала голову, как именно эти двое снова выйдут сухими из воды, ведь смерть простолюдинки в таком великосветском антураже — явно сущая безделица, а хорошая история, особенно о любви, всегда заканчивается свадьбой с песнями, плясками и прочими прибабахами.

Но нет.

Это конец.

Он был взволнован, я рассердилась.

Он говорил, что это круто, я говорила «отстой».

---

[27] Примечания: 27

Abercrombie & Fitch — американская компания, основанная в 1892 г. В наши дни специализируется на молодежной моде стиля Casual Luxury, известна своей провокационной политикой в области маркетинга и рекламы, а также принципами подбора и менеджмента персонала: в магазинах компании (более 1000 по всему миру) продавцами работают полуобнаженные юноши модельной внешности, с которыми можно фотографироваться.

Он видел в этом прекрасный урок, я — полный бред.

Он отстаивал Камиллу, твердил о ее честности, чистоте, о ее стремлении к абсолюту, тогда как с моей точки зрения, она была зажатой и унылой мазохисткой, легко поддающейся влиянию.

Он презирал Пердикана, а я… Я его понимала…

Он был убежден, что Камилла немедленно вернулась в монастырь. Печальная и разочарованная, она и так была о мужчинах не лучшего мнения, а тут лишь нашла подтверждение своей правоте. Я же была уверена, что в конечном счете она отдалась Пердикану прямо в кустах, предварительно обменявшись парой-тройкой примирительных писем.

Короче, сцепились мы с ним не на шутку, и сдаваться никто из нас не хотел.

Такой вот у нас с ним вышел словесный поединок.

Прости?

Ты что-то сказала, звездочка моя?

Ты совсем запуталась?

Ты подзабыла пьесу?

Сейчас, подожди. Не двигайся. Я расскажу тебе в двух словах, в чем там дело, сначала свою версию, потом — версию Франка, версию Мюссе ищи

где-то посередине…

А) (моя версия) Камилла выходит из монастыря, где все свое отрочество выслушивала стенания монашек, которые кисли там от досады, горечи и отчаяния. Все они — либо обманутые жены, либо уродины, либо и то и другое сразу, или же у их семей не хватало средств им на приданое. Ладно, о'кей, среди них наверняка попадались и более просветленные, и более мотивированные, но такие не забивают головы юных дев всякой дрянью. Такие молятся.

Камилла по-прежнему по уши влюблена в своего кузена Пердикана, столько лет просидев взаперти в этой консервной банке, она только о нем и грезит. Да, она вздыхает, сохнет по нему, страдает и все такое прочее, но поскольку она отъявленная гордячка и догадывается, что за это время в Париже он уже кучу девок сменил, и у нее от этой мысли аж зубы сводит, то она преследует его, всеми возможными способами пытаясь добиться, чтоб он типа встал на колени и, цепляясь за ее монашеское одеяние, изрек что-то вроде: «О да… это правда… я трахался с другими… но только гигиены ради, ты же знаешь… Мне всегда было на них глубоко плевать… Да и они все были шлюхи… Ты же знаешь, любовь моя, что я никогда не

любил никого, кроме тебя… Да я больше никогда в жизни ни на одну другую женщину даже не взгляну… Клянусь тебе на твоем же кресте с распятием… Ну ладно, прости меня, чего уж там… Прости, что проваливался в коварные потайные дыры, но было так темно, что я не видел ничего дальше кончика собственного члена…»

А так как ее план не срабатывает (увы, но нет…) (хотя он тоже ее любит…) (увы, но да…) (правда, не бряцая цепями, запирающимися на ключ) (увы, нет…) (в противном случае, это уже не любовь, а страховой полис) (увы, да…) (и все это — в сцене, которая нам досталась), то она решает вернуться обратно в свой бункер и пишет письмо подружке по дортуару, в котором, вместо того чтоб сказать: «Увы, он и я, мы не сошлись взглядами на жизнь, так что готовь мою плошку и волосяной матрац, я скоро припрусь назад», она сочиняет с три короба, типа: «О, сестра моя… О-ля-ля… Я ему отказала… Ох, бедный… Ох, как же он настрадался… Ох, помолитесь за него, потому что… кхе-кхе-кхе… не знаю, оправится ли он и все такое».

Ладно, в конце концов, почему бы и нет? Ей же надо было подготовить себе достойный прием по возвращении, с радостным щебетаньем и кудахтаньем, вот только ей не повезло: Пердикан

перехватил письмо, прочел его (да, согласна, это низко), обнаружил, что она заливает без всякого удержу, и решил ее наказать, загуляв с бедняжкой Розеттой, что в замке пасла гусей и просто не вовремя проходила мимо.

Камилла видит их вместе, это задевает ее за живое, она осознает, что по-настоящему любит его, понимает, что должна взять себя в руки и прекратить идиотничать, но опять идиотничает, и Пердикан, сытый по горло этими ее блужданиями между ним и Иисусом, делает вид/принимает решение (по этому пункту мы с Франком спорим по сей день) и впрямь жениться на Розетте.

На этот раз Камилла не выдерживает и отбрасывает наконец свои четки, а вместе с ними и свое самолюбие.

О! Супер! Наконец-то они поцелуются после всех этих сцен, которые они закатывали друг другу на протяжении трех актов, вот только снова не повезло: Розетта, оказавшаяся неподалеку, все слышит и в отчаянии кончает с собой.

Остальное вы знаете.

Что ж…

Хлоп, хлоп, ага?

Уж лучше бы они шутили с любовью, эти придурки…

У них было все. Деньги, красота, здоровье, молодость, добрый папа, чувства друг к другу, все… И они все это порушили, да еще и по ходу человека убили… просто так, забавы ради… из эгоизма… чтобы порадовать себя пустой болтовней, покрасоваться у фонтана, поглаживая себя веером по кончику носа.

Отвратительно.

Б) (версия Франка) Камилла любит Пердикана. Она любит его чистой любовью. Она любит его сильнее, чем когда-либо любил или будет любить ее он.

И она это знает, потому что, пусть даже она и выпендрежница, в любви ей известны такие области, какие ему с его «сорванцом» даже и не снились. А все почему? Потому что в монастыре ей открылась Истинная любовь, Большая и Чистая. Та, что никогда не разочарует, ибо не имеет ничего общего со всеми этими нашими сексуальными игрищами на поживу адвокатам и purepeople.com[28].

Да, ее коснулась милость Божья, и она готова пожертвовать своим счастьем на этой земле

[28] Примечания: 28

Информационно-новостной сайт о жизни разного рода знаменитостей.

ради служения своему Божественному Возлюбленному.

А сюда она приехала, просто чтобы попрощаться с дядей и забрать уж и не знаю что. (Деньги, оставшиеся ей от матери? Не помню…) Но тут она, увы, обнаруживает, что кузен Диди, какой бы он ни был ветреный, глупый и красивый, по-прежнему производит на нее впечатление…

Проклятие. Она разволновалась.

Да, это правда, она сглупила со своим письмом блаженной недотроги, строящей из себя роковую женщину, но, во-первых, он не должен был его читать, во-вторых, он мог бы прямо с ней объясниться, вместо того чтобы доставать ее, используя бедняжку Розетту. (Розетта, кстати, тоже живой человек, причем самый что ни на есть настоящий, и у нее есть сердце, душа, слезы… ну и… и утки с индюшками.)

Какая мелкая месть… И что ж? Камилла любит его. А в любви она честна. Будь то любовь к Богу или любовь к подонку. Когда она любит, она не считается: она отдает все. А когда она донимала его тут давеча, в нашей сцене, своими мрачными размышлениями о любви, смерти, тлене и верности, то делала это вовсе не с тем, чтобы его подгрузить, а чтобы он ее успокоил.

Не вышло.

А поскольку она куда более зрелая, чем он, к тому же за него в значительной мере думает его член (как, интересно, его называли в то время? копье с бубенцами?), то он ни хрена не понимает из того, что она выливает на его голову, и принимает ее за бедную экзальтированную Мисс Ледышку, которой матушки-настоятельницы напрочь заморочили голову.

Короче, юному баронету явно многого не доставало…

Но ведь это Камилла Несравненная, и ради любви она готова проглотить любую обиду.

Да, из любви к Пердикану она уже даже согласна быть любимой без всяких гарантий, в свободном режиме. Высший класс, разве нет? Услышать такое, да еще и из ее уст… В этом она вся: честна до безумия. Она выглядит фригидной, но на самом деле все наоборот. Эта девочка как лава… Как извержение вулкана…

Она безумно любит саму любовь, поэтому-то она так уязвима. И вместе с тем так прекрасна…

Такие девчонки, как она, появляются раз в столетие, и, как правило, они плохо кончают.

Слишком большое напряжение, как говорится…

Они как лампочки, слишком мощные для имеющихся в продаже патронов, как бы они ни выкручивались, стараясь приспособиться, стоит зажечь — пф! — сразу вышибает пробки.

Да, потом, конечно, напряжение стабилизируется, все с облегчением переводят дух и возвращаются к повседневным делам, но для таких, как она, это конец: перегорают. Их слегка встряхивают — внутри у них что-то побряцывает: дзинг-дзинг — и выкидывают на помойку.

Так что же Камилла? Была ли она в действительности такой, как казалась, или и впрямь переела облаток?

Досталось ли ей от рождения слишком большое сердце, чтобы довольствоваться ширпотребным счастьем, или же кипящая лава застыла бы, наткнувшись на грязные носки старика Пердикана, забытые под стульчаком?

Все это было бы возможно узнать, лишь взглянув на выражение ее лица в день двадцатилетия их свадьбы, но игра окончена: этот кретин, этот папенькин сыночек до того доигрался, что бедняжке Розетте надоело ощущать себя главной проблемой в жизни двух богатеньких лоботрясов, которые день напролет пичкают тебя сладкими

сказочками и тут же в грязных своих сапожищах и в душу залезут, и по головам пройдут, так что она за кулисой кончает с собой.

О, черт… Это уже не просто моветон, это портит весь праздник… Эй! Отменяйте банкет, тут гробовщик снимает мерки!

Прощай, любимый, клятвы, свадьбы, флейты, барабаны, пьеса окончена, публика расходится с неприятным осадком в душе.

Итог состязаний, по версии Франка: искания Камиллы и поступок Розетты — это одно и то же. В любви либо все, либо ничего.

Поскольку с любовью НЕ ШУТЯТ.

И точка.

Конец.

* * *

Я сейчас все это рассказываю в режиме супербыстрой перемотки, а тогда у нас с ним не один час ушел на то, чтобы разобраться в этой мешанине.

Ко всему прочему, Франк мне в конце концов признался, что эту пьесу автор написал после собственного неудачного романа, типа чтобы показать той, что его бросила, масштаб потери, и это еще больше укрепило меня в том неприятном

чувстве, которое вызывало у меня такое разбазаривание жизни.

Во всем этом меня тяготило скрытое желание отыграться, преподнести урок. Я не отстаивала свою точку зрения — слишком сложно для моей маленькой головы, но про себя я сделала вывод: этот Мюссе, он был не особенно откровенен. Он использовал Камиллу в собственных интересах, а его интересы не имели ничего общего с любовью к Богу…

Я не настаивала, заметив, что еще немного, и Франк начнет меня презирать, потому что нельзя же все путать: искусство — не сплетни про то, кто с кем спит, но я… Ладно, у меня по французскому в среднем четыре балла из двадцати, так что уж лучше я помолчу, однако женщину, что кинула этого самого автора, я понимаю на все сто.

Да, да, да… Не шибко честный, этот поэт…

Так что вот… мы с ним спорили, и это бог знает сколько бы еще продолжалось, если бы Франк не взглянул на часы.

— Проклятье! — сказал он и резко встал: ему надо было спешить, чтобы поспеть домой к ужину. (У меня дома распорядок дня был… уф… более свободный…)

(Мальчик, который говорит «Проклятье!» и

беспокоится о том, чтобы не дай бог не нарушить мамочкино расписание, — все это было очень непривычно… Все мне казалось странным, абсолютно все… На самом деле я там не столько роль учила, сколько открывала… новую для себя цивилизацию…) (Не так, как это делали первооткрыватели, а наоборот.) (В роли дикарки с костью в носу и в набедренной повязке из банановых шкурок, втихаря подсматривающей за белыми людьми.)

Сразу после того, как Франк посмотрел на часы, и начинается тот важный момент, о котором я хотела тебе рассказать. Это наш с ним разговор по дороге от Клодин (она же — бабушка Франка) (но мне она сама разрешила называть ее Клодин) до его дома.

И так как разговор этот очень важен и мне надоело использовать косвенную речь со всеми этими бесконечными «что», через которые не продраться, то я и перескажу его диалогом.

В духе Альфреда…

Тук! Тук! Тук! (Три удара гонга.)

Вжи-и-и-ик (Подымается занавес.)

Кхе-кхе-кхе… Хр-р-рынь… Фр-р-рынь… (Это старичье в зале откашливается и сморкается.)

Ля-ля, та-ти… та-та… (Музычка.)

Дорога

Болтовня Франка и Билли

Билли. На самом деле, это тебе надо было бы играть Камиллу…

Франк.*(аж споткнулся, будто подвернул лодыжку).* Почему ты мне это говоришь?

Билли.*(которой плевать на его лодыжку).* Ну, потому что… Потому что ты такого высокого о ней мнения! Раз так, то и защищай ее до конца! Я, может быть, и хотела бы вжиться в ее образ, но я не чувствую эту девицу… Я считаю, она слишком заморачивается… Эй, выучить всю ее болтовню для меня не проблема, слышишь? Просто мне больше нравится Пердикан…

Молчание.

Франк.*(голосом мадам Гийе).* Тебе не надо *становиться* Камиллой, тебе надо просто ее сыграть…

Билли.*(собственным голосом).* Отлично, надо сыграть? Так давайте поиграем! Мне вот больше нравится играть Пердикана. Мне было бы забавно сказать тебе о том, что если однажды мы разлюбим друг друга, то каждый будет волен

заводить себе любовников до тех пор, пока твои волосы не поседеют, а мои не побелеют.

Молчание.

Франк. Нет…

Билли. Чего нет?

Франк. Нет, это плохая идея…

Билли. Почему?

Франк. Училка не просто так распределила роли, и мы должны делать, как она сказала.

Билли. Но… Но ей ведь наплевать, разве нет? Главное — какую сцену учить, а уж кто кого играет — неважно…

Молчание.

Франк. Нет…

Билли. Почему?

Франк. Потому что я мальчик и буду играть роль мальчика, а ты девочка, поэтому тебе — роль девочки. Вот так, все очень логично и просто.

Билли.*(которая плохо учится в школе, зато немножко разбирается во взрослой жизни, мгновенно чувствует, что задела его больное место, и, чтобы разрядить обстановку, меняет тон на игривый).* Уважаемый, вам же не надо *становиться* Камиллой, вам надо просто ее сыграть!

Франк. *(ничего не говорит… улыбается… вот ведь забавная эта девица из Сморчков… замечает,*

что в кои-то веки у нее чистые волосы и на ней не эти жуткие тренировочные штаны, в которых она ходит круглый год).

Молчание.

Билли. Ладно… Ты не хочешь?

Франк. Нет. Я не хочу.

Билли. Ты не хочешь сказать от всего сердца что-нибудь типа: «Да что ты знаешь о любви, ты, свои колени поистерший о ковры, выслуживаясь перед своими любовницами?»

Франк.*(улыбаясь)*. Нет…

Билли. Тебе не хочется воскликнуть перед всеми: «Любить хочу, но не хочу страдать! Хочу любить любовью вечной!»

Франк.*(смеясь)*. Нет.

Билли.*(искренне взволнованная)*. Но вот уже два часа, как ты мне доказываешь прямо противоположное… Два часа ты убеждаешь меня в том, что она права… Что он ничтожество рядом с ней… Что любовь, это и впрямь так прекрасно, что с ней нельзя шутить, и все такое…

Франк.*(искренне взволнованный от вида искренне взволнованной Билли, ускоряет шаг и поднимает руки к небу)*. Но… Но это всего лишь пьеса! Это игра! Мы ведь не перед судьей выступаем и не перед комиссией по профориентации!

Это театр, Билли! Это… это развлечение!

Билли.*(отвечает не сразу, тщательно подбирает слова, словно понимает, что ее истинная роль, единственная настоящая, которую она должна сыграть, это именно сейчас, а все остальное: Камилла, Розетта, Пердикан, Господь Бог, Мюссе, мадам Гийе, романтизм, романтическая жизнь, романтический театр, все олухи ее класса, вонючие граффити, до смерти обидные перешептывания за спиной, девочки, которые расходятся, стоит ей подойти, оскорбления, сплетни, плевки, разлетающиеся по ветру, мальчишки, не дающие ему прохода, истории о прошлогоднем учителе пластических искусств, все те грязные слова, которые навсегда останутся в памяти, сертификат об окончании колледжа, конец учебы, прямая дорога на завод, закрытые магазины, выставленные на продажу дома, будущее без перспектив и надежды, формуляр RSA*[29]*уже в кармане, телевизор на полную катушку, ну и все прочее, так вот, все это чепуха по сравнению с тем, что она сейчас чувствует, поэтому она некоторое время молчит, перебирая в голове все то, чему ее дерьмовая жизнь уже успела научить, все, что*

---

[29] Примечания: 29

RSA (Revenu de solidarité active, *франц.*) — социальное пособие малоимущим.

ей довелось увидеть, услышать и пережить в Сморчках и окрестностях, все свои познания о человеческой природе, все, чему научили ее эти люди, живущие без веры и закона, без гордости и морали, без ничего; жестокие, глупые, пьяные и злые, без устали строгающие детей, на которых им глубоко наплевать, которых они учат пи́сать в пивные банки, едва успевая их опустошать, стрелять из карабина по новорожденным котятам и, не задумываясь, подтираться письмами из мэрии; они обкуривают их с самого детства табачным дымом, роняют пепел на их школьные тетрадки, бьют их по поводу и без и оставляют на ночь одних в холодном трейлере, когда хотят спокойно отдохнуть и потрахаться всем вместе, чтобы наделать новых детей, на которых им глубоко наплевать и т. д., и что…)

Франк.*(обеспокоенно).* Молчишь… Ты на меня злишься?

Билли.*(еще не до конца разобравшаяся в своей голове, но — была не была — как обычно, решившая импровизировать).* Нет, просто я… Я тебя не понимаю… И это на самом деле относится не только к тебе… Я говорю о тебе, но имею в виду не тебя, а… нечто большее… Это относится ко всем… Нечасто в жизни выдается случай высказать,

что думаешь, да еще и хорошо все это сказать… Заранее подготовленными словами… Воспользоваться персонажем, которого кто-то выдумал, чтобы с его помощью втихаря передать что-то такое, что тебе кажется очень важным… Сказать, кто ты есть… Или кем бы ты хотел быть… Причем сказать это так, как тебе никогда бы не удалось самому, не будь у тебя под рукой уже готовых и таких красивых фраз…

Франк.*(?!?!)*….

Билли. Но… уф… не делай такое лицо! Ты прекрасно видишь, что я с трудом подбираю слова! Не строй из себя такого же идиота, как я! Все, что я пытаюсь тебе сказать, это то, что если есть в тебе что-то, что может помочь… помочь жить… полной жизнью… что-то, что заставляло бы тебя дышать, вдохновляло бы до самой смерти… что-то, что было здесь до тебя и останется после… Да, что-то, что будет говорить о тебе после того, как ты откинешь копыта, что-то, что никогда тебя не предаст, так если это есть… уф… то какая тебе на фиг разница, какие там у тебя половые признаки?

Франк. Что, прости?

Билли. Да, да, ты прекрасно меня понял… Что я должна сказать? Член? Киска? Сиськи?

Франк.*(???).*???

Билли. Эй, ты меня подкалываешь или что? Ты не понимаешь, что я хочу сказать, или ты не хочешь понять? Девочка ты или мальчик — это имеет значение разве только для цвета спальни ребенка, для его одежды, игрушек, для парикмахерской — в смысле цены за прическу, при выборе фильмов, которые ты смотришь, или вида спорта, которым хотел бы заняться, или… ну я не знаю что! Есть вещи, в которых еще имеет значение мальчик ты или девочка… Но здесь… когда речь идет о чувствах… о том, что ты чувствуешь, что накрывает тебя изнутри прежде, чем ты успеваешь это осознать… то, от чего впоследствии будет зависеть вся твоя жизнь, типа того, как ты видишь свои отношения с людьми, кого ты любишь, до какой степени ты готов терпеть, прощать, биться, страдать и все такое, и что ж… нет, ну правда, ну какое отношение ко всему этому имеет твоя анатомия, спрашиваю я саму себя… Но и тебя, кстати, тоже… Если ты за Камиллу, ты на ее стороне, то почему тебе не наплевать, что ты мальчик, чтобы ее сыграть? К тому же ведь выступать нам не во Французской академии, а всего-навсего в гнилом классе гнилого колледжа одного маленького гнилого городка… Ну, что ска-

жешь? Тебе не наплевать? Произнося вслух слова Камиллы, ты ничем не рискуешь, наоборот! Она крепкая девка! Она клевая! Она готова сломать свою жизнь ради своих принципов. Ты таких много знаешь? Я — ни одной… Так что с любовью не шутят, о'кей, но взамен успокой меня, со всем остальным-то нам можно шутить, или как? Или же всем — прямиком в монастырь, и нет проблем! Нет, ну правда, как же меня это бесит! Меня бесит весь этот бред, постоянно! Бесит! Твои отговорки про мальчиков и девочек… Говорю тебе сразу: это дерьмо. Не выдерживает никакой критики. Придумай что-нибудь другое.

Молчание.

Продолжительное молчание.

Франк. Театр — это не в Академии, это в «Комеди Франсэз»…

Билли.*(все еще взбешенная тем, что ей пришлось так глубоко забраться и так низко опуститься, чтобы в итоге так плохо выразить такие важные вещи).* Плевать.

Молчание.

Франк. Послушай, Билли, знаешь, почему именно ты должна сыграть Камиллу?

Билли. Нет.

Франк.*(в восхищении оборачивается к ней).*

Потому что там есть момент, когда Пердикан в восхищении оборачивается к ней и говорит: «Как ты прекрасна, Камилла, когда глаза твои горят!»

На этом наш разговор был закончен. Во-первых, потому что мы подошли к его калитке, а во-вторых, потому что если Камилла после этих слов резко ставит его на место, напомнив, что ей больше нет никакого дела до его комплиментов, то я, поскольку мне впервые в жизни делали комплимент, я… я не знала, как реагировать. Правда. Просто не знала. Поэтому прикинулась напрочь глухой, чтобы ничего не испортить.

Потом он кивнул в сторону своего дома и сказал:

— Я бы, конечно, мог пригласить тебя зайти…

Я уже забормотала было: «О, нет, нет», но он меня перебил:

— …но я тебя не приглашаю, потому что они тебя недостойны.

И это уже, конечно, было совсем другое дело, куда важнее, чем вся эта болтовня Пердикана…

Это было как кровь, которой индейцы, вскрывая вены, скрепляют дружбу.

Это означало: «Ты знаешь, малышка Билли, несмотря на всю твою грубость и необразован-

ность, я прекрасно тебя услышал — все, что ты тут сейчас объясняла, и, знаешь, я на твоей стороне».

Вот.

Ля-ля, та-ти… та-та…

* * *

Стоило Франку переступить через порог, как его обступили с расспросами — не скрывая любопытства и перемигиваясь с понимающим видом — о той девушке, с которой он шел по улице.

Ни уклончивый ответ Франка, ни его явное раздражение не испортили настроения его отцу, который в тот исключительный вечер за все время выпуска вечерних новостей ругался куда меньше, чем обычно.

Так хрупкий силуэт какой-то робкой замухрышки, которая питалась кое-как тем, на что хватало пособия, и которой предстояло сейчас протопать пешком три километра в сгущавшейся темноте, в то время как он брал себе добавку картошки, запеченной в сливках и посыпанной сыром, по крайней мере, на один вечер заслонил собою Великий Заговор, организацией которого с самого конца холодной войны — уж кто-кто, а

Жан-Бернар Мюллер прекрасно это знал, будучи в курсе всех последних событий, — занимались франкмасоны, евреи и гомосексуалисты всего мира.

Явись Билли, и Запад был бы спасен. (*Прим. автора*).

* * *

Знаешь, звездочка моя, а Франк оказался прав, и все должно было быть именно так, и знаешь почему?

Прежде всего потому, что он был хорошим актером, в отличие от меня. А я, сколько бы ни слушала его советы, была абсолютно неспособна им следовать, делать, как он, размахивать руками, говорить с интонацией, с чувством, и в конце концов как раз то, что я вела себя словно кол проглотила, и позволило мне почти идеально сыграть Камиллу, потому что именно такой она и была.

Такой же напряженной, недоверчивой и зажатой, какой ощущала себя я в том странном одеянии из мешковины, что сварганила мне Клодин.

И не только потому, что Франк в роли Пердикана был великолепен — а когда я говорю

«великолепен», уж мне-то ты можешь поверить, потому что за весь мой рассказ я всего второй раз произношу это слово, а в первый я употребила его, когда говорила о тебе и твоих сестрах, — да, Франк был великолепен… нежный, любезный, жестокий, печальный, забавный, злой, задавака, уверенный в себе, ранимый, взволнованный Пердикан, облаченный в сюртук своего прадедушки, сельского полицейского, который Клодин подогнала ему по фигуре, начистив до золотого блеска пуговицы с лисьими мордами, но еще и из-за моей жвачки «Малабар» с двойным вкусом.

Поясню: в последней тираде, самой важной, о которой Франк говорил мне в первый день, — из той сцены, где речь о придурках и стервах, — в какой-то момент Пердикан говорит Камилле, сжав зубы и сдерживаясь изо всех сил, чтобы не прикончить ее в порыве гнева, что «…мир — бездонная клоака, где безобразнейшие гады[30] карабкаются, извиваясь, на горы грязи» и т. д.

Когда, репетируя, мы с ним дошли до этого места, понятное дело, что, встречаясь ежедневно на протяжении почти что двух недель и постоянно

---

[30] Примечания: 30

В оригинале: phoque (*франц.*) — тюлень; на современном франц. жаргоне — гомосексуалист.

общаясь то как Камилла с Пердиканом, то как Франк и Билли, мы уже все друг про друга знали и были друзьями навек.

Так что ему не пришлось долго мучиться — я уже и сама догадалась, что его что-то тревожит.

Ну да… Я очень проницательна… И я подозревала, что его сильно удручает моя манера игры…

Поэтому я решила добиться от него полной откровенности — пусть уж он выдаст мне все разом, чтоб больше к этому не возвращаться.

— Ну давай, чего уж. Выкладывай. Я тебя слушаю.

Он покрутил в руке книжку, словно полицейскую дубинку, вздохнул, посмотрел на меня, нахмурив брови, и наконец шепотом произнес:

— Это одна из лучших сцен в пьесе… возможно, даже лучшая… а из-за того, что Пердикана играю я, у нас ничего не получится.

— Эй… с чего это ты взял?

— Просто… — добавил он, глядя в сторону, — когда я произнесу слово «гад», то вместо Пердикана все сразу увидят Франка Мюмю и начнут потешаться…

Я настолько не ожидала подобного откровения (Франк никогда не показывает своих слабостей, и даже сейчас, звездочка моя, он потерял сознание

лишь для того, чтобы скрыть от нас свои страдания), что ответила не сразу.

(Да, и это тоже я узнала от него… Как исподтишка закравшиеся сомнения обнаруживаются в самых неожиданных и нелепых местах, особенно у людей, которые значительно сильнее вас.)

Я молчала.

Ждала, пока тихий ангел пролетит… За ним — еще один… Третий наконец мне подмигнул и подбодрил, подняв вверх большой палец, — я встала поудобнее, чтобы попасть в его поле зрения.

— Спорим на что угодно, что ты ошибаешься?

И так как он не реагировал, пустила в ход последнее средство:

— Эй, Франк… Ты слышишь меня? Вернись, пожалуйста, посмотри мне в глаза. Спорю на «Малабар» с двойным вкусом, что *никто* не засмеется…

И, черт побери, я с легкостью выиграла это пари! Без проблем! А теперь вот реву из-за него… Все реву и реву…

Прости… Прости… Это все холод, голод и усталость… Прости, звездочка моя…

А реву я потому, что он должен был бы мне отдать не один «Малабар», а целое кило! Контей-

нер! Грузовик!

Да, да, он должен был бы засыпать меня этими жвачками с головой, если набрался смелости довериться мне…

* * *

По хронологии пьесы (да, тут я тебе постараюсь все рассказать красиво, в эпическом, так сказать, ключе) выступление наше ожидалось последним. С милостивейшего дозволения дамы Гийе мы на краткий миг удалились сменить одежды, а когда возвратились в нашу обитель знаний, я — в уборе из джутового полотна и с крестом на шее, он — в ладно скроенном благородном своем рединготе с золочеными пуговицами, то уже казалось, фортуна поворачивается к нам лицом.

О да, эти нескончаемые перешептывания — сколь часто и он, и я становились для них мишенью — отчетливо изменили тональность: в них ощущалось значительно меньше грязи…

Наша публика выглядела покоренной, мы окинули взором зал и принялись деклари… деклами… тьфу, подожди, я перейду в нормальный режим, иначе замучаюсь подбирать слова, так вот, мы с ним просто рассказали все то, что крепко-накрепко выучили наизусть, изо дня в день

твердя этот текст в маленькой похоронного вида столовой Клодин.

Только мы его рассказали значительно лучше.

Я — потому что была в таком же стрессе, что и моя героиня, он — потому что в кои-то веки мог быть не самим собой…

Не согласившись с выпавшим нам по жребию, мы сыграли всю пятую сцену второго акта, то есть намного-много больше того, что нам было задано.

Сколько раз может любить порядочный человек?

Если бы священник вашего прихода дунул на вас и сказал мне, что вы будете любить меня всю жизнь, должно ль мне было бы верить ему?

Выше голову, Пердикан! Что это за человек, который ни во что не верит?

Вы делаете свое дело, как и положено молодому человеку, и улыбаетесь, когда вам говорят об опечаленных женщинах…

Значит, ваша любовь — разменная монета, если она может вот так вот переходить из рук в руки до самой смерти?

Нет, это даже не монета; ведь самый маленький золотой имеет бóльшую ценность: через какие бы руки он ни прошел, он сохраняет свою

чеканку.

Вот. Это были мои слова. То, что запомнилось.

Эти обрывки мучительных сомнений, все то немногое, что осталось во мне от Камиллы, я расскажу этой ночью тебе, звездочка моя, для тебя…

Сколько раз может любить порядочный человек?

Выше голову, Пердикан!

Значит, ваша любовь — разменная монета?

Красиво, не правда ли?

И сегодня — потому что я повзрослела, потому что всю жизнь влюблялась навсегда, и бросала навсегда, и столько слез пролила, и столько настрадалась, и столько страданий доставила, и начинала все сначала, и столько раз еще начну, — так вот, сегодня я лучше ее понимаю, эту малышку…

В ту пору я была настолько настроена против всех, что она показалась мне страшной занудой, но теперь-то я точно знаю, кто она такая: она сирота.

Такая же, как и я, сирота, которая так же, как я, умирала от любви…

Да, сегодня я сыграла бы ее с большей нежностью…

Что же до Франка, то в тот апрельский четверг уж и не помню какого года на втором часу занятий в аудитории 204 корпуса С колледжа имени Жака Превера его выступление буквально «взорвало» зал.

Старший пожарный, мсье Гудок, взрыв подтверждает.

Франк крутился, подпрыгивал, подтрунивал надо мной, расхаживал вокруг да около, уселся на учительский стол, словно на край колодца, приподнял стул и резко поставил его на место, прислонился к доске, поиграл с мелком, обратился к моей тени, что пряталась между шкафом со словарями и запасным выходом, кинулся к подхалимам на первых партах, заговорил с ними, словно бы призывая в свидетели, он…

Он был и бабником, и мальчишкой, и мелким провинциальным дворянчиком, от которого все еще веяло парфюмом парижских кокоток, и простофилей, и придурком, и взрослым юношей, высокомерным и деликатным.

Влюбленный… Гордый… Лживый… Самоуверенный… И, возможно, раненный в самое сердце…

Да… Раненный смертельно…

Сегодня, когда я сильно повзрослела и все про-

чее, я стала об этом задумываться…

Наверно, как и Франк, Пердикан сильно страдал, просто не показывал вида…

Короче говоря, в тот момент, когда я должна была бы беспокоиться о своем «Малабаре» больше, нежели о своей девственности, то есть в тот момент, когда слова, столь пугавшие Франка накануне, бурным потоком выплеснулись из его сердца, с которого он наконец снял все ограничители (у нас так говорили про мопеды… типа если хочешь ехать на 4 км/ч быстрее, да еще и с грохотом, от которого лопаются барабанные перепонки, то снимаешь ограничители), я слушала его с куда большим вниманием, чем в свое время слушала бы его Камилла, потому что мне было известно, чего ему стоило их произнести; да, так вот, когда он бросил мне (прошу прощения за неточный пересказ, долгое время я помнила его слова наизусть, но пару-тройку мелочей наверняка дорогой растеряла), глядя мне прямо в глаза и уже взявшись за ручку двери:

— Прощай, Камилла. Возвращайся в свой монастырь. И когда тебе снова станут рассказывать эти гнусности, которые отравили тебя, отвечай то, что я тебе скажу: все мужчины — обманщики, непостоянны, лживы, болтливы, лицемерны,

заносчивы или трусливы, достойны презрения и сладострастны; все женщины — коварны, тщеславны, лукавы, любопытны и порочны; весь мир — бездонная клоака, где безобразнейшие гады карабкаются, извиваясь, на горы грязи; но есть в этом мире нечто священное и высокое, это союз двух таких существ, столь несовершенных и ужасных… В любви часто бываешь обманут, часто бываешь уязвлен и несчастен, но ты любишь. И, стоя на краю могилы, ты сможешь обернуться, чтобы взглянуть назад и сказать: я часто страдал, я не раз ошибался, но я любил. И это жил я, а не искусственное существо, созданное моей гордыней и моей скукой.

Эй…

Ведь даже ты заслушалась, да?

Так что, сама понимаешь… слово «гады», он настолько ловко его ввернул…

Никто не засмеялся, ни один человек.

И ни один человек не захлопал. Никто.

И знаешь почему?

Нет? Конечно, знаешь. Догадываешься, ведь так?

Ну же, давай…

Да они ничего не сказали, потому что он все же

надрал им задницы, этим маленьким пидорам!

Ха-ха-ха!

Прости, звездочка моя, прости… Мне стыдно… Просто хотелось услышать собственный смех в ночи… чтобы приободриться и поприветствовать сов…

Прости.

Продолжаю.

Никто не хлопал, потому что все эти кретины были настолько в шоке, что их мозг не справлялся и тщетно искал кнопку «руки» на пульте управления.

Хуже всех выглядела училка. Она была в полном ауте…

Нет, честно, это все длилось долго-долго… один… два… три… мы могли бы даже отсчитывать секунды, как арбитр в боксе. Мы с Франком замерли в замешательстве, не решаясь ни выйти из класса, чтобы переодеться, ни сесть на место в костюмах, когда где-то в глубине раздался первый хлопок, за которым последовал взрыв аплодисментов.

Хлопали все как один. Неистово. Как с цепи сорвались.

Казалось, у нас перед носом разорвалась огром-

ная бомба.

И… Ох…

До чего ж это было прекрасно…

Но для меня лучший момент наступил чуть позже: когда прозвенел звонок и все свалили на перемену, училка подошла к нам, пока мы складывали свои костюмы, и спросила, не хотим ли мы повторить свое выступление перед другими классами. И даже перед учителями с директором и всеми прочими.

Я молчала.

В школе я всегда молчала — я расслаблялась.

Я молчала, хотя была против. Не потому, что боялась, а потому, что знала по опыту — не надо от жизни требовать слишком многого. Все произошедшее и так стало для нас подарком. Ну и все. Мы его получили, развернули, и баста. И оставьте нас в покое. Таким подарком мне не хотелось рисковать — не дай бог, испортят или украдут. В моей жизни так редко случалось что-либо прекрасное, и мне настолько нравилось то, что произошло, что мне ни с кем не хотелось этим делиться.

Мадам Гийе смотрела на нас заискивающе,

как кот из «Шрека»[31], но мне это не льстило, наоборот, стало как-то вдруг грустно. Получается, она такая же, как и все остальные… Она ничего не знала. Ничего не видела. Ничего не понимала. И даже не представляла себе… какой путь нам с ним пришлось пройти, чтобы заткнуть им всем рты и победить вчистую…

А теперь? Что это она там себе возомнила? Решила, что мы дрессированные собачки? Вот уж нет, моя дорогая… Вот уж нет… Чтоб оказаться сейчас на этом месте, я столько времени провела в своем склепе, а он — в полной изоляции. И сегодня мы вам доказали: мы абсолютно свободны, несмотря ни на что, ну и прекрасно, дело сделано, привет вам на вашей же территории, но не рассчитывайте на нас, мы не нуждаемся в ваших подачках. Потому что для нас все это было не простым выступлением, знаете ли…

Для нас речь шла не о спектакле и не о театральных персонажах. Для нас это были Камилла и Пердикан, детки богатеньких родителей, пусть слишком болтливые и суперэгоистичные, но именно они подали нам руку, когда мы были в

---

[31] Примечания: 31

«Шрек» (*англ.* Shrek, 2001 г.) — полнометражный анимационный фильм режиссеров Эндрю Адамсона и Вики Дженсон по мотивам детской книги Уильяма Стейга «Шрек!».

дерьме, и вывели нас сюда под ваши аплодисменты, так что шли бы вы со всей вашей жаждой зрелищ куда подальше. Мы не играем и никогда больше не станем играть по той простой причине, что для нас все это было вовсе не игрой.

А если вы до сих пор этого не поняли, значит, вам этого никогда не понять, так что… без обид…

— Вы не хотите? — повторила она расстроенно.

Франк посмотрел на меня, я едва заметно мотнула головой. Только он мог увидеть мой жест. Скорее даже знак. Легкое содрогание. Понятное только настоящим индейцам.

Он тут же обернулся к ней и сказал абсолютно непринужденно, типа это наш с ним окончательный ответ:

— Нет, спасибо. Билли не хочет, я уважаю ее мнение.

Меня будто током ударило от его слов.

На всю жизнь след остался, и я никогда не стану его скрывать.

Я слишком этим горжусь…

Потому что вся его любезность, все его терпение, вся любезность Клодин, ее просроченный гренадин 1984 года, ее печенье с шоколадной

крошкой, ее апельсиновый лимонад и теплые прикосновения ее рук, когда она подгоняла мне платье, тишина после нашего выступления, неистовые аплодисменты, училка, замечавшая меня раньше только с тем, чтобы унизить или влепить кол, а теперь заискивающая передо мной, желая покрасоваться перед директором, все это было, конечно, приятно, чего уж там говорить, но в сравнении с тем, что он только что произнес, — это была полная чушь…

Полная чушь.

«Я уважаю ее мнение».

Мое мнение имело значение.

Причем не просто так, а в противовес учительскому!

Но я… Мне-то по вечерам нередко приходилось с боем добывать себе пропитание! А утром я даже не знала, найду ли… нет, ничего… В моем мире слово «уважение» настолько ничего не значило, что я даже не понимала, зачем его вообще придумали! Я считала, что это такая хрень, которую ставят в конце письма. Типа «с уважением, господин президент», ниже — подпись и все прочее, а тут… тут… этот мальчишка… этот Франк Мюмю, пятьдесят кило в одежде, и что же он тут вытво-

ряет? Доводит училку, заставляя ее с умоляющим видом заглядывать мне в глаза?

О боже правый. Это было поистине грандиозно.

Это было что-то…

Простите? Чего вам, недотепы? Желаете нас помучить *еще*? О нет, спасибо. Дело в том, что Билли не хочется, а кое-кто ее мнение уважает.

Да уж…

Я словно заново родилась…

Кстати, как только матушка Гийе покинула нас, я завопила — это я-то, которая отродясь в классе рта не открывала. Я вопила как резаная, как животное. Так сказать, чтобы разрядиться, снять напряжение, но, на самом деле, и я только сейчас это осознала, это было вовсе не снятием стресса, это был крик новорожденной.

Я кричала, я смеялась, я жила.

Так что знаешь, звездочка моя, я действительно готова на все, чтобы убедить тебя помочь нам еще разок, но, если ты не захочешь, не беспокойся, своего Франки я все равно вытащу.

Если понадобится, я взвалю его на спину и, сжав зубы, пойду до самого края света. Да, если понадобится, я его и до Луны дотащу, и до прием-

ного отделения марсианской больницы, а пока не волнуйся, ты и все остальные, вы можете на меня рассчитывать, чтоб все было по-моему.

* * *

Ладно, признаюсь, я тут немного растягивала удовольствие, но не переживай — дальше пойдет быстрее. Заметь, у меня просто нет выбора, поскольку нонче ночи коротки, мне надо поторопиться, если я хочу успеть прокрутить этот фильм целиком, прежде чем ты исчезнешь.

Однако, сама понимаешь, это было важно, это был наш первый сезон. Так сказать, завязка действия, все такое. За этим последует цепочка более или менее удачных эпизодов, которые в конце концов приведут нас к тебе.

Да в общем-то, все это ты уже видела…

Ты ведь была рядом…

Да…

Ты была рядом…

Правда, порой ты бывала весьма рассеянна, витала себе где-то там, в облаках, но я знаю, ты всегда была с нами. Знаю точно.

Первый эпизод я расписала тебе во всех деталях, не пожалев ни времени, ни сил, потому что

речь шла о нашей встрече, а с этим не шутят.

В этой сцене заключена вся суть нашей дружбы. Абсолютно вся… То, чем мы были и не были, и чего нам это стоило, и как мы общались, и как помогали друг другу, и как любили. Как я однажды сказала Франки, мы с ним — как сообщающиеся сосуды, разве что внутри у нас не вода, а всякое дерьмо, так что да, для меня было важно рассказать тебе, как все начиналось…

Да и вообще, чего ты? Некоторые, вон, тебе одно детство свое в шести томах выдают, а потом еще в четырех рассказывают о первом презервативе, а я все сжала в одну сцену, так что согласись, это вполне пристойно.

* * *

Не стану говорить, что дальше у нас все пошло проще, но мы были вдвоем, так что да, пожалуй, скажу: дальше все было проще. На переменах нас с ним теперь называли Камиллой и Пердиканом. Каково? Неслабо, да?

И именно потому, что мы отказались повторить свое выступление, наш подвиг превратился в легенду, и тем, кто отсутствовал в тот день по причине болезни или по какой другой, говорили, что это как если бы они пропустили какое-нибудь

олимпийское состязание, в котором Франция взяла золото.

Километры суперзаковыристых фраз, которые эта соплячка из кибитки шпарила как свои, бешенство Франка Мюмю, замогильным голосом объяснявшего, как убиваются женщины из-за любви, и наши клевые костюмы на заказ — все это сделало нас знаменитыми. Правда, у меня от этого не прибавилось хороших отметок, а у Франка — друзей, зато над нами перестали измываться, нас стали просто игнорировать. Так что спасибо, Альфред де Мюссе, большое спасибо.

(Хотя, я настаиваю, тебе не стоило убивать малышку Розетту, чтоб доказать собственную правоту.) (Если бы все рогоносцы последовали твоему примеру, на этой планете совсем не осталось бы интересных людей…)

* * *

Мы с Франком тогда не стали неразлучны, поскольку многое еще нас разделяло: его абсолютно сбрендивший отец, на почве затянувшейся безработицы впавший в острую паранойю и днями напролет торчавший в Интернете, обмениваясь суперсекретной информацией со своими друганами, легионерами христианства; его мать,

поглощавшая тонны таблеток, чтоб только забыть о том, с каким психом ей приходится жить… мой собственный отец, которому не требовалось компьютера, чтобы воображать себя тоже кем-то типа легионера на дежурстве; моя алкоголичка-мачеха со всем своим крысиным выводком родственничков, которые целыми днями орали друг на друга. В общем, сколько бы мы ни задирали нос, но все это дерьмо крепко нас держало…

Извини, что я так выражаюсь. Но вся эта безысходность сильно подрубала крылышки маленьким птенчикам, что ни говори, попавшим в нехорошие гнезда…

Я к тому же была слабее, чем он, и всегда пыталась прибиться к какой-нибудь компании, добивалась расположения, тогда как он всегда был одиночкой. Он был героем песни Жан-Жака Гольдмана: шел в одиночку, ни свидетелей, ни души, только звучат его шаги, и ночь, которая прощает все, и т. д. и т. п.

Он черпал силы в своем одиночестве, как я в своих идиотских подружках.

Пару раз, в самом начале, я попробовала было заговорить с ним на переменке и даже однажды села рядом в столовой, и хотя он по-прежнему был со мной мил, я чувствовала, что смущаю его,

поэтому настаивать не стала.

Мы с ним болтали только по средам днем, когда он шел обедать к Клодин, и я, вместо того чтобы сразу сесть на автобус, часть пути с ним за компанию проходила пешком.

Поначалу Клодин приглашала меня зайти, но так как я постоянно отказывалась, она тоже настаивать не стала.

Не знаю, почему я отказывалась. Думаю, причина крылась все в той же истории о чересчур прекрасном подарке… Я не хотела возвращаться в этот дом, боялась все испортить. Эти пасхальные каникулы были моим единственным чудесным воспоминанием, которое я берегла как зеницу ока и которое мне не хотелось тревожить.

Сейчас-то по мне этого не скажешь, потому что я тут одна распинаюсь, пока Франк в коматозе, да и сама я уже поспокойнее отношусь к своим воспоминаниям, но в ту пору я очень всего боялась.

Я была очень, очень труслива…

Меня не то чтобы били в детстве, во всяком случае не так, чтоб обо мне написали на первой полосе журнала «Расследование» или какого-нибудь еще, но меня постоянно *немножко* лупили.

Постоянно, все время лупили…

Одна оплеуха здесь, другая оплеуха там, затрещина вдобавок, пинок под зад, если вдруг окажусь на пути и если не окажусь — тоже, вечно поднятая на меня рука, типа, погоди, щас я тебе врежу, и все это… все это… как бы сказать?

Помню, однажды я втихаря прочитала в какой-то брошюре в библиотеке заметку об алкоголе, в которой говорилось, что да, конечно, пить нехорошо, но если ты, скажем, вечером сильно нажрался, ты все равно что вылил на пол ведро воды: это не супер, но ладно, потом ты быстренько все протрешь, пол высохнет, и забыли об этом, тогда как алкоголизм, даже скрытый и типа контролируемый, это работает как капельница и постепенно, капля за каплей, в итоге обязательно пробивает дыру. Даже в самом крепком организме.

Ну вот, со мной все именно так и было, все эти легкие затрещины и оплеухи, которые я огребала нон-стоп с самого раннего детства… Они не давали мне права на хронику происшествий или на специальное досье в социальной службе, но изрешетили весь мой мозг. Именно поэтому я всего боялась: от любого сквозняка чуть не в обморок грохалась. А Франк в ту пору тоже был не особо силен, чтобы приводить меня в чувство. Так что

общались мы с ним очень осторожно, берегли друг друга. Ценили наши отношения и друг к другу не липли, чтоб не доставлять лишних хлопот.

Короче, все было в порядке, и мы это знали.

Знали, что именно осторожность, а вовсе не презрение и не безразличие тому виной, и пусть даже нам нельзя подавать виду, но мы по-прежнему оставались друзьями.

Он это знал, ведь стоило мне почувствовать, что он скорее печален, нежели одинок, или же подавлен более, чем мечтателен, я подходила к нему и говорила: «Выше голову, Пердикан!» — а я, я это знала потому, что даже если порой ему и хотелось полюбопытствовать, он все же ни разу не предложил проводить меня до дома. К тому же он никогда не задавал мне слишком прямых вопросов. Он был вежлив, сдержан, почтителен. Как сказал бы его отец, он наверняка подозревал, что Сморчки — не колыбель христианства…

Полчаса совместного пути по средам позволяли нам продержаться неделю. Мы ни о чем особенно не говорили, просто были вместе и шагали к дому наших прекрасных воспоминаний.

И это было здорово.

Это нам помогало.

* * *

К середине июня я запаниковала: меня не перевели в девятый класс, даже в профессионально-технический, а он уезжал учиться в один из лучших лицеев страны.

В общем-то, эти тучи уже давно с угрожающим видом сгущались над моей головой, но до сих пор мне удавалось от них отворачиваться, тогда как теперь — дождалась, приехали: черным по белому. На моем табеле: «Не допущена», а у него в письме, которое он радостно мне показал: «Зарезервировано место в пансионе».

Вот ведь как. Словно удар в живот.

Помню, в тот день я попросила у Клодин разрешения остаться обедать с ними, и это было полным идиотством с моей стороны, потому что за весь обед я так и не смогла ничего проглотить.

Честно призналась, что у меня болит живот, и Клодин отнеслась с пониманием, потому что ведь это нормально, когда у девушки моего возраста болит живот, но она, естественно, заблуждалась… У меня живот болел совсем в другом месте…

* * *

К счастью, с концом того учебного года связано еще одно приятное воспоминание: наша поездка с классом в Париж…

Это была последняя неделя перед годовыми контрольными на аттестат, и нас вместе с параллельным классом, то есть всех придурков разом, потащили в Лувр. Все эти дебилы только и делали, что фоткались да разглядывали свои дебильные фотки, в то время как можно было запастись куда более прекрасными впечатлениями…

Мы с Франком сели в автобусе рядом, потому что только мы с ним остались в гордом одиночестве.

Когда мы тронулись в путь, Франк протянул мне один из своих наушников. Специально для поездки он записал подборку, и я наконец смогла послушать пресловутую Билли Холидей… У нее оказался такой чистый голос, что мне впервые удалось разобрать некоторые слова в песнях на английском… *Don't Explain*…[32] Красивая песня, правда? Очень грустная, но очень красивая… Мы

---

[32] Примечания: 32
«Не объясняй» *(англ.)*.

послушали несколько ее песен подряд, потом была «гигиеническая» остановка, он забрал свой наушник, и мы пошли размяться, каждый в свою сторону.

Когда мы вернулись в автобус, он мне столько всего понаболтал про певицу, которую мы с ним только что слушали. Рассказывал небрежно, типа, всякие сплетни из какого-нибудь журнала Oops той эпохи, ну и я, конечно, так же небрежно ему внимала. Да что ты? Да ладно? Да неужели? Но, конечно же, и я, и он в который уж раз прекрасно осознавали, что́ между нами в тот момент происходило на самом деле. Вернее, что происходило с нами.

Все это напоминало мое дебильное объяснение по поводу того, кто из нас должен играть Камиллу, — мы использовали не те слова, и все-таки, в общем, они неплохо справлялись с отведенной им функцией слов…

И что же такого он мне рассказал об этом прекрасном голосе одной из известнейших вокалисток мира, которая покорила сердца миллионов с тех пор, как появился джаз, и которую даже пятьдесят лет спустя после ее смерти все еще слушали двое деревенских подростков, плотно

прижавшись друг к дружке на заднем сиденье автобуса?

Уф…

Ничего особенного…

Что ее мать выгнали из дома в тринадцать лет, потому что она была беременна, что у нее самой было жуткое детство, что она онемела и долго молчала после того, как у нее на руках умерла ее любимая бабушка, что в десять лет ее изнасиловал однажды ночью какой-то милый сосед, что потом она попала типа в какую-то приемную семью, где над ней издевались и били ее, что в итоге она вместе с матерью-алкоголичкой оказалась в борделе и что там ей тоже неслабо досталось, но в конце концов… поди пойми… все-таки это было круто…

Что всей своей жизнью она не только обессмертила свое имя, но и в конечном счете показала «фак» небесам.

Don’t explain, ага?

Здорово было и то, что следом в его подборке

шли *I Will Survive*[33], *Brothers in Arms*[34] и *Billie Jean* — специально для бойца Биби, и на этом мы мягко с ней распрощались.

Слышишь, звездочка моя? Понимаешь, что это за человек — мой друг? Хорошо ли тебе оттуда видно моего маленького принца, или тебе нужен бинокль?

И если ты видишь все не хуже, чем я рассказываю, то есть он для тебя как на ладони, и ты позволяешь ему бессмысленно страдать, то тебе придется уделить мне время и объясниться, потому что, знаешь ли, мне за мою жизнь столько всего пришлось вынести — мало не покажется, но я уже и сейчас чувствую, что такого удара не выдержу, просто перестану отражать солнечный свет…

---

[33] Примечания: 33

«I Will Survive» (*англ.*, «Я буду жить», 1978 г.) — знаменитая песня Глории Гейнор, написанная Фредди Перреном и Дино Фекарисом, часто используется как гимн феминистского движения, гей-сообщества и ВИЧ-инфицированных.

[34] Примечания: 34

«Brothers in Arms» (*англ.*, «Братья по оружию») — песня британской рок-группы Dire Straits с одноименного альбома (1985 г.), принесшего музыкантам всемирную известность.

* * *

Я в ту пору была еще сильно отсталой, а вот для Франка эта поездка в Париж стала настоящим шоком.

Не просто шоком. Главным потрясением в его жизни.

Он уже несколько раз ездил в Париж на разные представления, по бесплатным профкомовским билетам с работы его матери, но это всегда происходило на Рождество, то есть ночью, в спешке, к тому же в сопровождении его папаши, который показывал детям здания и разъяснял, при помощи каких махинаций тот или иной еврей на этом нажился (он у него чокнутый на всю голову), поэтому с городом у Франка были связаны не самые приятные воспоминания…

А тут, прекрасным июньским днем, да еще и вместе со своей малышкой Билли, которая считала, что франкмасоны — это честные португальцы[35], и показывала пальцем на все подряд, привлекая его внимание к массе прекрасных

[35] Примечания: 35

Игра слов: franc-maçon (*франц.*) — букв.: честный каменщик; в современной Франции именно португальцы «специализируются» на каменно-строительных работах.

деталей, которые ей хотелось запомнить, — от всего этого у него окончательно сорвало крышу.

На обратном пути Франка как будто подменили. Когда мы повернули в сторону дома, назад к нашей унылой жизни провинциальных подростков, он больше не разговаривал, отдал мне оба наушника и все оставшиеся у него конфеты и всю дорогу с мечтательным видом вглядывался в ночь за окном…

Он влюбился.

Луврский дворец, Пирамида, площадь Согласия, Елисейские Поля — я смотрела, как он восхищается, и думала, что он чем-то похож на Венди, когда она со своими братьями летала над Лондоном за компанию с Питером Пэном. У него аж глаза разбегались, настолько все это его впечатляло.

Мне кажется, в самое сердце его поразили даже не памятники архитектуры, а просто люди… Все эти люди, то, как они одевались, как безалаберно переходили через дорогу, танцующей походкой пробираясь между машин, как громко они разговаривали и смеялись между собой, как быстро двигались…

Улыбающиеся люди на террасах кафе, шикарно одетые или в деловых костюмах, что перекусывали на скамейках в саду Тюильри или загорали

на берегу Сены, подложив под головы свои портфели, читали газеты, стоя в автобусе и ни за что не держась, шагали мимо клеток по этой — как ее там? — набережной, даже не замечая попугайчиков внутри, потому что их собственная жизнь казалась им куда интереснее всех этих попугайчиков, они куда-то катили по самому солнцепеку, крутили педали, болтая по телефону, смеясь и раздражаясь, иные входили в крутые бутики, иные выходили оттуда с пустыми руками, как будто так и положено. Как будто продавщицам платят за то, чтобы они, сжав зубы, им улыбались.

О-ля-ля, да уж… Все это тогда страшно растрогало моего Франки: именно парижане весной[36] стали для него настоящим потрясением, его личной «Джокондой»…

В какой-то момент, когда мы стояли на мосту, на ажурном железном мостике над Сеной[37], а во-

---

[36] Примечания: 36

Во Франции, как и в большинстве стран Северного полушария, времена года принято отсчитывать не от первых чисел календарных месяцев, а от дней зимнего и летнего солнцестояний и весеннего — осеннего равноденствий, таким образом, весна во Франции заканчивается 21 июня.

[37] Примечания: 37

Первый железный мост в Париже — мост Искусств (*франц.* Pont des Arts) — виадук, построенный в 1801–1804 г. по приказу императора Наполеона. Ныне является пешеходным.

круг нас, со всех сторон, куда ни посмотри, виды были такие, что закачаешься: Нотр-Дам, та самая, когда-то не к месту мною помянутая Французская академия, Эйфелева башня, прекрасные здания на набережных, музей уж и не помню чего, и все прочее, да, ну так вот, пока мы крутили с ним головами, глазея по сторонам, а прочие дикари фоткали крупные планы замкóв, которыми влюбленные туристы увешали балюстрады, мне тогда захотелось ему поклясться…

Мне захотелось взять его за руку или за локоть, пока он смотрел на все эти красоты, пуская слюни, как тощий несчастный пес перед огромной и сочной костью, до которой ему не добраться, и тихонько сказать ему:

— Мы вернемся… Обещаю тебе, что вернемся… Выше голову, Франк! Обещаю тебе, что однажды вернемся… И уже навсегда… И мы тоже будем здесь жить… Обещаю, однажды утром ты будешь шагать по этому вот мосту, как ходишь сейчас к Фожере (так звали нашего булочника), и тоже будешь настолько занят своим супертонким телефоном, что даже перестанешь все это замечать… Нет, ну конечно, не совсем перестанешь, но уже не будешь, как сегодня, слюни пускать, потому что наешься досыта… Давай, Франк! Что это за

человек, который ни во что не верит? И раз уж это я тебе говорю… а я… я стольким тебе обязана… Ты смело можешь мне поверить, ведь так?

Милый мой брат, твоя семья и всякие там Преверы поделились с тобой своим опытом, но, поверь мне, это не твой опыт; ты не умрешь, не переехав.

Да, мне ужасно захотелось с уверенностью нарисовать перед ним такое будущее, как на почтовой открытке, но я, конечно же, промолчала.

Мне до этой кости было не то что не добраться, для меня она вообще лежала на другой планете. Слишком уж мало было шансов, что я когда-нибудь сюда вернусь. Вернее, шансов не было никаких.

Поэтому я поступила так же, как он: полюбовалась видом и мысленно прицепила к нему воображаемый замочек с выгравированными на нем нашими инициалами.

* * *

Это был наш последний приятный момент в первом сезоне.

Перед началом второго кратко напомню содержание предыдущих серий: герои — это мы,

декорации — говно, действия было не так уж много и еще долго не будет, на второстепенных персонажей нам наплевать, перспектив никаких, во всяком случае у девчонки, и никаких причин надеяться на продолжение.

И что? Ты молчишь?

Эй… Ты там заснула, или как?

Выше голову, звездочка моя!

Все-таки одна причина есть! И тебе она прекрасно известна, ведь именно по этой причине я уже столько часов держусь за твой лучик!

Причина до того дурацкая, что я едва решаюсь ее назвать.

Это любовь.

* * *

Дальше все стало хуже, поэтому буду краткой.

Ты в это время явно витала в облаках…

Сначала мы стали видеться реже, потому что наступили каникулы (мы встретились трижды за два месяца, при этом один раз случайно и в жутко неудобной ситуации: его мать неотвязно крутилась рядом), затем перестали видеться вовсе, потому что он уехал в свой пансион.

Он был далеко, а я… я тем временем осталась на второй год, у меня выросли сиськи, и я начала курить.

На сигареты нужны были деньги, я стала заниматься всякими глупостями и, чтобы сиськи мои не пропадали даром, сошлась с одним парнем.

Да… стала жить с парнем… он ездил мимо, у него был мотоцикл, и время от времени он забирал меня из Сморчков. Он работал в автосервисе, был не особенно милый, но и не злой, и не слишком красивый, в общем, такая, как я, чтобы по-тихому перепихнуться, была пределом его мечтаний. Он жил у предков, но отдельно — в жилом прицепе, стоявшем в глубине их сада, меня все это очень даже устраивало, дом на колесах — моя родная стихия, так что я быстренько собрала в сумку свое шмотье и переехала к нему.

Я вычистила свое новое жилище, уселась внутри и стала жить, как он, — прятаться в глубине сада.

В саду его родителей…

Которые не желали со мной знаться, потому что для их сынка я была недостаточно хороша…

Он имел право кушать с ними в доме, но меня они видеть не желали. Поэтому мне он приносил еду в миске.

Его это немного смущало, но как он любил говорить: это же все временно, ведь так?

Где же ты была, звездочка моя?

Ох… Надо бы побыстрее заканчивать с этим эпизодом моего прошлого — все это слишком сильно напоминает мне мое нынешнее состояние…

Потому что, знаешь… я вот тебе тут все это говорю, говорю, а сама тем временем мерзну как суслик…

Я правда страшно замерзла, хочу пить, есть, и мне очень больно.

У меня болит рука, и мне больно за моего друга.

Мне больно за моего изломанного Франки…

И по-прежнему хочется плакать.

Вот я и реву.

Эй, но это же все временно, ведь так?

Кстати, звездочка моя, я вдруг вспомнила, ведь этот мсье Дюмон, он не только открыл мне глаза на то, что во Франции я являлась представителем «четвертого мира», но еще именно он заставил меня однажды переписывать откуда-то текст о том, что ты давно мертва…

Что ты мертва вот уже миллиарды лет, и когда

я смотрю на тебя вот как сейчас, то вижу вовсе не тебя, а лишь твой свет, твои останки. Останки твоего фантома. Ну что-то типа голограммы. В общем, галлюцинация.

Это правда?

Но тогда мы и впрямь совершенно одни?

Но тогда мы вдвоем и впрямь потерялись?

Реву.

Вот я, когда я умру, ничего не оставлю после себя — никаких следов. Моего света, кроме Франка, отродясь никто не видывал, поэтому если Франк умрет раньше меня, то это будет конец. Я тоже погасну.

Нащупываю его руку и крепко ее сжимаю. Крепко-крепко, изо всех сил.

Если уж он уходит, то и я уйду вместе с ним. Я никогда его не брошу, никогда. Так что ему придется снова меня спасти… Он уже столько раз это делал, что одна лишняя погрузка на вертолет ничего не изменит… Я не останусь здесь без него. Не хочу, да и в любом случае никогда бы не смогла.

Потому что, сколько бы я ни прикидывалась, мне так никогда и не удалось по-настоящему выбраться из своего «четвертого мира», хоть я и пыталась, и стремилась всем сердцем. Всей своей

жизнью. Но это как с неудачной татуировкой — руку ведь не отрежешь, потому и носишь это дерьмо на себе, пока тебя черви не слопают.

Нравилось мне это или нет, но как я родилась в Сморчках, так в Сморчках и помру. И если Франк меня бросит, я сделаю то же, что делали моя мачеха и все прочие: я стану пить. Проделаю дырку в своем мозгу, и день ото дня она будет расти, до тех пор пока не уничтожит во мне все человеческое. Все то, что позволяет мне плакать, смеяться, страдать. Все то, что могло бы заставить меня снова рискнуть — поднять голову и схлопотать еще одну развесистую оплеуху.

Я убедила Франка в том, что начала новую жизнь, осуществила полную перезагрузку, но все это бред. Ничего я не осуществила. Я просто поверила ему. Я поверила, потому что это был он, потому что он был рядом, и без него подобная белиберда мне бы и в голову не пришла. Я не могу все начать с нуля. Просто не могу. Мое детство, оно как яд у меня в крови, и только когда я сдохну, оно перестанет причинять мне боль. Мое детство — это ведь я и есть, а поскольку оно у меня никудышное, то, сколько бы я ни билась, ни лезла из кожи вон, я тоже ему под стать.

Мне холодно, я хочу есть, пить, я устала плакать.

И плевать мне на тебя с высокой колокольни, звезда ты моя хреновая, не существующая даже во сне. Видеть тебя больше не хочу. Никогда.

Поворачиваюсь к Франку и, как верный пес, как Белый Клык, нашедший своего хозяина, утыкаюсь носом ему в подмышку и замираю.

Я больше никогда не хочу жить в доме на колесах. Я больше никогда не хочу доедать объедки с чужого стола. Я больше никогда не хочу убеждать себя быть не тем, кто я есть на самом деле. Слишком утомительно постоянно врать. Слишком утомительно… Моя мать свалила, когда мне и года не было, потому что я постоянно плакала. Она больше видеть не могла своего собственного ребенка. Что ж, видимо, она была права, столько лет прошло, а у меня никакого прогресса: я как была, так и осталась маленькой невыносимой плаксой, которая хнычет ночь напролет…

Матери я простила то, что она меня бросила. Если я правильно поняла, она была еще несовершеннолетней, и перспектива провести остаток жизни в Сморчках с моим отцом наверняка ее убивала, но… есть вопрос, который мешает мне окончательно вычеркнуть ее из головы: думает ли она обо мне порой?..

Только один вопрос.

Я отпустила руку Франка, чтобы сменить позу, потому что, даже если мне и хотелось сейчас сдохнуть, терпеть боль в руке больше не было сил, как вдруг, в тот момент, когда я переворачивалась на спину, он как будто пожал мою руку в ответ…

— Франк? Ты очнулся? Ты здесь? Ты спишь? Ты в отключке или как? Ты меня слышишь?

Я прижалась ухом к его губам — вдруг, мол, он слишком слаб, чтобы ответить разборчиво, к тому же так всегда делали в кино, типа умирающий старикан на последнем издыхании слабым шепотом признается, где спрятал сокровища и все такое.

Но нет… Его губы были неподвижны… Зато его рука по-прежнему прижималась к моей… Несильно. Едва ощутимо. Легонько, словно мышонок обнимал, хотя ему это наверное стоило титанических усилий…

Его обессилевшая кисть была неспособна что-либо сжать, но коматозные пальцы еле заметно сдавливали мою руку. Словно слабеньким нервным импульсом из последних сил передавали мне: разве не видишь, дурья твоя башка, вот же оно, твое сокровище! Кончай реветь! Ты понимаешь, что этим своим несчастным детством уже начинаешь действовать нам на нервы? Хочешь,

я расскажу тебе о своем? Рассказать тебе, каково это — вырасти с матерью, которая крепко сидит на антидепрессантах, и отцом, который не менее крепко ненавидит всех и вся? Рассказать тебе, каково это — жить в постоянной ненависти? Рассказать тебе, каково это — быть сыном Жан-Бернара Мюллера и в восемь лет осознать, что никогда не сможешь любить девочек? Ты хочешь это знать?

Хочешь, чтоб я тебе рассказал весь этот кошмар? Свою битву не на жизнь, а на смерть? Жизнь в условиях домашнего террора? Тогда заткнись, пожалуйста, хотя бы на пару минут. Успокойся. И оставь нас в покое со своей беспонтовой звездой, послушай… Нет никакой счастливой звезды. Нет никаких небесных сил. Бога нет. На этой чертовой планете нет никого, кроме нас, и я тебе уже тысячу раз говорил: мы, мы, и только мы. И нечего всякий раз прятаться в своих дерьмовых воспоминаниях и доморощенной космогонии, слишком удобно. Ненавижу тебя такой. Ненавижу, когда ты погружаешься в эдакое самолюбование. Знаешь, это ведь каждый может — предать анафеме чужие недостатки, не свои. Ненавижу видеть тебя такой же, как все… Только не ты… Только не Билли… Только не

моя единственная и неповторимая Билли… Мир — бездонная клоака, где безобразнейшие семьи карабкаются, извиваясь, на горы грязи; но у нас есть нечто священное и высокое, чего нет у них и чего им никогда у нас не отобрать: это мужество. Мужество, Билли… Иметь мужество не быть как они… Мужество, чтобы их одолеть и забыть навсегда. Так что *немедленно* прекрати рыдать, или я брошу тебя прямо здесь, а сам смоюсь со своей парочкой санитаров во всеоружии.

О-ля-ля… Кажется, он действительно разозлился, да? О-ля-ля, как же ты раздражителен, Пердикан, когда пальцы твои оживают… О-ля-ля… и… уф… а космогония, это что такое? А анафема? Типа забвения? О-ля-ля… Пожалуй, мне лучше заткнуться…

* * *

Ладно, звездочка моя… Приблизься поближе, я не хочу, чтобы Франки слышал… Итак… уф… подведем итоги: что ж… тише… что ж, значит, ты здесь, но это уже не ты, а ты и вовсе не существуешь, но ты же есть, мы ведь договорились? Если Франк не верит в тебя, это его проблемы, а я, я к тебе уже привязалась, так что дорасскажу тебе

мой сериал втихаря, о'кей?

О'кей, подмигнула она.

* * *

Так, где я остановилась? Ах, ну да… В грязном прицепе Ясона Жибо… О господи… Как же там гнусно воняло! Грязными носками, окурками, плесневелыми диванными подушками и всем прочим. Ох! Признаюсь, в то время я с удовольствием бы поднатырила освежителей воздуха!

Я торчала там. Прогуливала уроки. Сидела обычно на приступочке возле сарая, чтоб его предки меня не видели, и курила сигареты.

Когда настроение было отстойным, я говорила себе, что жизнь кончена и что уж лучше бы я включила телик и пустила газ, и надышалась бы им уже раз и навсегда, воткнувшись взглядом в «Молодых и дерзких»[38], а иногда до меня добирался лучик солнца, и я представляла себя Камиллой… мол, я тут тухну в этаком монастыре в ожидании своего совершеннолетия, но так или иначе однажды все переменится… Я не особенно

[38] Примечания: 38

«Les Feux de l'Amour» — французское название американского телесериала *The Young and the Restless* (*англ.*, «Молодые и дерзкие», 1973 г.), выпуск которого продолжается по сей день.

понимала, как именно, но на то он и солнечный луч, чтобы просто закрыть глаза и немножечко помечтать…

Так вот, значит, был у меня Ясон, были, конечно, и другие. Когда его предки чересчур занервничали, я собрала свою сумку и отправилась кошмарить других стариков.

Однажды, значительно позже, но в тот же примерно период, я встретила на улице Франка. Он увидел меня, я точно знаю, но сделал вид, что чем-то занят, и я была ему за это очень признательна.

Потому что вульгарнейшая девица, слонявшаяся в тот день по рынку, это была не я. Одетая, как дешевая шлюха, на высоченных каблах и в боевой раскраске. Нет, это была не та Билли, чье мнение имело смысл уважать, это была… какая-то потаскушка…

Да, звездочка моя, надо называть вещи своими именами… Все эти годы, проведенные мною в наигнуснейшем зале ожидания, я чаще вспоминала не Камиллу с Пердиканом, а Билли Холидей и ее мамашу…

Само собой, я занималась проституцией, само собой… Я делала это сознательно… А что? Я обнаружила, что при помощи своего тела могу

получить определенную стабильность, немного денег на еду и даже… даже… если сильно поискать, немного нежности. Ну и… Было бы слишком глупо от этого отказываться, разве нет? Я любила немногих из всех этих парней, благодаря которым жила не дома, но и с совсем уж конченными не спала… А потом… ведь между проституткой для богатых и проституткой для бедных не такая уж и большая разница, или как? В конце концов, это просто вопрос шмоток, вернее даже их количества… Мои умещались в пакет из «Ашана», у других были роскошные гардеробы, ну да ладно… у каждой свой уровень и свои доходы, ведь так? Я зарабатывала как могла, и пока по-другому не получалось, зарабатывала телом.

Я как манны небесной ждала своего совершеннолетия. Не потому, что мечтала сдать на права, чтоб разъезжать на новенькой «мини» (ха-ха), и даже не потому, что мне не терпелось пойти поиграть в казино (ха-ха-ха), а потому, что я знала, что тогда наконец я смогу увереннее воровать в магазинах. Пока я была малолеткой, если бы меня сцапали, то обязательно вызвали бы моего отца, а на это я пойти не могла, нет. Это означало незамедлительное возвращение в ад, на исходную позицию. Так что я тырила только всякую

мелочевку, и мне дольше, чем другим, пришлось завоевывать себе уважение.

Вот так. Вот такая была у меня жизнь и планы на будущее…

Так что да, когда Франк Мюмю сделал вид, что якобы меня не заметил, это было на самом деле круто с его стороны…

С тех пор я не раз говорила с ним об этом дне, о том странном мгновении, когда я одновременно ощутила стыд и облегчение, но он продолжает меня уверять, что действительно меня не видел. Но я-то знаю, что это не так, я это знаю из-за Клодин…

Какое-то время спустя, однажды утром, я встретила ее в кафе. Я зашла туда купить сигарет, а она — за гербовыми марками. Она, конечно, улыбнулась мне и все такое, но в ее взгляде я прочла, какой печальный путь проделала с тех пор, как мы с Франком репетировали у нее дома.

Да. Я это увидела. Нечто, едва промелькнувшее в ее взгляде и мгновенно замаскированное, но я-то с раннего детства вынуждена была постоянно обороняться, так что прекрасно умею читать по глазам любые потаенные мысли разглядывающих меня людей. В чем, в чем, а в этом я правда

профи… Она обняла меня как ни в чем не бывало и, смеясь, сказала, что за мой наркотик платить отказывается, но хотела бы что-нибудь мне подарить: «чупа-чупс», к примеру, или лотерейный билетик, если я пожелаю, и мне надо только выбрать, и тут… тут она, должно быть, увидела под моими ресницами, густо намазанными краденой тушью, что я вот-вот разревусь, потому что уже сто лет мне никто не дарил никаких подарков… Да. Она это заметила, но вместо того чтобы запричитать типа: «О, моя дорогая малышка… Как же тяжело тебе живется… Ох, тебя и не узнать в этом наряде, который совершенно тебе не подходит, к тому же ужасно старит…» — просто добавила один сущий пустяк, в общем-то, означавший все то же самое, только сказанное красиво…

Да, когда мы с ней уже распрощались на улице, она, будто только что вспомнив, выдала мне эдак между прочим:

— Послушай, Билли, девочка моя… Зайди ко мне обязательно на днях, у меня ведь есть для тебя письмо… Даже, мне кажется, два…

— Письмо? — переспросила я. — Но от кого?

Уже издалека она выкрикнула:

— От твоего Пердика-а-ана!

Опять слезы.

Ну, уж сейчас-то я имею право, а?

Да.
Сейчас можно.
Потому что, мадам, это светлые слезы…

* * *

Я зашла к ней много дней спустя.

Уже и не помню, чего я там навыдумывала себе в оправдание, на самом деле я просто трусила. Я боялась возвращаться одна в этот дом, просто боялась туда возвращаться, но особенно я боялась того, что написал мне Франк. Что он хотел мне сказать? Может быть, спрашивает насчет той шлюхи, что видел днями у лавки птичника, уж не я ли это? Или интересуется, у скольких я отсосала, чтоб заработать на столь прекрасную кожаную куртку? Или же сообщает, что разочарован и предпочитает больше меня никогда в своей жизни не видеть, настолько позорно я выгляжу?

Да, мне было страшно, и я выждала дней пять, не меньше, прежде чем решилась постучаться к ней в дверь…

Я пришла к ней в образе Билли прошлых лет, то есть пешком, в джинсах и ненакрашенная. Конечно, для нее это была всего лишь деталь, но

для меня имело огромное значение. Для меня это было словно счастливое возвращение в счастливое детство.

Я уже и не помнила, как выглядит мое лицо без всей той штукатурки, которой я его покрывала, прячась за ней, как за маской. Да, мне было страшно идти к Клодин, но в тот день, убирая волосы в хвост, я улыбнулась своему отражению в зеркале. Потому что сама себе показалась красавицей, потому что выглядела девчонкой, и… ох… как же она меня порадовала, моя собственная внезапная улыбка.

Очень порадовала…

* * *

На конвертах действительно стояло мое имя… Мадам Клодин такой-то и все прочее для мадемуазель Билли.

Мадемуазель Билли…

Нифигасе, какое странное ощущение… Впервые в жизни я получала письмо… И даже не письмо, а письма! Впервые в жизни… С настоящей маркой, в настоящем конверте, написанные от руки настоящим человеком.

Конечно, я у нее не осталась. Я не хотела открывать свои письма при ней, и даже, по-моему,

вообще не хотела их открывать. Их мне тоже хотелось спрятать поглубже и так и оставить нераспечатанными навсегда.

Я сунула их в карман и пошла.

Я шла, сама не зная куда. То есть не осознавая головой, шла, куда ноги несли. А поскольку ноги мои куда умнее меня, то, от одного поворота к другому, в конце концов они меня привели к моему склепу Камиллы…

Я толкнула старенькую дверцу, протиснулась внутрь и уселась, как встарь, под маленьким алтарем.

Забвение, покой, тишина, узоры лишайников, пение птиц, ветер, раскачивающий ржавые цепи, и все прочее — меня тогда тоже очень порадовало… Это напомнило мне ту малышку Билли, которая еще не спала со всеми подряд и хотела быть похожей на куда более благородную девицу, чем она сама… Это напомнило мне о той поре в моей жизни, когда я с такой легкостью заучивала наизусть слова о возвышенных чувствах, что даже поверила в свой потенциал, мол, смогу продолжать в том же духе.

Окажись тогда поблизости какой-нибудь психолог, он бы наверняка задвинул целую речугу о

том, что я, мол, там сидела, свернувшись в клубок, словно в животе у матери, или уж и не знаю какую еще пургу в том же духе, но никакого психолога поблизости не было. Были только письма от Франка Мюмю, и это оказалось чертовски более эффективно…

Мне было хорошо. Я забылась и даже немножко вздремнула.

Некоторое время спустя я все же открыла письма, одно за другим, в той последовательности, в которой они приходили. Первое было написано на тетрадном листочке в клеточку, в нем говорилось:

«Привет, Билли. У меня все хорошо, надеюсь, что у тебя тоже. Знаешь, у меня теперь не хватает времени навещать по выходным бабушку, а я думаю, ей этого не хватает, вот я и решил раз в неделю писать тебе письма на ее адрес, чтоб ты могла заходить к ней вместо меня. Спасибо, если окажешь мне такую услугу. Надеюсь, это не сильно тебя напряжет. Целую, Ф.»

Во втором конверте лежала уродливая почто-

вая открытка с видом его городка, с церковью, замком и все такое:

«Привет, Билли. Надеюсь, у тебя все хорошо, я в порядке. Скажи Клодин, что я получил ее пакет. Целую, Ф.»

Я убрала письмо и открытку обратно в конверты и почувствовала, что готова разреветься от благодарности. Потому что, пусть я и дура, в чем меня все убеждали с самого моего рождения, но тут я прекрасно видела, что за этим всем кроется. Франк узнал меня в той шлюхе и пожалел, и придумал всю эту комбинацию со своей бабушкой, чтобы не позволить мне окончательно потерять себя.

Да, все это лишь для того, чтобы заставить меня хоть раз в неделю смывать макияж и заходить на стаканчик гренадина или «Оранжины» в домик, где меня любили…

Порой я не заходила туда по нескольку недель подряд, но он, он ни разу не нарушил своего обещания. Каждую среду, за исключением каникул и на протяжении трех лет, мне доставалась моя невзрачная почтовая открытка с написанным на обороте: «Надеюсь, у тебя все хорошо, я тоже в

порядке», и каждый раз, приходя за ней, я встречала взгляд человека, который меня не судил. Я никогда не задерживалась надолго, поскольку в ту пору пребывала в слишком воинственных настроениях и ни на какую мягкость не шла, но даже то, что я вот так просто могла туда зайти, не пряча свое истинное лицо, помогло мне продержаться до начала следующего эпизода.

* * *

Помню, однажды я позвонила к ней в дверь и услышала, как она сказала кому-то по телефону (у нее в кухне было открыто окно): «Послушай, я с тобой прощаюсь, ко мне тут Билли пришла. Да нет же, конечно, ты ее знаешь, это бедная малышка, о которой я говорила тебе на днях…», ее слова полоснули меня как ножом по сердцу, и я чуть не бегом от нее сбежала.

Какого черта она так обо мне говорит? Мне шестнадцать лет, я сплю с мужчинами, выкручиваюсь сама и ни у кого никогда ничего не просила. Я считала это несправедливым. Я считала это отвратительным. Я считала это унизительным, в конце концов. А потом я услышала, как она кричит вдалеке: «Би-и-и-илли!» — «Да пошла ты, — подумала я, притворившись глухой, — да

пошла ты». Сделала еще пару шагов, но тут у меня внутри что-то оборвалось, и я повернула назад.

Да, нравилось мне это или нет, но я действительно была бедной малышкой, и верить, что это не так, для меня было непозволительной роскошью…

Я вернулась, она меня расцеловала, мы выпили с ней по чашке кофе с молоком, я забрала свое письмо и расцеловала ее на прощание.

Уходя от нее, я оставалась все тем же заморышем, но мне казалось, будто я выросла.

Со всеми вытекающими отсюда смягчающими для меня обстоятельствами.

* * *

В ту пору я не только смотрела телик, прогуливала школу и обслуживала парней, не гнушавшихся моего происхождения, но и соглашалась на любую подработку. Присматривала за детьми, присматривала за стариками, делала уборки, выкапывала камни и картошку.

Проблемой по-прежнему оставался мой возраст. Люди были не прочь меня поэксплуатировать, но не могли нанять меня официально. Как они говорили, не имели права. Ну как же,

конечно… Я подтираю задницы их старикам и чищу сортиры, и это нормально, а вот платить мне по полной цене им, бедненьким, закон не разрешает…

Я потеряла Франка из виду. Я знала, что он иногда приезжает на выходные и во время каникул, но он никуда из дома не выходил. Значительно позже я узнала, как сильно он тоже во мне нуждался в те годы, и я до сих пор не могу себе простить, что мне тогда не хватило духу, вернее, я просто не додумалась прийти постучаться к нему в дверь, чтоб прогнать мрачные мысли из его головы. Просто сама я была настолько потерянна, что и подумать не могла, будто я… как бы это сказать… будто я вправе прийти к кому-либо на помощь.

Это были времена борьбы за выживание, как говорят некоторые: «Это были времена моей юности…» Прости меня, Франки. Мне очень жаль. Я и представить не могла, что тебе было так же хреново, как мне…

Я думала, ты сидишь себе в своей маленькой уютной комнатке, читаешь книжки, слушаешь музыку, делаешь уроки. Я тогда еще не знала, что у нормальных людей тоже бывают проблемы…

* * *

А потом однажды все изменилось.

В один прекрасный день мой отец, конечно, совершенно непреднамеренно, наконец сделал для меня доброе дело: он умер.

Его убило током на линии скоростного поезда, когда он там тырил то ли кабель, то ли что-то еще.

Он умер, и вскоре поутру, когда я вместе с оравой настоящих на этот раз цыган сортировала картошку, ко мне пожаловал мэр.

Когда он, невзирая на то, что у меня были супергрязные руки, протянул мне свою для рукопожатия… я поняла, что ветер, кажется, переменился… Да, а когда он со мной попрощался, к своим сортировочным бакам я возвращалась уже почти улыбаясь.

Эх, звездочка моя, не ты ли тогда соскучилась по нам?

Выше голову, Франк и Билли! Выше голову!

Мэр пожал мне руку и попросил зайти к нему на следующей неделе. У него в кабинете я узнала, что, во-первых, мой папик не был расписан с моей мачехой, и во вторых, я унаследовала кусок

земли в Сморчках, который стоил хороших денег. Почему? Потому что это была самая высокая точка в округе, и куча заинтересованных лиц хотели установить там какие-то то ли ретрансляторы для мобильников, то ли еще какие антенны.

Да ладно… Так вот о чем были все эти письма, которые мы получали не первый год, но отродясь не удосуживались прочесть?

Да ладно, получается, я единственная наследница нашего гадюшника, и мэрия хочет у меня его выкупить?

Да ладно…

Пока тянулось оформление бумаг, мне наконец стукнуло восемнадцать, мачехе со всем ее отродьем предоставили социальное жилье, а я получила чек на сумму 11 452 евро, выслушала трепотню нотариуса, объяснявшего мне, сколько денег из этой суммы я должна отложить на налоги, и открыла на свое имя счет в Почтовом банке.

Само собой разумеется, мачеха в ту пору и глазки мне строила, и шантажировала всеми доступными ей способами, чтоб я отстегнула ей хоть какую-то часть… Причем, по крайней мере, половину, иначе я окажусь действительно неблагодарной тварью, учитывая все, что она для меня

сделала, и что она воспитывала меня как родную дочь, хоть я и была дочерью грязной девки.

А я-то думала, что от нее я уже все дерьмо получила сполна, но тут, даже в тех непростых обстоятельствах, эта ее «грязная девка» очень больно меня задела… Вот ведь как, да? Даже немного разбогатев, все равно остаешься беззащитен… Она выдала мне весь свой яд, я выслушала ее, прикинувшись, что, может быть, я и сжалюсь, может быть, но все свое детство я выслушивала ее стенания по поводу самого факта моего существования и неустанные напоминания о том, что я ей всю жизнь испортила, в общем, поскольку она мечтала о массажном кресле, то я и оплатила ей это чертово кресло с доставкой в ее новый клоповник и сделала ручкой.

В ту пору все смотрели на меня такими добрыми глазами, абсолютно все. Потому что в маленьком городе всем все известно… Ходили слухи, что на меня свалилось целое состояние, какие-то там миллионы и все такое, ну а я не мешала людям говорить.

Да уж, со мной теперь здоровались на улице, но я не перестала работать, напротив, с наступлением возраста великих и славных легальных заработков устроилась кассиршей в супермар-

кет.

Я тогда жила с парнем, которого звали Маню и который, естественно, тоже стал относиться ко мне значительно лучше. Настолько, что малышка Биби оплатила ремонт его автомобиля, купила охотничье ружье, о котором он мечтал, и даже поверила, что он ее любит. В общем, все шло путем. И мы уже чуть ли не о свадьбе поговаривали.

Я вспоминала подружек Камиллы, которые рыдали в монастыре, не имея приданого, и думала, насколько же здесь все измеряется деньгами…

Да, мне нравилось выглядеть счастливой, однако самой несильно в это верилось, мешала одна маленькая деталь…

Каких-то 11 452 евро.

Да и ладно, брала, что дают: у меня была работа, деньги, отложенные про запас, парень, который меня не бил, и электрические батареи отопления в маленьком домике, отделкой которого мы занимались с ним вместе, так что в плане счастья, я знала, что большего и пожелать не могла.

В общем, все понемножку складывалось, вот только ты, звездочка моя, видимо почувствовала себя бесполезной, и как-то раз зимним субботним вечером тот самый Маню явился домой после

охоты и бара (вернее, главным образом после бара) сильно подвыпившим, он ржал как идиот, и ему не терпелось рассказать мне какую-то крутую историю: «Эй, знаешь того мелкого пидора?.. Да знаешь ты его, мелкий пидор из соседнего района… Ну который никогда не здоровается и одет как гомик, ну тот… Ну да, так вот, они его подловили, ты прикинь… Ага, схватили, когда он прогуливался в гордом одиночестве по Шармет, ну поиздевались над ним немножко, над этим пидором, ну а поскольку он ничего им не отвечал, строил из себя гордого, так вот, они забрали его с собой, прикинь… Черт, засунули его к Мимишу в „ситроен“, и знаешь, что они там с ним сделали? Облили мочой течной самки кабана… Да ты знаешь… ну конечно… спрей… приманка… им сбрызгивают стволы деревьев, во время гона привлекая самцов… Ну да, так вот… они на него всю бутылку вылили… Уа-ха-ха! прикинь… насквозь промок… А потом они выкинули его посреди леса… Вот уж ему надерут задницу, этому пидору! Сколько он об этом мечтал! Уа-ха-ха! Черт, как же они с ним позабавились… Во дебил… Во пидор… Ну и ночка ему предстоит, этому козлу, завтра благодарить придет… Хе-хе, если, конечно, сможет ходить, ага? Уа-ха-ха! Уа-ха-ха!»

Помню, я в тот момент что-то гладила, а на дворе уже стояла глубокая ночь. Черт, меня словно током ударило. И тут я в мгновение ока, словно Халк[39], явила миру свое истинное лицо.

С меня разом смыло весь мой глянец довольной жизнью тетки, и я в мгновение ока превратилась обратно в маленькую разъяренную пацанку из Сморчков.

Вот тут-то я помянула добрым словом отца и всех тех придурков, которые научили меня заряжать любое ружье и заставляли стрелять по всяким зверушкам, копошащимся в гниющих салонах брошенных тачек, потому что их забавляло видеть, как я рыдаю.

В тот момент — да.

В тот момент я им сказала спасибо.

В тот момент, все, что я действительно унаследовала, я держала в руках.

И в тот момент — Маню, он не сразу понял.

Я ничего не сказала. Выключила утюг, сложила гладильную доску и убрала ее в подвал, зашла в спальню, бросила вещи в его спортивную сумку,

---

[39] Примечания: 39

Халк — фантастический супергерой комикса «Невероятный Халк» (*англ.* The Incredible Hulk), созданный Стэном Ли и Джеком Кирби в 1962 г., впоследствии ставший героем множества кино-, теле- и мультфильмов, снятых по мотивам комикса.

забрала свои документы, надела куртку, взяла свою сумку и, направив его прекрасное охотничье ружье на дверь, терпеливо дождалась, пока он доссыт свое пиво и выйдет наконец из сортира.

Поскольку этот кретин, казалось, не слишком мне верит, я разнесла в щепки дверь, отчего у него наверняка лопнула барабанная перепонка. После этого он почему-то сразу же мне поверил.

Зажимая ухо рукой, Маню отвез меня туда, где они его бросили. «Если ты его не найдешь, я тебя прикончу, — предупредила я его не своим голосом, — если с ним хоть что-нибудь случилось, ты у меня будешь плакать кровавыми слезами».

Мы сигналили, включили дальний свет и в конце концов заметили его бредущим по дорожке для верховой езды.

Ружье, мой взгляд, этот придурок за рулем, наполовину оглохший и до смерти перепуганный, — Франк, он сразу воткнул что к чему. Он сел со мной рядом на заднее сиденье, и наш любезный и такой услужливый водитель подвез нас к дому родителей Франка.

— Делай, как я, — сказала я ему, — возьми сумку с вещами. И поторапливайся.

Его не было минут десять, и все это время этот

придурок за рулем твердил мне одно и то же: «Так ты его знаешь? Так ты его знаешь? Так ты его знаешь?»

Да, дебил, я его знаю.

И заткнись же ты наконец. И да будет тебе известно, что я им дорожу, а здесь мое мнение уважают.

Затем наш милый водитель, сама любезность, отвез нас в город, где Франк учился в лицее (я опускаю названия, тебе ведь, звездочка моя, и так прекрасно известно, где все это произошло), и припарковался у комиссариата полиции. Я попросила Франка сходить позвать какого-нибудь вооруженного полицейского, и когда он вернулся в сопровождении стража порядка, я возвратила подарок своему бывшему жениху.

О да, мсье полицейский… Ведь забрать подаренное — все равно что украсть…

Полицейский так ничего и не понял. В любом случае, пока он смотрел вслед уезжающему Маню, мы смылись в противоположном направлении. Он покричал немного для проформы и ушел обратно в контору.

Надо сказать, в ту ночь на улице сильно подмораживало…

Мы зашли в какой-то говеный отель у вокзала, и я попросила номер с ванной. Франк был весь синий от холода, в шоке от того, что я вытворяла, да и вообще от всего произошедшего. Да, думаю, в тот момент я внушала ему страх. Еще бы! Когда почти двадцатилетний опыт жизни в Сморчках внезапно дает о себе знать, это зрелище не из приятных…

Я налила ему горячую ванну, раздела, как маленького мальчика, и да, я видела его пипиську, хотя нет, я на нее не смотрела, она канула в воду.

Когда он вышел из ванной, я смотрела по телику какой-то фильм. Он надел чистые трусы, майку и лег на кровать рядом со мной.

Мы молча досмотрели фильм, погасили свет и в темноте ждали друг от друга каких-то слов.

Я ничего не могла сказать, потому что тихо плакала, так что он первым нарушил молчание. Он нежно погладил меня по голове и некоторое время спустя прошептал:

— С этим покончено, моя дорогая… С этим покончено… Мы больше никогда туда не вернемся… Тише, тише… моя Билли… С этим покончено, говорю тебе…

Но я продолжала плакать.

Тогда он обнял меня.
Я заревела еще сильнее.
Тогда он засмеялся.
И я засмеялась вслед за ним.

И мои сопли и слезы разлетелись во все стороны.

* * *

Я проплакала несколько часов подряд.

Словно у меня внутри открылся шлюз. Словно происходило полное очищение организма. Слив отработанной жидкости. Впервые в жизни я перестала обороняться.

Впервые в жизни…

Впервые в жизни я почувствовала, что это наконец случилось. Я наконец почувствовала себя в безопасности. И разом все выплеснулось наружу. Все… Заброшенность, голод, холод, грязь, вши, мой запах, окурки, нищета, пустые бутылки, крики, оплеухи, синяки, тотальное убожество, плохие оценки, вранье, насилие, страх, кражи, предки Ясона Жибо, запрещавшие мне пользоваться их туалетом, остатки еды с их стола, моя киска, сиськи, рот, последнее время служившие мне разменной монетой, все эти парни, которые

попользовались мною всласть, и так бездарно, все эти поганые подработки, и этот Маню, убедивший меня в том, что я действительно ему нравлюсь и что у меня может быть собственный дом и…

Все это выплеснулось из меня вместе со слезами.

По мере того, как я изливала душу, Франк, казалось, набирался сил. Не знаю, как это нормально объяснить, но у меня сложилось такое впечатление. Чем дольше я рыдала, тем больше он расслаблялся. Выражение его лица становилось все более простодушным, он щекотал мое ухо прядью моих же волос, по-доброму посмеивался надо мной, называл то Бедовой Джейн[40], то Камиллой Безбашенной, то Малышом Билли[41]

---

[40] Примечания: 40

Бедовая Джейн (настоящее имя: Марта Джейн Каннари Бёрк, 1852 или 1856–1903) — одна из самых знаменитых и вместе с тем печально известных героинь в истории Дикого Запада: жительница фронтира и профессиональный скаут, участвовала в Индейских войнах с коренными жителями континента, отличалась при этом большой добротой и состраданием, особенно к больным и нуждающимся, считала себя супругой не менее легендарного Дикого Билла Хикока, рядом с которым и была похоронена.

[41] Примечания: 41

Билли Кид (настоящее имя: Уильям Генри Маккарти, 1859–1881) — американский преступник, ставший одним из символов Дикого Запада через год после своей смерти, когда убивший его шериф Пэт Гарретт опубликовал его сенсационную биографию.

и улыбался.

Он рассказывал мне, как мое лицо изменилось до неузнаваемости, рассказывал, как я долбила дулом затылок этого бедолаги, пока тот вел машину, описывал его порванную мочку уха и как она болталась на поворотах, изображал, каким голосом я приказала ему притащить полицейского и как швырнула Маню ружье со словами: «Держи свой подарок», и порой он уже чуть ли не смеялся. Да, он практически смеялся.

Только значительно позже, после многих откровенных разговоров, когда он тоже начал понемногу рассказывать мне о своей войне, о своей каждодневной битве в одиночку — до меня, до нас, я поняла, почему той ночью он был так счастлив видеть меня несчастной: потому что, пока я рыдала нон-стоп в его объятьях, чуть ли не билась в судорогах, у него появилась первая веская причина не умирать.

Мои горючие слезы стали тем топливом, что дало ему силы двигаться дальше, а своими подшучиваниями он просто хотел меня приободрить. Доказать, что мы можем смеяться надо всем чем угодно, и, кстати, с тех пор мы именно так и будем с ним поступать, поскольку, да ты посмотри, Билли… Смотри… В этой узкой дрянной посте-

ли мы наконец-то вернулись к жизни, какой бы дрянной она у нас ни была… Эй… Прекрати плакать, малыш… Прекрати плакать… Благодаря тебе самое страшное уже позади. Благодаря тебе мы спасены. Ох, хотя нет, плачь, не стесняйся… Поплачь… И заснешь… Плачь, но не забывай никогда: конечно, мы оба сейчас в самом начале пути и главные трудности еще впереди, пускай, но, стоя на краю могилы, мы сможем обернуться, чтобы взглянуть назад и сказать: это жил я, а не искусственное существо, созданное тем страхом и ужасом, что мне внушили всякие придурочные жлобы…

На самом деле он только успокаивал меня: «Тише! Тише!» — но именно это скрывалось за всеми его «ш-ш-ш!».

Не будь это Франк, который настолько по-доброму отнесся ко мне, когда мы разучивали с ним пьесу, который, глядя куда-то вдаль, поверх моей головы, рассказывал мне про детство Билли Холидей, который отправлял мне свои немногословные открытки на адрес Клодин все те годы, что я провела в ожидании, словно в монастыре, — не будь всего этого, у меня никогда не сорвало бы крышу. А если бы у меня не сорвало крышу, он бы тоже не выжил.

Вот так, звездочка моя… И теперь я спрашиваю тебя: стоит ли рассказывать дальше? Уж больно хороша последняя фраза, может, она послужит нам пропуском в будущее?

Нет?

Почему нет?

Хочешь, чтоб я рассказала, как *из-за меня* мы влипли в это дерьмо, хочешь все хорошенечко взвесить, прежде чем вынести свой вердикт?

О'кей, о'кей. Продолжаю…

Когда у меня не осталось больше сил плакать, меня сморило, и, уже засыпая, я потребовала, чтобы он мне пообещал никогда меня не бросать. Потому что без него я делаю слишком много глупостей… Слишком много…

Он снова рассмеялся, но как-то неловко, словно прячась за этой своей веселостью, и сквозь дурацкий свой смех ответил:

— Эй! Да все, что ты пожелаешь! Я дорожу своей шкурой!

И уже совсем тихо, уткнувшись лбом в сгиб своего локтя, добавил:

— Ох… Билли… А я ведь уже и забыл об этом…

* * *

Эй, звездулька… Второй сезон неплохо удался, согласна?

Здесь было все: и секс, и экшн, и любовь!

Сама увидишь: дальше все не так занятно.

Дальше — двое молодых людей, которые выкручиваются, как могут. Ничего особо оригинального. Тем более я не смогу рассказывать тебе все это бесконечно, учитывая что вон там уже бледнеет небо. Наверное, там восток…

Да уж, мне надо поспешить, чтоб до рассвета рассказать тебе финал.

* * *

На следующий день мы сели на поезд и поехали в Париж.

В поезде Франк рассказал мне о своей жизни на данный момент: чтоб доставить удовольствие папе, он записался на юридический факультет, а жил вместе с одним из своих кузенов в крохотной съемной квартире в пригороде — там жилье дешевле.

Ему не нравились ни юриспруденция, ни его кузен, ни тем более пригород.

Я спросила его, чем он хочет заниматься.

Он ответил, что мечтал бы пройти стажировку, которая позволила бы ему участвовать в конкурсе для поступления в одну суперкрутую школу ювелиров.

— Ты хочешь стать ювелиром? — переспросила я. — Хочешь продавать всякие колье, часы и прочее?

Нет. Не продавать, а создавать.

Он включил ноутбук и показал мне свои рисунки.

Суперклассные. Словно распахнул передо мной крышку древнего сундука, поднятого со дна морского.

Как будто настоящие сокровища…

Я спросила его, почему он не делает то, что ему нравится, вместо того чтобы слушаться папу.

Он ответил, что никогда в жизни не делал того, что ему нравится, и всегда слушался папу.

Я спросила почему.

Он уткнулся в монитор, типа сосредоточился на свертывании окон в компе.

Некоторое время спустя он ответил мне, что боится.

Боится чего?

Неизвестно.

Боится снова разочаровать отца.

Боится, что все это ударит по матери.

Боится, что это ее доконает, отдалит еще больше от мира живых.

Я промолчала.

Если дело касается предков, я сразу теряюсь.

Тогда он завязал с мечтами, убрал на место ноутбук, и всю дорогу мы больше не разговаривали.

По приезду в Париж он предложил мне оставить наши вещи в камере хранения и немножко побыть туристами, прежде чем ехать к нему. Ну то есть… к его кузену.

Мы проделали почти тот же путь, что и четыре года назад во время нашей поездки с классом.

Четыре года…

Чем я занималась эти четыре года?

Ничем.

Сосала члены и сортировала картошку…

Меня охватила глубокая тоска.

Все было не как в тот раз. Стояла зима, на улице холод, вода не танцует в реке, на мостике ни души и замки́ все давно посрезали и выкинули в помойку. Никто не перекусывает в саду, повер-

нувшись лицом к солнышку, никто не болтает, расположившись на террасе кафе со стаканом «Перье» в руке, прохожие двигались все так же быстро, но больше не улыбались. У всех были каменные лица.

Мы выпили по чашке кофе (простой эспрессо), который стоил 3,20 евро.

3,20 евро за чашку кофе…

Как такое возможно?

Я тоже трусила.

Я думала о том, пришлось ли Маню ехать в больницу и сообразит ли он вытащить белье из стиралки, прежде чем оно завоняет. Чуть ли не искала взглядом телефонную будку, чтоб оставить ему сообщение на автоответчик.

Это было чудовищно.

* * *

Хотя кузен Франка, родом из какого-то благородного семейства, и был обладателем витиеватой фамилии из множества частей, длинного носа, неких манер и рубашки «Лакост», принял он меня в точности, как предки Ясона Жибо.

Вернее нет, как раз совсем по-другому. Его так хорошо научили путать вежливость с лицеме-

рием, что он выступил куда хуже, чем они: он действовал за моей спиной.

При встрече он выдал, ах-ах, ты подружка Франка, ах, как же мне приятно, ах, добро пожаловать, чувствуй себя как дома, но вечером, когда я была в ванной, я слышала, как он нудел, словно речь шла о ядерных ракетах, направленных на НАСА: «Послушай, Франк… Мы так не договаривались, это не предусмотрено нашим с тобой контрактом».

Я хотела было тут же уехать. Потому что, правда… все это становилось уже чересчур, да, слишком много для бедной малышки Билли, которая и на поезде-то раньше никогда не ездила, да и теперь все еще думает об оставленном своем тряпье…

С самого рождения, где бы я ни появлялась, я везде мешала. Куда бы я ни шла, чего бы ни делала, я всегда оказывалась у кого-то на пути и за неудобство получала по башке.

Я не расслышала, что ответил Франк, но когда он вошел в комнату, которую отныне нам предстояло делить с ним вдвоем (свою узенькую кровать он отдал мне, а сам расположился на куске ковролина, заявив мне, что так спят все японцы, и живут они куда дольше, чем мы), так

вот, когда он вошел и увидел мое лицо, он сел рядом, двумя руками развернул к себе мою голову и, глядя мне прямо в глаза, сказал:

— *Hey, Billie Jean?* Вы мне доверяете?

Я утвердительно кивнула головой, и он добавил, что я должна и дальше ему доверять и все будет хорошо. Он не сказал, что все это временно, не сказал, да и ладно, хотя мог бы…

Ну и поскольку я ему доверяла, а работы у меня никакой не было, то я снова заделалась домохозяйкой. Мальчики утром уходили, я убиралась, стирала, готовила ужин.

Я обожала готовить и уже давно обнаружила, что готовка — это самый простой способ добиться любви без лишних заморочек. Я экспериментировала с разными рецептами и набрала три кило, без устали пробуя свою стряпню, чтоб быть уверенной в результате.

Нашего Аймерика все это утешило. Он стал относиться ко мне более благодушно. Не доброжелательно, а именно благодушно. Как у людей такого рода наверняка принято вести себя с прислугой. Мне было наплевать. Я старалась оставаться незаметной и как можно меньше напрягать Франка. А вообще, я думаю, меня это устраивало… Из-за преследовавшей меня необ-

ходимости все время обороняться… Впервые в жизни я больше не пугалась собственной тени, слишком быстро оборачиваясь назад, не вздрагивала, услышав шаги за спиной.

Я наслаждалась.

Во второй половине дня я обычно таскалась в большой торговый центр, находившийся за автострадой, ходила туда пешком, придерживаясь автобусного маршрута, чтобы не сбиться с пути. Я шлялась по магазинчикам, строила из себя эдакую капризную буржуазную телочку, которая с радостью расплатится кредиткой своего парня, вот только никак не может решить, чего бы такого ей прикупить, и от нечего делать донимала скучающих, как и я, продавщиц. Некоторые из них меня возненавидели, другие отыгрывались, делясь всеми подробностями собственной жизни.

Я никогда ничего не покупала, но однажды сходила там в парикмахерскую.

Девочка, мывшая мне голову, спросила, нанести ли мне дополнительно бальзам. Я хотела было отказаться, но в итоге согласно кивнула. В конце концов, пусть даже об этом никто и не догадывался, но это все-таки был мой день рождения…

Потом было Рождество, за ним — Новый год, и их я тоже провела одна. Я поклялась Франку, что подружилась с одной из кассирш в супермаркете — да знаешь ты ее, точно, ну такая блондинка, которая все время ругается, — ну а поскольку она в разводе, то она якобы и пригласила меня праздновать к себе, чтоб ее детям было не скучно. Я так убедительно все это рассказывала и даже купила игрушек, что Франк поверил мне и спокойно уехал.

Вот такой я сделала ему подарок.

Мне в любом случае было все равно.

Рождественская сказка?

Ну да… Уф… Как бы это сказать?

* * *

Единственное, что начинало меня напрягать, это спиртное.

Проводя в одиночестве дни напролет, я понемногу пристрастилась к алкоголю.

Скука, изоляция, чужой город, короче говоря, под предлогом того, что от работы по дому у меня пересыхает во рту, да и труд мой заслуживает вознаграждения, я подсела на пиво.

Я спускалась в турецкую лавку, находившуюся

внизу нашего дома, и покупала себе маленькую банку пива.

Потом большую.

Потом стала брать упаковками.

Как алкаши.

Как бомжи.

Как моя мачеха.

Печальное зрелище.

Очень-очень печальное…

Потому что я все прекрасно осознавала… Я видела себя со стороны…

Да. Я видела, что я делаю.

И каждый раз, когда я вскрывала новую банку — пш-ш-ш-ик! — я видела, как исчезает какая-то частица меня…

И сколько бы я себе ни говорила, как все мы любим: это всего лишь пиво, это всего лишь жажда, завтра я точно не буду столько пить, с завтрашнего дня я вообще завяжу, да и вообще могу завязать в любой момент, и все прочее — я прекрасно знала, что происходит.

Точно знала.

Ведь именно такое образование я получила…

С каждым лишним глотком ощущая надвигающуюся катастрофу… Чертова наследственность… Моя голова, мои руки, ноги, сердце, нервы, все это

тело, доставшееся мне, словно губка, пропитанным насквозь…

Ну и как же действует алкоголь на маленькую провинциалку, которой нечем заняться, которая чувствует себя потерянной среди всех этих машин?

Он возвращает ее к корням…

Она начинает подворовывать в магазинах торгового центра, чтоб оплачивать свою выпивку не из тех денег, что получает на хозяйство.

Ее вычисляют охранники и парни из службы безопасности.

Это вынуждает ее отдаваться им за гроши, чтобы они к ней не цеплялись.

Это вынуждает ее отдаваться им за гроши не только, чтоб они к ней не цеплялись, но и чтобы им понравиться…

Все это создает ей определенную репутацию.

Она тусуется с этими магазинными ковбоями в униформе, которые, чувствуя за собою власть, силу в своих руках, уверены и в своих преимуществах ниже пояса.

У нее появляются приятели.

Понятно, какого рода…

Просто парни, относящиеся к ней чуть теплее, чем те двое, которых она кормит по вечерам

ужином и которые все остальное время проводят, уткнувшись носом в свои учебники…

Просто парни, помогающие ей забыть непроницаемую маску на лице Франка Мюллера, который снова закрылся наглухо, настолько ему не нравилось то, что он изучал, не смея ослушаться отца, который нравился ему еще меньше.

Парни, с которыми она развлекается, не чувствуя себя самой глупой за столом…

Ее платья и юбки становятся короче.

Значительно короче.

И ярче.

В общем, она у нас опять становится шлюхой…

Однажды после обеда, когда я направлялась на встречу с моими новыми друзьями, уже на лестнице я столкнулась с Франком.

Черт, должно быть, я плохо разобралась в его новом расписании…

На мне была мини-юбка, едва прикрывавшая лобок, стыренные сапоги разных размеров (продавцы напутали с противокражными метками), в руках я держала сумку, фальшивый «Виттон», которую тут же и выставила между нами, как щит.

Не знаю, почему я это сделала. А он, он ведь даже ничего плохого мне не сказал… Наоборот.

— Ну и дела, малышка Билл! Слушай, на ули-

це холод собачий! Тебе не стоит так выходить — промерзнешь до смерти!

Я тогда брякнула ему в ответ какую-то глупость, лишь бы отвязаться от его доброжелательности, которая была мне сейчас совсем некстати, но пару часов спустя, когда я стоя трахалась с ушедшим на перерыв охранником, закрывшись с ним в подсобке для мусорных бачков, прижатая к рулонам бумажных полотенец, мне вспомнился голос Франка, и его мягкость, так резонировавшая здесь, добила меня окончательно.

Охранник тот был хороший, мы с ним развлекались, проблема была не в нем, просто я не могла больше продолжать в том же духе.

Я не могла. Я слишком хорошо знала, куда ведет этот путь… И чем он заканчивается.

В таких случаях хорошо, когда рядом мама… Злобная мать с вытаращенными глазами, или добрая, которая поможет тебе поставить на место швабры и рулоны полотенец, а потом подтолкнет к выходу.

Я думала об этом по дороге домой. Что я сама должна стать для себя матерью. Хотя бы на один день. Что я должна сделать для себя то, что сделала бы для своей дочери. Пусть и невыносимой плаксы. Пусть даже Майкл тем временем от нее

отказался.

Ладно, что бы там ни было, но попробовать стоило…

Ведь справлялась же я и с куда более сложными задачами…

Я шла, наклонив голову, шкрябала тротуар своими острыми каблуками и представляла себя в роли мамы и дочери поочередно, накручивая сама себя.

Я была пьяной. Дурной. И грубиянкой до мозга костей.

Я не привыкла слушаться. Да и вообще, черт побери, с чего это она тут заявилась читать мне теперь нотации? После всех тех страданий, на которые меня обрекла? После всех растерзанных в клочья котят, которых я хоронила тайком, после всех подарков к праздникам мам, которые я нарочно делала хуже всех, потому что для меня было лучше сдохнуть, чем подарить что-либо красивое моей мачехе, а все училки долгие годы считали меня косорукой и смотрели как на дебилку. Все эти дуры, путавшие мои нежные чувства с бедностью…

После всех этих бед… Мелких бед, бесконечной вереницей тянувшихся одна за другой.

Черт, но явиться теперь, чтоб учить меня жиз-

ни, слишком уж просто…

Так что вали отсюда, грязная девка.

Проваливай.

Уж это-то ты умеешь.

Я хмурилась и обменивалась злобными взглядами со своими отражениями в витринах.

Я спорила сама с собой: нет, нет, нет — да, да, да.

Нет.

Да.

Нет.

Я так отчаянно сопротивлялась самой себе не потому, что строила из себя эдакого непокорного подростка, а потому, что не могла я сделать того, о чем сама же себя просила. Это было выше моих сил… Все, что угодно, но только не это.

Только не это.

Я уже доказала, что ради Франка способна на многое, даже рискуя угодить за решетку, но то, что требовала от меня сейчас моя дама Плюш, было куда опаснее тюрьмы.

Это было самое худшее.

Потому что у меня никогда не было и, возможно, уже и не будет ничего другого, что отделяло бы меня от «четвертого мира».

Это была моя единственная защита. Единственная гарантия безопасности. Я не хотела к ней прикасаться. Никогда. Я хотела хранить ее в целости и сохранности до самой своей смерти, просто чтобы быть уверенной в том, что никогда в жизни мне больше не придется испытывать унижения из-за того, что у меня чешется голова и от меня воняет дохлым хомячком.

Тебе, звездочка моя, этого не понять. Тебе, должно быть, кажется, что я сочиняю все эти фразы с наворотами, чтоб все представить типа как в книге.

Что я тут разыгрываю из себя Камиллу. Сама себя разбираю по косточкам, одна-одинешенька перед лицом целого мира.

Никому этого не понять. Никому. Только я — малышка Билли с котячьего кладбища — знаю, что это такое.

Так что плевать мне на тебя.

Плевать на всех.

Я говорю «нет».

Никогда я не притронусь к страховке моей жизни.

* * *

Вернувшись домой, я переоделась, стараясь не попадаться на глаза Франку, который сидел за учебниками в нашей комнате.

Когда этот кретин Аймерик фон-барон де Гаражная Дверь на Тот Свет явился из своей коммерческой школы с теннисной ракеткой за спиной, я смотрела какую-то дебильную передачу по телику.

Типа желая показаться приветливым, он поинтересовался:

— Ну так как? И что у нас сегодня вкусненького на ужин?

— Ничего, — ответила я, в более крутой цвет перекрашивая ногти, — сегодня вечером я приглашаю своего друга Франка в ресторан.

— Ах во-о-от как? — протянул он так, словно раскаленный шар застрял у него комом в горле, — и чем же это он заслужил эдакую честь?

— Нам с ним есть что отметить.

— Даже та-а-ак? И можно ли узнать, что же именно, или это слишком нескромный вопрос?

— Перспективу никогда больше не видеть твою мерзкую лицемерную рожу, придурок.

— О-о-о-о! Какая уда-а-ача!

(Ну да, потому что на самом деле я сдулась и сказала: «Это сюрприз».)

Черт… небо становится все светлее… Мне действительно надо спешить, вместо того чтоб смешить тебя и того кретина.

Давай, пристегнись, моя старушка with diamonds in the sky[42], потому что я включаю турборежим…

У меня больше нет времени выпендриваться, так что финал третьего сезона пойдет на ускоо-*вжи-и-и-к*-ренной пере-*вжи-и-ик*-мотке.

* * *

Я пригласила Франка в пиццерию, которую держали китайцы, и, пока он взрезал свою кальцоне, взяла инициативу в свои руки, второй раз в жизни.

Я рассказала ему о том, что́ втайне пообещала самой себе, когда мы с ним были еще детьми, там, на железном мосту Искусств.

И о том, что не решилась тогда сказать это вслух, но поскольку обещание было дано, пусть даже оно и существовало только в моей голове,

---

[42] Примечания: 42
Здесь: в алмазах на небесах *(англ.)*.

для меня пришло время его исполнить…

Я сказала ему, что мы отсюда съезжаем. Здесь слишком убого, его кузен — полный придурок, и мы не за тем проделали весь этот путь, чтобы опять окунуться в уродство, да еще и терпеть очередного кретина. Одет он получше, не спорю, но в остальном — такой же дебил, как парни из нашего колледжа.

Я сказала ему, что он должен найти нам какое-нибудь жилье, но только в самом Париже. Пусть это будет крохотная студия. Неважно, мы справимся. Ведь здесь мы с ним тоже уживаемся в маленькой комнате и уже доказали друг другу полное взаимное уважение. А что до меня, так я вообще всю жизнь прожила в автофургонах, так что необходимость еще больше ограничить пространство лично меня совсем не пугает. Мне это по силам. В вопросах жилья я готова на все.

Я сказала ему, что больше всего люблю смотреть на него по вечерам, когда он рисует, вместо того чтобы зубрить эти идиотские законы, которых все равно никто не соблюдает. И для меня это лучший момент дня.

Да, единственное прекрасное, что я видела с тех пор, как мы здесь живем, — это его рисунки.

А еще его лицо, которое наконец становилось таким безмятежным, когда он над ними склонялся. Это лицо Маленького принца, которое так нравилось мне еще в детстве, когда я издали замечала Франка на школьном дворе. Его растрепанные волосы и светлый шарф, питавшие мои грезы в ту пору, когда я так сильно в этом нуждалась…

Я сказала ему, что настал его черед доказать мне свое мужество, и так больше не пойдет: талдычить мне про свет, убеждая в том, что я должна перестать себя связывать со своей семьей, а самому все делать ровно наоборот.

Я сказала ему, что он любит мужчин и он прав, и это нормально — любить того, кого любишь, но он должен раз и навсегда записать в своей маленькой упрямой башке, что на взаимоотношениях с отцом ему надо поставить крест.

Не имеет смысла надрываться и становиться адвокатом, чтобы тебе простили твою сексуальную ориентацию, поскольку это все равно ничего не изменит. Отец никогда его не поймет, не примет, не простит и самому себе больше никогда не позволит его любить.

И что уж в этом-то он может мне поверить, поскольку я сама служу живым доказательством того, что родители тоже способны перестать быть

родителями.

И что я также служу живым доказательством того, что от этого не умирают. Просто выкручиваются иначе. Находят по ходу другие варианты. И, к примеру, он для меня теперь и отец, и мать, и брат, и сестра, и меня это очень даже устраивает. Что я очень даже довольна моей новой приемной семьей.

Тут уже я наверняка распустила нюни, его кальцоне остыла, но я продолжала, потому что такой у меня характер: пусть я и шлюха, но пру как танк.

Я сказала ему, что он должен бросить свою бессмысленную учебу и записаться на подготовительную стажировку для поступления в эту его ювелирную школу. А если он даже не попытается, то будет жалеть об этом до самой смерти, да и к тому же у него точно все получится, потому что он очень способный.

И да, в этом тоже, как и во всем прочем, никакой справедливости и равенства в жизни не было, и тем, у кого от рождения больше талантов, дается больше шансов, чем остальным. Пусть это и отвратительно, но это так: дается только богатым.

И да, он точно добьется успеха, если только ему хватит духа и он будет упорно работать.

Вот сейчас ему явно не хватает духа, но по-

скольку я тоже теперь для него и мать, и отец, и брат, и сестра, то именно мне предстоит вышвырнуть все эти его правовые книжки на помойку и настаивать до тех пор, пока он не сдастся.

А пока он будет учиться, я поищу себе нормальную работу, и найду ее запросто. Не потому, что я умнее других, а всего лишь потому, что я белая и с документами у меня все в порядке, так что об этом я даже не парюсь. И единственное, чего бы мне больше никогда не хотелось делать, так это сортировать картошку, но учитывая, что мы с ним будем жить в Париже, мне это априори не грозит.

(Это, конечно, был юмористический пассаж, но он не сработал. Франк даже не улыбнулся, и я на него не сердилась за это, поскольку у него просто челюсть отвисла чуть ли не до пиццы.)

Я сказала ему, что нам нечего бояться. Что все будет работать на нас. Что не надо бояться Парижа, ни уж тем более парижан — таких сереньких и худосочненьких, что их одним щелчком можно уложить на лопатки. Эти люди, которые платят за маленькую чашечку черного кофе 3,20 евро, не представляют для нас никакой опасности. Да, ему нечего беспокоиться. То, что мы с ним приехали из села, пусть это гнилой и дерьмовый край, но

это дает нам, по крайней мере, одно преимущество: мы крепче. Значительно крепче. И храбрее. И мы всех их поимеем.

Так что вот, я подвела итоги: его задачей было найти нам жилье, моей — вести дела, пока он будет осваивать то единственное ремесло, которым он вправе заниматься.

И тут у нас наступила столь продолжительная и ненормальная тишина, что официант подошел к нам спросить, все ли в порядке с едой.

Франки даже не услышал вопроса.

К счастью, услышала я. Спросила, нельзя ли поставить наши пиццы в печку на пару минут, чтобы разогреть.

— Канесна, — кланяясь, ответил он.

Все это время Франк смотрел на меня так, словно я напоминала ему кого-то, чье имя вылетело у него из головы, и это начинало его всерьез беспокоить.

Некоторое время спустя он все-таки выпендрился и с великодушным пафосом изрек:

— Прекрасная речь, моя дорогая малышка Билли… Знаешь, это тебе надо бы стать адвокатом… Ты произвела бы фурор в зале суда… Хочешь, я тебя запишу?

Какой уничижительный тон… Глупо так со мной разговаривать… Со мной, которая бросила школу, как только он уехал…

Глупо, бездарно и недостойно его.

К нам вернулись наши пиццы, и мы молча принялись за еду, а поскольку атмосфера явно испортилась и он уже сожалел о том, что обидел меня, то он пнул меня под столом по ноге, чтобы я улыбнулась.

А потом и сам улыбнулся и сказал мне:

— Я знаю, что ты права… Я знаю это… Но что я, по-твоему, должен сделать? Позвонить отцу и сказать: «Привет, папуля! Слушай, я, кажется, никогда тебе не говорил, но я голубой, и засунь себе в зад свою юриспруденцию, на самом деле я хочу рисовать сережки и жемчужные колье. Алло? Ты еще здесь? Так вот… уф… не будешь ли ты столь любезен, не вышлешь ли ты мне денег, желательно прямо завтра, пожалуйста, чтоб я больше не выглядел олухом в глазах мамочки Билли?»

— …

Оп-ля. Полный провал.

Ну да. Я тоже даже не улыбнулась.

Вместо этого я приняла пресыщенный вид а-ля Аймерик фон-барон Его Задницы Дверь и выдала

так вот запросто — *тьфу* — сплюнув в тарелку оливковую косточку:

— Эй, но деньги — не проблема. Деньги у меня есть…

* * *

Ладно, естественно, этот веселенький разговорчик о том, как организовать наше возвращение к будущему, продолжался не один час, но для тебя, звездочка моя, я сделала один снимок, прямо с экрана, потому что это мой самый любимый кадр: лицо Франка Мюмю в тот момент, когда он осознал, что эта паршивая кукушка, вот уже несколько месяцев как обосновавшаяся в его гнезде, на самом деле вовсе и не кукушка, а величественный золотой орел, который в своем золотом клюве держит золотой ключик от золотых ворот в золотое будущее.

Не знаю, как это смотрелось бы в виде броши, но в пустынной китайской пиццерии парижского пригорода во вторник вечером, в районе десяти, все это выглядело ослепительно.

Ну а в остальном, и это было понятно с самого начала, потому что мужики все-таки очень предсказуемы, он долго сопротивлялся.

Я ему говорила, что он мне все возместит, когда откроет собственный магазинчик на площади уж и не помню чего, с такой типа колонной по центру, к тому же я накручу ему чудовищные проценты и все такое прочее, но поскольку он оказался куда более мачо, чем я могла себе это представить, то под конец я сломалась.

Под конец я призналась: когда он давеча встретил меня на лестнице в прикиде Билли-провинциалки, я выглядела так потому, что направлялась трахаться стоя с вышедшим на перерыв охранником в подсобке для мусорных бачков, прижатая к рулонам бумажных полотенец, и если он не сделает этого ради собственной шкуры, пусть хотя бы проявит великодушие и сделает это ради меня…

Что его талант — это его оружие, и он должен им воспользоваться, как я когда-то охотничьим ружьем, он просто должен мне это.

И тут уже он, конечно, сдался.

— Держи свой подарок, — сказал он, сымитировав мой голос налетчицы на жлобов.

* * *

Время поджимает… Так что еще один этап тоже вкратце, по-быстрому…

Хотя, знаешь, все остальное не так уж важно… Что касается нас, большую часть маршрута мы с ним уже прошли.

Дальше, мне кажется, наша жизнь уже не заслуживает такого внимания. Мы просидели над нашей собственной маленькой Вселенной Варкрафт[43] до тех пор, пока Франки не соизволил-таки доесть свою кальцоне, которая сначала остыла, затем подгорела и снова остыла, и в конце концов мы сложили оружие: дубины, топоры, доспехи, остроконечные шлемы и всю прочую ерунду.

Мы уступили друг другу. Мы устали сражаться.

Дальше мы с ним стали скромными бобо[44], как все, и, черт побери, мне не стоило бы так выражаться, но все-таки, я повторюсь: черт побери… как же это прекрасно!

О да, как же это прекрасно — быть такими же идиотами, как парижане! Злиться из-за дрянного прокатного велика, из-за того, что кто-то припар-

---

[43] Примечания: 43

Вселенная Варкрафт (*англ.* World of Warcraft) — многопользовательская ролевая онлайн-игра, четвертая в серии игр, выпущенных компанией Blizzard Entertainment начиная с 1994 г.

[44] Примечания: 44

Бобо — аббревиатура от bourgeois-bohème (*франц.*) — букв.: буржуазная богема — социологический термин, введенный в употребление Дэвидом Бруксом, автором книги «Бобо в раю» (2000 г.).

ковался там, где разрешена только остановка, из-за несправедливого штрафа, переполненного ресторана, разрядившегося мобильника или невнятно указанного графика работы какой-нибудь барахолки.

Это так хорошо, так хорошо, так хорошо…

Лично мне это никогда не надоест!

* * *

Краткое содержание:

«В течение следующих эпизодов наши герои, Франк и Билли, переехали в Париж и жили там ровно так, как пообещали друг другу.

Пять раз за два года они поменяли жилье, за каждым новым порогом квадратных метров становилось чуть больше, тараканов — чуть меньше.

Франк поступил в свою школу, Билли кем только не работала, в разных, более или менее достойных амплуа, чего уж тут скрывать, но, к счастью, никогда с корнеплодами.

Звездочка моя, вы слишком добры…

И он, и она влюблялись, влюблялись по-настоящему, всерьез, всем сердцем. Верили в это, делились друг с другом, подбадривали друг друга, разочаровывались, прошли огонь и воду и медные трубы, смеялись, плакали, утешались, ну и в конце концов освоили Париж. Правила жизни, привилегии, ограничения. Крупных хищников, среду обитания и водопои.

Они вкалывали как проклятые, кормили друг друга, перевязывали друг другу раны, вместе пили и похмелялись, ругались, расставались, баловали друг друга, холили и лелеяли, ненавидели, теряли, начинали сначала, разочаровывались, обожали, встречались и поддерживали всю дорогу, но главное — они научились вместе поднимать голову.

Это они жили.

Они.

В течение последующих лет они не раз разлучались, но всегда сохраняли за собой — то один, то другой, по обстоятельствам своих любовных увлечений, — свою малюсенькую двушку на улице

Фиделите[45], которая и сегодня остается их единственным портом приписки на этой земле.

Разве что вот сейчас в отпуск выбралась, а так, Билли больше не покидала Париж, ставший ее любимым городом и единственной семьей, не считая Франка, который — он ведь хороший сын — продолжал мотаться на поезде к своим на всякие праздники.

Его отец с ним больше не разговаривал, но это уже не имело значения, поскольку он вообще больше ни с кем не разговаривал за пределами своей группки единомышленников по борьбе с Саботажниками. Его мать пребывала в отключке, а вот у Клодин все было в порядке. И Клодин никогда не забывала передать привет Билли. Никогда. И даже иногда посылала ей свои рыхловатые песочные печенья.

И вот, почти три года назад, когда Франк еще учился и работал в шлифовальной мастерской в Марэ, а Билли заходила за

[45] Примечания: 45
Fidélité (*франц.*) — верность.

ним вечерами отвлечь его от работы, поскольку снова была одна, к тому же сама работала по ночам (конечно, она была белая и с документами, но о нормальной работе мечтать не приходилось), так что, пока она завтракала, он пил свое вечернее пти-шабли в надежде на лучшее, в ее жизни снова произошли серьезные перемены.

Поскольку Франк частенько задерживался, а хозяйке цветочной лавки, расположенной напротив его мастерской, было сто лет в обед и в одиночку ей требовался не один час на то, чтобы втащить с улицы все свои ведра, кустики, цветы в горшках и прочую дребедень, то Билли — не любившая ждать парня больше, чем следует, — начала ей помогать убирать товар, чтобы не стоять без дела. (Ну и во избежание соблазна бахнуть пол-литра пива перед своим „утренним“ кофе, чего уж тут скрывать, когда это всем известно.)

И так подсобила разок-другой, поболтали о том о сем, поговорили основательно, и понеслось: простенькие букетики

— траурные венки, мелкие подсказки — серьезное обучение, подработки по субботам — работа неделями напролет, скромные инициативы — заметные преобразования, большие инновации — маленькие успехи, одноразовые чеки — постоянная зарплата, некоторое благополучие — настоящее призвание, — и вот уже она стала супермодным флористом.

Это было очевидно, звездочка моя, совершенно очевидно…

Билли была рождена, чтобы творить красоту, сколько бы все вокруг ни надрывались, пытаясь ей доказать, что это ей не по статусу.

Совершенно очевидно.

Чтоб рассказать, как наша маленькая трусиха стала любимицей на своей улице, в целом квартале, на оптовом цветочном рынке, у редактрис модных журналов, у дизайнеров-декораторов и всех прочих, как из уст в уста пошла о ней молва среди

flower power[46][47] столицы — для этого ночи не хватит, тут целую книгу пришлось бы писать.

Если у нее и были проблемы с тем, чтобы изобразить генеалогическое древо своей семейки — не хватало ни mamma mia, ни всяких там богатеньких ответвлений, то в вопросах коммерции она сама могла читать лекции всем этим папенькиным дочкам с дипломами…

У нее обнаружилась не просто предпринимательская жилка, а настоящий дар!

Чего хотела Билли, то и создавал для нее Бог.

Ее немыслимая одежда — вся с головы (в платке) до ног (в носках) в цветочных мотивах (собранная по разнообразным секонд-хендам), ее волосы, которые она красила во все оттенки пантона под цвет шерсти своей собачонки (что-то вроде помеси пуделя с таксой, только пострашнее) в зависимости от их общего настроения,

---

[46] Примечания: 46

Здесь: цветочного бомонда *(англ.)*.

[47] Примечания: 47

Flower power (*англ.*) — *букв.*: власть цветов, слоган хиппи, отражавший идеологию ненасилия, популярный в 60-70-х гг. XX в.

ее старенький фургончик „рено“, так ослепительно разрисованный лютиками по бледно-зеленому фону, что даже девушки из парковочной полиции не решались выписывать ей штрафы, опасаясь мешать столь важному делу.

Вопрос не денег, нет, просто ведь цветы могут и увять, ага? И, пожалуйста, друзья, платите наличными, здесь слишком сыро для оплаты банковской картой. Вот посмотрите, я вам не вру: экран терминала весь запотел… Ох, черт, не повезло… Дамы и господа, платите наличными, за причиненное неудобство вам в подарок достанется целое облако незабудок в бутоньерке.

Букеты Билли были самыми красивыми, самыми нежными, самыми простыми и самыми дешевыми в Париже, ее не надо было учить прогибать этот мир.

С рассвета до заката на ногах, весь день прыгая между своими лютиками и анютиными глазками, в своих цветастых ботинках „Доктор Мартенс“, подпоясавшись рафией, подшучивая над всеми

и вся в духе Арлетти[48], с секатором, щелкающим в ее руках с вечера до утра — издалека ее можно было принять за эдакую дочь Элизы Дулиттл[49] и Эварда Руки-ножницы[50] в городском исполнении.

My Fair, Fair, Fair Billie…[51]

Другими словами, издалека ничего от Сморчков в ней уже не угадывалось.

М-м… разве что некоторая деловая хватка…

Старуха на покой не ушла, но передала Билли все дела. Сама она сидела на кассе и по вечерам, пока молодая убирала с улицы товар, подсчитывала выручку в пересчете на франки. О боже, да это

---

[48] Примечания: 48

Арлетти (*франц.* Arletty) — сценический псевдоним французской актрисы Леонии Мари-Жюли Батья (1898–1992).

[49] Примечания: 49

Элиза Дулиттл — героиня «романа в пяти действиях» Б. Шоу «Пигмалион» (1913 г.), лондонская цветочница, за шесть месяцев превращенная профессором фонетики Генри Хигинсом в «герцогиню».

[50] Примечания: 50

«Эдвард Руки-ножницы» (*англ.* Edward Scissorhands, 1990 г.) — фантастический фильм Тима Бёртона с участием Джонни Деппа.

[51] Примечания: 51

Моя прекрасная, прекрасная, прекрасная Билли *(англ.)*.

огромные деньги, с такими деньжищами она проживет еще тыщу лет!»

* * *

Ладно, звездочка моя, я тут на пару минут уступала свое место, потому что неловко саму себя забрасывать цветами, но я уже вернулась, и, знаешь… я должна тебе это сказать *именно сейчас*, потому что следующий сезон отчасти касается и тебя, ибо, кажется, он под угрозой: спасибо.

Спасибо за все.

Спасибо тебе за меня и за моего спутника жизни, который, вернувшись из Индии полгода назад, сегодня уже наконец работает в одной из знаменитых мастерских на этой площади с колонной посередине (на Вандомской, как тут настаивают).

Я знала, что так и будет.

Я это ему предсказала однажды вечером в пиццерии сети «Императорский лотос»…

Надо было поспорить. Какая же я дура.

Спасибо тебе за мою жизнь, спасибо за его жизнь, за моих любовников, за мою собаку цвета фуксии, я ее обожаю, и, слава богу, никто никогда не будет по ней стрелять, спасибо тебе за

Париж, за мою бабульку, которая меня изводит, но исправно платит все обязательные платежи, спасибо за мой фургончик, который еще ни разу меня не подвел, спасибо за пионы, за душистый горошек и за «разбитое сердце», за то, что я больше не бухаю, но выпить могу, спасибо, что больше не плачу по ночам, спасибо, что у меня теперь всегда есть горячая вода, спасибо, что я работаю в столь приятно пахнущем месте.

Спасибо за мадам Гийе. Спасибо за «живые картины». Спасибо за Альфреда де Мюссе, спасибо за Камиллу и Пердикана.

И спасибо за Билли Холидей, и за ее *No Regrets*[52].

А главное, спасибо тебе за него.

И от него.

Спасибо за Франка Мюмю из колледжа Превера.

Спасибо за Франка Мюллера в критических ситуациях.

Спасибо за моего Франки в повседневной жизни.

Спасибо…

Ну а теперь, когда я тебе все это сказала, при-

---

[52] Примечания: 52
«Никаких сожалений» *(англ.)*.

шли же ты наконец этих чертовых санитаров, твою мать! Я тут себе задницу отмораживаю, а ты тем временем уже почти пропала!

Нет, честно! Что ты там мутишь, черт тебя подери?

Тебе кажется, мы недостаточно нахлебались?

Фак! Хоть бы блеснула, что ли.

Сияй! Сверкай! Зажигай!

Знаю, знаю…

Знаю, чего ты хочешь…

Хочешь, чтоб я рассказала небесам о том, как сильно накосячила и насколько я заслуживаю того, чтобы вкусить этой ночи еще чуток.

Ну что ж, давай, моя старушка… Вперед…

Переворачивай страницу.

* * *

Смотри, моя звездочка, я надела свое выходное платье и в лакированных туфельках пришла к тебе, как на исповедь.

Не обращай внимания на мои волосы, в последнее время они немного полиловели, ты должна видеть только мое чистое сердце.

Оно словно лилия Мадонны[53].
(*Lilium Candidum.*)

Если я сейчас здесь сохну, дохну, отмораживаю себе башку, умоляя тебя помочь нам еще разок, так это потому, что я сделала одну маленькую глупость…

Ну да… Со мной до сих пор такое случается, представляешь…

Обычно это бывает, когда я чересчур увлекаюсь ромовыми коктейлями в «Хижине Сэми», но на этот раз я была абсолютно трезва, трезва до такой степени, какой можно достичь только в пешем семейном походе с ослами и тупицами в Национальном парке Севенны.

(Тоже, согласись, неплохая идея?)

(Очень даже неплохая…)

Сожалею ли я о том, что натворила?

Нет.

Даже, думаю, надо было бить сильнее.

Видишь, я ничего от тебя не скрываю…

И если уж ты не оправдываешь моих порывов, по крайней мере, оцени мою прямоту.

Поскольку я, как и Билли Холидей, и по тем же

---

[53] Примечания: 53

Лилия Мадонны — простонародное название белой лилии, считающейся символом чистоты и девственности.

причинам, что и она, — ни о чем не жалею.

Я ни о чем не жалею и никогда в жизни не стану ни о чем жалеть, потому что у меня и так уже сперли слишком большую ее часть. К тому же именно ту, что считается безусловно прекрасной… Так что лизать твой плазменный зад я не буду, даже и не рассчитывай.

Да я бы и все равно не смогла этого сделать.

Никогда не делала.

Если меня припирают к стенке, предпочитаю пользоваться ружьем или бить покрепче.

Не то чтобы я этим гордилась, но… такая уж я есть, и я уже знаю, что не стану другой.

С самого рождения я держусь только благодаря собственной воле, поэтому, как бы ни были слабы те, на кого я в этой жизни опираюсь, я уничтожу любого, кто хоть пальцем к ним прикоснется.

В настоящий момент моя самая главная опора несколько сдал. Вот он лежит со мной рядом, мучается и уже не отвечает мне, когда я к нему обращаюсь. Если ты не поможешь мне его починить, я тебя уничтожу тоже. Да, я договорюсь сама с собой, чтобы больше тебя никогда не видеть.

Тебе-то, конечно, на это плевать, ты уже умерла, а вот у меня еще есть в запасе некоторое поле для маневров, так что я просто тебя предупреждаю…

Я умею стрелять из любого оружия и смогу подстрелить любую мелкую и трусливую тварь. Так что если речь обо мне, то я абсолютно не парюсь о моем будущем без него.

Совершенно не парюсь.

Ну вот. Я это сказала.

Теперь можно и развлечься еще чуток и рассказать тебе про наш суперотпуск…

* * *

Все началось в баре одного дорогого отеля.

В последние годы почти всё и всегда между мной и Франком начинается в баре какого-нибудь дорогого отеля…

Поскольку мы оба с ним вкалываем как проклятые, то стали встречаться в тихих местах, где все дышит красотой и порядком, богатством, покоем и наслаждением.

Я уже не падаю в обморок от цен в меню — по той простой причине, что больше на них не смотрю.

Мне редко удается за ночь поспать больше шести часов, и я уже не могу позволить себе роскошь быть скупердяйкой.

Я позволяю людям доставлять (получать)

удовольствие, покупая в подарок (себе) очень красивые цветы шесть дней в неделю с одиннадцати утра до девяти вечера, и в качестве вознаграждения самой себе, раз уж я превратилась в бесценное сокровище, делая столько добрых дел, в день седьмой я разваливаюсь в мягком кресле и угощаю моего бедного дружка, который починяет рассыпавшиеся на банкетах тиары и диадемы королев стоимостью в целое состояние.

Обожаю.

Свожу счеты со своим прошлым, рассчитываюсь сполна и делаю это в пятизвездочных отелях. Это служит мне хорошей компенсацией.

Уже и не помню, в каком отеле мы с ним в тот раз оказались и что мы пили, но это было наверняка что-то волшебное, раз я в конце концов согласилась исполнить его каприз.

Франк имел виды на одного очаровательного юношу, а тот собирался отправиться в пеший поход с «товарищами» (уже одно это слово мне не понравилось) и их детьми в Севенны и пригласил его присоединиться.

Потрясающие пейзажи, биопитание, экологичнее не бывает, бесподобное небо и милейшие ослики.

К тому же им не помешает пройтись, немножко спорта, подышать свежим воздухом и все такое.

Ладно.

Франку захотелось потрахаться на природе, под звездным небом, в здоровой семейной обстановке, в гармонии и любви, в том числе к животным, почему бы и нет?

Да нет же, раздражался он, ты все неправильно поняла. Все вовсе не так, как ты думаешь. Мне, правда, кажется, что он — мужчина моей жизни, и я еду туда не затем, чтобы оттянуться по полной, а потому что настроен романтически.

Ладно.

Мужчин его жизни я на своем веку уже повидала, одним осликом больше меня уже не впечатлит. Я перестала ржать.

Он хотел, чтобы я поехала с ним, и этим задел меня за больное место. Нашел себе компаньоншу. Подружку невесты. Типа чтобы засвидетельствовать свою благонадежность и наилучшие намерения. Изобразить эдакую семью, чего уж там…

— О-ля-ля, — сказала я.

Ты зовешь меня?

Топать пешком?

В огромных уродливых башмаках, весом по тонне каждый?

В бейсболке?

С фляжкой?

В ядовитого цвета дождевике?

С поясной сумкой-бананом?

С комарами?

С людьми, которых я даже не знаю?

И с ослами, которых я не умею водить даже в поводу?

— О-ля-ля, — подытожила я, — никаких шансов, что это когда-либо произойдет!

И все же в конце концов я согласилась.

Франки умеет меня обрабатывать, ну а коктейли лишь довершили полный распад моей оборонительной системы. К тому же это было частью нашего соглашения-в-гостиничном-номере-после-охоты: мы редко осмеливались просить друг друга о каких-либо услугах, но если это было действительно важно, то можно было даже и не просить.

И потом, скажу как есть: в это время в моей лавке все равно будет мертвый сезон, и оставить на несколько дней мою старушонку поскучать в одиночестве было мне только на руку. Ну и вот: в следующий понедельник мы отправились в

магазин походного снаряжения, и не успела я опомниться, как на моих ногах уже красовались какие-то невероятные луноходы из яловой кожи грубой выделки.

Безумно красивые…

Я решила относиться ко всей этой авантюре с юмором и начала веселиться прямо в магазине. Я исполняла по полной программе, как настоящая девочка, перемерила все и целую вечность раздумывала, что же купить.

Франк жаждал знакомства с ослами, он его получит.

На самом деле я была страшно рада поехать с ним вместе в отпуск. Уже долгие годы мы виделись разве что мельком, всегда на ходу, и мне его не хватало. Мне не хватало нас.

Ну и ко всему прочему, в те дни, когда должна была состояться наша поездка, исполнялось ровно десять лет с тех пор, как мы с ним репетировали Альфреда де Мюссе, и это, это очень мне нравилось. Перспектива надоедать ему целую неделю в окружении баранов и ослов — достойный подарок к знаменательной дате.

Десять лет. Вот уже десять лет мы не разглагольствовали о любви, а он — ибо я не строила иллюзий на свой счет, — он уже был героем са-

мой важной истории в моей жизни…

* * *

Оглядываясь назад, могу сказать, что с самой нашей встречи на Лионском вокзале вся эта скаутская авантюра пошла наперекосяк.

Да-да, потому что тот самый Артур, избранник моего Франки, может, конечно, и был мужчиной его жизни, но еще на перроне у меня возникло четкое ощущение, что обхаживает он скорее меня.

«Ха-ха, — подсмеивалась я втихаря, спрятавшись под козырьком своей бейсболки, — плохой выбор, дорогой мой дальнозоркий друг, плохой выбор…»

Ладно.

Я прикинулась синим чулком и ничего не сказала.

Во-первых, этот пассажир железной дороги вполне мог ходить и под парусом, и под мотором — как говорят у нас о тех, кто и нашим, и вашим, а во-вторых, в данный момент моей жизни я и правда жила старой девой.

Сведение дебета с кредитом отнимало у меня слишком много времени и сил, чтобы я могла себе позволить кружить голову первому встречному.

Так что пусть уж они с Франком сами разбираются со своими либидо. Мое сейчас отдыхает.

Ведь это, черт побери, отпуск, или что?

В общем, как настоящий друг, я быстренько остудила пыл нашего Артурчика, щеголявшего в темных очках «Рей-Бан Авиатор», и заняла в поезде его место, уступив свое — рядом с Франком, да еще и по ходу движения.

А сама проспала всю дорогу.

Честное слово, от одной мысли о том, что мне предстоит карабкаться по горам с этими гирями на ногах, я уже заранее чувствовала себя уставшей…

Потом нас препроводили на суперсемейную супертурбазу, где нас ждала куча прочих суперучастников, пребывавших в суперприподнятом настроении в связи с предстоящим суперпоходом с такими супермилыми осликами, с таким суперским хлебом — краюхами, с таким суперским сыром, что я тут же опустила забрало и ушла в глухую оборону.

Эй, но не так, как в детстве, ага? Нет, нет! Ничего общего! Просто я сопровождала Франка, и баста. И нечего от меня требовать еще и какой-то общительности.

Я занималась торговлей, и на протяжении все-

го года общение было моей работой, поэтому в свой собственный отпуск я прежде всего нуждалась в отдыхе от контактов с людьми. Особенно с симпатичными.

Я не дулась, я просто отдыхала.

Для меня все это сразу оказалось чересчур, и я уже понимала, что мне физически не по силам внести свой вклад во всеобщую ажитацию.

Ты Франк, я Билли. Моя поехать с тобой, твоя ни о чем меня больше не просить.

Ну а поскольку он меня любит и прекрасно меня знает, он оставил меня в покое.

Мы с ним спали в одной палатке, и вечером следующего дня он мне признался, что сказал им, чтобы они на меня не обижались, что я ни с кем не разговариваю… потому что переживаю тяжелую любовную драму…

Я ответила, что он правильно сделал, поскольку я всегда в той или иной степени переживаю тяжелую любовную драму, поулыбалась немножко и, не сдержавшись, добавила, что это вообще история всей моей жизни, разве не так? И тут мы с ним оба так и покатились со смеху в своих спальниках, чтобы ни на секунду не усомниться, что я и впрямь очень-очень юморная девчонка.

Я обожала спать вместе с ним в нашем крохотном домике (я грамотно распределила обязанности: мне надлежало палатку устанавливать (подбрасывание в воздух — две секунды), а ему собирать (два часа)), я доставала свою фляжку водки, и мы болтали обо всем на свете. Перемывали косточки членам группы, ржали, хихикали, глумились, рассказывали друг другу пропущенные эпизоды из своей жизни, истории о наших букетах, о наших заказах, о работе, о кольцах, о клиентах и браслетах.

А еще Франк, дурачась, перепевал мне разные скаутские частушки, одна похабнее другой, а я умирала со смеху.

Я так гоготала, что порой казалось, наша палатка вот-вот взлетит. Наши соседи наверняка удивлялись, насколько быстро я оправляюсь от своей тяжелой любовной драмы…

Ну и наплевать…

Мне вообще наплевать на других… Я люблю только близких.

И мою собаку.

В какой-то момент нас разделили на три группы, по причине слишком ненадежных троп, и в «новом» составе мы оказались вместе с одним семейством — таких чистеньких, опрятненьких,

с прилизанными волосами.

Хотя и мальчик, и обе девочки вели себя безупречно, их родители, со всеми своими принципами Воспитателей Великих и Непреклонных, явно были на взводе.

На рюкзаках у них все еще красовались наклейки «Manif Pour Tous»[54], и первым делом они поинтересовались у нас с Франком, обручены ли мы и собираемся ли пожениться.

Бедняги…

Франк, занимавшийся сумкой с провиантом, вопроса не расслышал, и я с ходу ответила им, что мы брат и сестра.

Ну да… Мне хотелось и дальше иметь возможность спокойненько ржать по ночам в моем маленьком домике с моим маленьким гомиком, не опасаясь того, что они заявятся окатить нас холодной водой…

Мы шли следом за ними, и я указала Франку подбородком на ту самую наклейку, чтобы он улыбнулся, но он был настроен лирически и никак не отреагировал.

---

[54] Примечания: 54

«Manif Pour Tous» (*франц.*) — «Манифестация для всех», французское движение, направленное против принятого во Франции в 2013 г. закона о разрешении однополых браков.

Его Артурчик смылся, примкнув к другой группе минипутов[55], и шел теперь вместе с малышкой Селенией, двадцатилетней набитой дурой, чей силуэт зато классно смотрелся в его зеркальных очках, и Франк был, конечно, слегка разочарован жизнью… «Слушай, — сказала я, ткнув его под ребро, — но у тебя же есть я…» А поскольку и это его не развеселило, я и выдала ему из нашей с ним аптечки первой помощи:

— Что посоветовали бы вы мне в тот день, когда бы я увидала, что вы меня больше не любите? — спросила я его как ни в чем не бывало.

— Взять любовника, — ответил он мне без запинки.

— Что делать мне потом, в тот день, когда любовник мой меня разлюбит? — не унималась я.

— Взять другого.

— До каких пор это будет продолжаться?

— До тех пор, пока твои волосы не поседеют, а мои не побелеют, — улыбнулся он.

И оп, все по новой, как в старые добрые времена. После этого он снова выглядел как огурчик. (Так, стоп! Никаких овощных сравнений — так и до картошки можно договориться, а это — табу!)

---

[55] Примечания: 55

«Артур и Минипуты» (*франц.* Arthur et les Minimoys, 2006 г.) — полнометражный анимационный фильм режиссера Люка Бессона.

После этого он снова был в отличной форме.

Да здравствует Альфред.

Осел нам не полагался, потому что мы были без детей.

А поскольку семейство Прилизанных было с детьми, то им выдали маленького серенького ослика, суперсимпатичного, по кличке Ослик. (Супероригинально.) Он очень мне нравился, хотя я и побаивалась его слегка…

(Поскольку Франк с этими людьми явно не собирался иметь ничего общего, ни с отцом, ни с детьми, ни со всем семейством, ни разделять их взгляды на достоинство, уважение, прощение или рай, то об ослике можно было забыть.)

Ослик…

Я звала его Ося и время от времени потихоньку подкармливала.

Мсье Прилизанный смотрел на меня осуждающе, ведь в правилах четко было написано, что в пути животных кормить *нельзя*.

— Это правило номер один, — твердил де-

тям наш главный спец по кадишонам[56]. — Вы можете давать им все, что угодно, когда они отдыхают, но в остальное время — ни-ни, ни травинки. Иначе… уж и не помню, что там могло случиться иначе… ах да, иначе у ослов сломается встроенный GPS-навигатор и они потеряют ориентацию…

Ладно, но неужели я брошу огрызок муравьям, доев яблоко, когда рядом со мной такой миленький ослик вот уже четверть часа с него не сводит глаз?

Отлично, мы ведь не звери и не тупицы.

Между мною и мсье Прилизанным начинало ощущаться напряжение.

Мне не нравилось, как он разговаривал со своей женой (как с идиоткой), мне не нравилось, как он разговаривал со своими детьми (как с идиотами). (Когда я нервничаю, вокруг одни идиоты, вы не заметили?) (От себя не убежишь, чуть что — и из меня так и прут Сморчки.) (Тут же.) (Увы.)

Он все время принюхивался к Франку, словно

---

[56] Примечания: 56

«Кадишон, или Мемуары ослика» (*франц.* Cadichon ou Les mémoires d'un âne) — телевизионный мультсериал (1986 г.), созданный по мотивам книги «Записки осла» (1860 г.) французской детской писательницы русского происхождения Софьи Федоровны Ростопчиной, в браке графини де Сегюр (1799–1874).

бы заподозрив, что тот не вполне мужик, как они говорят, и это страшно меня бесило. Эта его собачья манера принюхиваться к заднице вызывала у меня отвращение.

Ну и потом, у него был прямо-таки дар — портить любой мало-мальски приятный момент. Малышке нельзя было сорвать цветок и подарить его маме, потому что это растение занесено в Красную книгу. Мальцу, просившему у него бинокль, надо было подождать, мол, сейчас у него слишком грязные руки. И время полдника еще не пришло, так что если ты голоден, то терпи. И ослика в поводу повести нельзя, потому что ты его наверняка упустишь. И пускать блинчики по воде никогда у тебя не получится, потому что ты не прилагаешь к этому достаточных усилий. (Прилагать усилия, чтобы пускать блинчики по воде… Нет, ну какой придурок…)

Другой малышке говорилось, что если она еще раз подойдет к ослу сзади, тот непременно ее лягнет и может даже убить. (Мой Ося… Какая чушь…) Когда его жена восхищалась видом, он отвечал, что с противоположной стороны холма вид значительно лучше, когда она фотографировала детей, он предупреждал, что у нее ничего не выйдет, потому что она снимает против света,

а когда под конец она согласилась взять свою кроху на руки, он возвел очи к небу, напомнив ей, что нельзя вот так вот поддаваться на детские капризы.

Ладно.

Я замедлила шаг, прикинувшись страшной любительницей флоры и фауны, чтобы немножко остыть.

Вали ты со своим мирком подальше от моей души, грязный мелкий надзиратель, я тут смотрю, какие злаки я буду класть в свои букеты…

Во время пикника он подсел к Франку, типа поболтать по-мужски, и запросто так его спросил, хотим ли мы тоже детей.

Франки бросил мне взгляд, означавший «Не вмешивайся, я тебя умоляю», и ответил ему какую-то расплывчатую чушь, замяв разговор.

Пока мы закрепляли свои рюкзаки на спине у Оси, Франк шепнул мне на ушко:

— Эй, Билли, не устраивай мне проблем с этим типом, о'кей? В следующей группе идет мой коллега по работе, который мне дорог, и я не хочу скандала, договорились? Я ведь тоже все-таки в отпуске…

Я кивнула в знак согласия.

И перестала беспокоиться.

За него.

Вечером на стоянке своим роскошным ножом Франк вырезал ребятишкам палки для ходьбы.

Ну а поскольку он резчик от Бога, то когда он, закончив работу, вручил каждому ребенку по настоящему сокровищу, как же они были довольны, как радостно они улыбались.

Каждому досталась палка с инициалами и личным символом, вырезанными на коре. Для мальчика символом стала шпага, для девочек он вырезал звезду и сердце.

Я тоже потребовала себе такую, страшно раскапризничалась, и он сделал еще одну — специально для меня. Моя палка была толще, длиннее и помечена очень красивой буквой «Б», под которой Франк выгравировал морду моей собаки. Когда он мне ее вручал, я расплылась в улыбке, совсем как дети, только еще больше.

Всю ночь мы с ним проспали как сурки.

* * *

На следующее утро я снова была в прекрасном настроении.

Заметь, звездочка моя, у меня просто не было

выбора — такая красота вокруг…

Ничто не устоит перед такой красотой… на все можно махнуть рукой… особенно на человеческую глупость… так что все шло хорошо. Видя, что я расслабилась, Франк тоже расслабился, ну а поскольку, живя во грехе, мы не имели с ним права на маленького ослика, то обогнали всех и пошли впереди, чтоб этот кайфоломщик не действовал нам на нервы.

В конце концов, у каждого своя жизнь, ведь так?

Ну да…

Каждому свое…

Бога не проведешь, Он своих узнает…

В какой-то момент мы столкнулись с огромным стадом баранов. Ладно, поначалу все было ничего, но довольно быстро мне это стало надоедать…

Стоит посмотреть на одного барана, и уже кажется, ты видел их всех, настолько они похожи. Я потянула Франка за рукав, нам надо было выбираться отсюда, как вдруг — оп-па, Господи Иисусе.

Мой Франки: сражен наповал.

Это было словно Видение. Явление. Откровение. Удар молнии. Трепет. Ошеломление.

Пастух.

* * *

На полном серьезе, признаю, он действительно походил на Иисуса и выглядел очень и очень сексуально…

Красивый, улыбающийся, загорелый, медно-красный, золотой, подтянутый, мускулистый, бородатый, с вьющимися волосами, непринужденный, спокойный, весь светящийся изнутри, с обнаженным торсом, в хлопчатобумажных шортах, в кожаных сандалиях и с узловатым посохом в руке.

Больше всего в этот момент Франк был похож на волка из мультиков Текса Эйвери[57], к тому же он еще и стоял посреди целого стада баранов.

Со стороны это выглядело божественно…

Да и сама я была не прочь немедленно причаститься, чего уж там!

Мы с ним немного поболтали… ну, то есть… попытались переключиться на разговор, чтобы

---

[57] Примечания: 57

Текс Эйвери (полное имя: Фредерик Бин Эйвери, 1908–1980) — американский мультипликатор, сотрудничавший с Universal, Warner Bros., MGM, создатель многих известных мультперсонажей, таких как Даффи Дак, Багз Банни, Друпи и др.

не разглядывать его так уж откровенно…

Франк спросил, не тяготит ли его одиночество (каков хитрец…), я порасспрашивала про его пса, а потом мы заметили вдалеке наших друзей Прилизанных со товарищи и попрощались, чтобы примкнуть к группе, пусть даже и сохраняя дистанцию, просто потому, что мы боялись заблудиться.

Перед тем как уйти, мы спросили его, куда он направляется, и он махнул в сторону невысокой горы.

Ладно, что ж, тогда до свиданья…

Ах! Господи… Как Вы жестоки с Вашей паствой! Божественная литургия состоялась, но была чересчур коротка! Какой мимолетной была эта встреча!

Само собою, все последующие часы я только об этом и говорила, подтрунивая над Франки.

Во время пикника мсье Прилизанный спросил, будет ли Франк колбасу.

— Только если это «Палка пастуха»[58]! — выпалила я за него и давай гоготать, эдак минуты две без передышки.

---

[58] Примечания: 58

Bâton du Berger (*франц.*) — французская марка сырокопченых колбас.

А когда наконец успокоилась, добавила:

— Да и то… только если она такая, знаете, с орешками…

И загоготала по новой, еще на пару минут.

Прошу прощения.

Извиняюсь.

Мадам Прилизанная даже забеспокоилась, все ли со мной в порядке, Франк тяжело вздохнул и сказал ей, что у меня аллергия на пыльцу.

И, хоп, еще две минуты ржачки.

А-а-а-а… Эта прогулка начинала мне нравиться!

Франк хотя и прикидывался удрученным, но тоже веселился от души…

Уж мы-то знаем, с чего мы начинали, и всякий раз, когда один из нас счастлив, то и на другого это производит двойной эффект. Радуясь за другого, радуясь за себя, мы радуемся еще и тому кайфу, который испытываешь, когда так круто меняешь первоначальный расклад.

По случаю такого праздника, дождавшись, когда наш Всеобщий Мучитель отошел пописать, я дала Осе целое яблоко.

Он проглотил его не жуя и в благодарность наградил меня смачным, горячим почмокчмоки-

ванием в шею.

Ох… я уже заранее по нему скучала… К тому же, как козырно бы он смотрелся перед моей лавкой в соломенной шляпе с прорезями для ушей и с полными корзинами цветов по бокам…

Так что вот, звездочка моя… Все было хорошо, и если в какой-то момент все пошло наперекосяк, то мы в этом правда не виноваты — мы чувствовали себя так, будто на нас снизошла благодать и мы можем ходить по воде.

Мы чувствовали себя преображенными.

Мы наслаждались нашим путешествием по Севеннским горам.

На-слаж-да-лись.

Как маленькие овечки, искренне обращенные в новую веру!

После обеда было решено немного передохнуть, чтобы не идти по самому пеклу, к тому же малышка прикорнула на руках у своей матери.

(Знаю, мне не стоит этого говорить… это ни к чему… но правда… мне это было в диковинку…)

Про себя я знаю, что у меня никогда не будет детей. Это не просто дурацкое выражение. Я нутром это чувствую. Я не хочу детей. И точка. Но, глядя на выражение лица этой женщины, не

сводившей глаз со своей дочурки, на то, как она предельно осторожно, чтобы не разбудить, потихоньку перемещалась под деревом, изгибаясь и обдирая себе задницу об острые камни, чтобы ни один лучик солнца не упал на лицо ее крошки, я, не удержавшись, подумала, что у моей матери, судя по всему, действительно были большие проблемы с головой… Очень, очень большие… Ведь я в то время была совсем крохой…

(Стоп. Неинтересно.)

Чтобы больше об этом не думать, я устроилась поудобнее, положив голову на живот моего Франки, и задремала.

Вот так. Я снова прогнула жизнь под себя.

Не знаю, что было тому виной — то ли усталость от ходьбы, то ли обнаженный торс пастуха, то ли подсмотренная сцена Матери с Ребенком, — но я плохо спала в ту ночь…

Вернее, я вообще не спала.

Ну и бедному Франку тоже досталось. Я ведь эгоистка и страдать бессонницей в одиночку мне совсем не хотелось, так что болтала я без умолку. И конечно, в конце концов, перескакивая с одного на другое, я, как хитрая крыса, вывернула-таки разговор, куда хотела, и прошептала в темноте,

что мне ведь было не четыре года, а всего-то одиннадцать месяцев, и что я правда не понимаю…

Франк не выдержал. Думаю, он с куда бóльшим удовольствием отправился бы на всю ночь молиться Иисусу да теребить свои карманные четки, так что он послал меня ко всем чертям.

Мне сразу окончательно расхотелось спать, ну и ему тоже.

Вот так, звездочка моя… Видишь, я подготавливаю почву: с утра, когда мы тронулись в путь в направлении какого-то там плато на встречу с двумя остальными группами, идиллическая картинка нашего отпуска уже немного померкла…

Впервые в жизни я сталкивалась с нормальной матерью, к тому же еще и любящей, и на меня это действовало угнетающе. Я ничего не говорила и продолжала, как и раньше, дурачиться, но чувствовала, как нечто внутри меня начинает посылать мне тревожные сигналы.

Я уже не могла любоваться небом, солнцем, облаками, живописным пейзажем, бабочками, цветами и каменными хижинами, я была одержима этой женщиной.

Я прислушивалась к ее голосу, следила за движениями ее рук, когда она касалась своих детей

(всегда в самых нежных местах: затылок, волосы, щеки, пухленькие ножки), смотрела, как она их кормит, всегда отвечает на их вопросы, никогда не путается в их именах, всегда держит их всех в поле зрения и… и все это меня убивало.

У меня внутри все разрывалось от этой нежности… От всей этой несправедливости… От острого чувства собственной обделенности, которое охватывало меня всякий раз, как я поворачивала голову в ее сторону…

Сначала я, как пиявка, прилепилась было к Франку, но, увидев, что начинаю его раздражать, отправила сама себя в карантин.

После обеда, поскольку я все еще пребывала в расстроенных чувствах, я попросила разрешения повести Ослика в поводу.

Пусть мне удастся победить хотя бы *один* из моих страхов…

Аджюдан Прилизанный передал мне повод, с тысячей дебильных рекомендаций в придачу (будто поручал моим заботам боевого питбуля, не кормленного неделю, накачанного амфетаминами и все такое прочее), ну а я, чтобы развлечься, принялась осуществлять свой план соблазнения.

Я нашептывала в его большое ухо, трепещущее

от удовольствия: «Уверен, что не хочешь поехать со мной в столицу? Я буду кормить тебя лепестками увядших роз и водить знакомиться с юными ослицами в Люксембургский сад… А еще я буду собирать твой навоз, раскладывать его в такие симпатичные мешочки из джутового полотна и на вес золота продавать всем этим бездельникам, которые устраивают всякие идиотские садики-огородики на своих балконах…

Ну же, соглашайся, чего ты… Тебе самому-то еще не надоело таскать все эти рюкзаки Quechua? Неужто не хочешь зажить на широкую ногу? Я покрашу тебе гриву в лавандовый цвет, и мы будем ходить с тобой на Елисейские Поля пить мохито…

Ведь я заметила, тебе тоже нравятся листики мяты, не так ли, мой маленький друг?

Давай, мой Ося, ну же… Не упрямься…»

Он доброжелательно на меня смотрел своими огромными глазами. Он был не против и время от времени терся об мою руку, чтобы отогнать мошек и заставить меня попристават к нему еще немножко с этими моими глупостями.

Мне стало получше.

Мне стало получше, и я больше не обращала внимания ни на нежность мамаши Прилизанной,

ни на межгалактическую глупость ее муженька.

Видишь, звездочка моя, я ничего такого не замышляла. Я в конце концов справилась с этой своей отрыжкой прошлого, проведенного в Сморчках, которая с вечера отравляла мне жизнь, и во мне больше не было никакой ненависти.

Надеюсь, ты мне веришь?

Ты должна мне верить.

Франку и тебе я всегда говорю правду.

* * *

Ладно, ты готова?

О'кей. Тогда перехожу к сути…

В какой-то момент мальчонка, мечтавший об этом дни и ночи, в который уж раз спросил, нельзя ли ему тоже повести ослика в поводу.

Его отец сказал «нет», я — «да».

Абсолютно синхронно.

После этого в разговоре повисла неловкая пауза.

— Да ладно вам, — вступилась я, — ослик же совсем тихий и такой милый… Смотрите, я вот страшно боялась, а все прошло хорошо… Хотите, я буду идти рядом с вашим сыном, на тот случай,

если у него возникнет какая-нибудь проблема?

Мсье Прилизанному все это крайне не понравилось, но он вынужден был отступить, потому что все принялись ему говорить, что я права, что наш осел и не осел вовсе, а чистый ягненочек, что надо доверять детям и прочую хрень.

В конце концов наш Хайльгитлер сдался, но было видно, что теперь он держит пацана на прицеле, и не дай Бог тому сплоховать.

Обстановочка.

Мальчишка был на седьмом небе от счастья. Чувствовал себя, как Бен-Гур за рулем своей «ламборгини».

Как и обещала, я не отставала от него ни на шаг и иногда, как его мама, потихоньку гладила его по голове.

Просто так.

Чтобы почувствовать…

Ну а поскольку все шло хорошо, мы все расслабились.

Примерно через полчаса ребенок заявил, что устал вести Ослика, хочет вернуть его мне, чтобы снова заняться поиском всяких окаменелостей.

— Не может быть и речи, — тут же возразил его отец, крайне довольный представившейся

ему возможностью укрепить свой авторитет в глазах группы, — ты хотел его вести, так вот и веди его теперь до конца. Это научит тебя серьезно относиться к принятию решений, дорогой мой Антуан. Взял на себя ответственность за это животное — вот и отлично, тогда не хнычь и веди его до стоянки, тебе понятно?

Нет, ну что это за идиотизм такой?

Хо-хо… Мне действительно надо было не вмешиваться в этот разговор…

Хо-хо… Где ты, мой Франки?

Не отдаляйся от меня, мой кот, побудь со мною рядом, а то я чувствую, что у меня уже рубашка в проймах трещит…

А сама я, по-моему, начинаю понемногу зеленеть, разве нет?

В общем, маленький Антуан, супермилый, супервеселый, суперсмелый, суперпокладистый, прекрасный ходок, суперласковый и супервнимательный к своим сестричкам, зашмыгал носом и стал звать маму.

И тут его отец одним резким движением руки влепил ему хорошенький подзатыльник, чтобы поучить жизни.

Ох, черт…

Ох, как же мне все это было знакомо…

Знакомо, потому что я знала все эти удары наизусть.

И это был один из худших.

Гнуснейший из гнуснейших.

Самый коварный.

Самый болезненный.

Удар, не оставляющий следов, но напрочь вышибающий тебе мозги.

Удар, который ты ощущаешь всем нутром.

Который всегда застает врасплох и так сотрясает твой мозг, что ты на мгновенье теряешь способность думать и остаешься слегка прибабахнутым на всю последующую жизнь.

Ох, черт…

Это была моя прустовская «мадленка»…

Ладно, конечно, я не думала обо всем этом в тот момент. Я, кстати, вообще никогда об этом не думала, все это у меня в крови.

Да и потом, я просто не успела подумать, поскольку моя суперкрасивая палка Van Cleef работы моего Франки уже описала окружность за моей спиной и в следующее мгновенье я врезала ею прямо по роже этому чистоплотному мсье, который только что поднял руку на ребенка.

Точно в цель.

Лицо вдребезги.

Ни носа.
Ни рта.
Ничего не видно.

Только кровища повсюду, по лицу, по рукам, которыми он закрывает лицо.
И крики.
Само собою разумеется, истошный свинячий визг.

Ох, черт возьми, какой скандал…
Ко всему прочему, мой взмах палкой испугал осла, и он тройным галопом помчался в Катманду, унося с собою все наши съестные припасы.
Ох, какой скандал…

Ну а поскольку все вытаращились на меня так, словно я его угробила, то я добавила, чтоб привести в чувство этого обидчика маленьких мальчиков:
— Ну что? — выдала я ему не своим голосом, какой бывает у меня в эпохальные моменты. — Почувствовал, каково это? Почувствовал, каково это — получить удар, которого не ждешь? Почувствовал, как это неприятно? Ты больше никогда не будешь так делать, да? Иначе в следующий

раз я тебя убью.

Он не мог мне ответить — пережевывал свои зубы, и я продолжила:

— Не волнуйся, сейчас я уйду, потому что видеть больше не могу твою гнусную фашистскую рожу, но перед тем как уйти, я тебе вот что скажу, придурок… Эй, посмотри на меня… Ты меня слышишь? Так вот, слушай меня внимательно: видишь, вон там стоит мой друг… (произнося это, я, конечно, не посмела даже взглянуть в сторону Франка) (ну да, в один день всех страхов не победить…) и знаешь ли, он гей… а я, я лесбиянка… да-да… И, прикинь, это нам не мешает заниматься всяческими непристойностями по ночам в нашей маленькой палатке… Непристойностями, каких ты даже не можешь себе вообразить… Он редко кончает в меня, не беспокойся, но представь, что как-нибудь ночью после большой попойки мы зазеваемся и это случится… Представь… Так вот, если в результате тех гнусностей, что вытворяют пидорас и лесбиянка, будет зачат ребенок, то знаешь что? Мы не только его оставим, просто чтобы тебе досадить, но и к тому же мы никогда не станем его бить. Никогда, ты слышишь меня? Никогда его и пальцем не тронем. Никогда, никогда, никогда… А если он нас действительно

сильно достанет, если он будет мешать нашим оргиям, то знаешь что? Мы его просто прибьем, но сделаем это как надо… Клянусь на головах твоих детей, что он не будет страдать. Слово даю. Ладно, проехали… Всем пока… И хорошей прогулки…

Я смачно плюнула ему под ноги и зашагала прочь в направлении, указанном пастухом.

Потому что мною двигали Вера, Жизнь, Свет и Правда.

* * *

Несколько часов я шагала куда глаза глядят.

Прямо к горе Иисуса.

Я даже ни разу не обернулась, чтоб убедиться в том, что Франк последовал за мной.

Я знала, что он это сделал.

Что он ненавидит меня, но идет за мной.

Что он ненавидит меня, и вместе с тем он мне благодарен.

И что у него в голове сейчас наверняка жуткая неразбериха.

Ведь наверняка между этим занудой и его папашей было много общего…

Может статься, они оба члены одной и той же ячейки борцов за Чистоту Запада…

В какой-то момент я застыла над пропастью.

Во-первых, потому что здесь заканчивалась тропа, а во-вторых, потому что на самом деле вот уже несколько часов я не слышала шагов за своей спиной.

Ни разу.

Я застыла на месте и стала ждать.

Слепая вера — это хорошо, но я ведь не слепая. Я цветочница.

К тому же, как сказал бы поэт, любви нет.

Есть лишь доказательства любви.

Я застыла на месте и посмотрела на часы.

«Если через двадцать минут он здесь не появится, — пообещала я самой себе, — я откажусь от аренды нашей квартиры на улице Фиделите».

Сколько бы я ни хорохорилась, все-таки я тоже не железная.

Черт. Пусть я съехала с катушек, сорвалась, но ведь и ради него тоже, не только ради себя.

Обманщица.

Хорошо, признаю. Я сделала это только ради себя.

И даже, кстати, не ради себя… А ради той маленькой девочки, рядом с которой я жила, когда

была маленькой девочкой…

Никогда раньше у меня не было случая ей сказать, что, даже если зимой от нее попахивает, она все равно мне друг и всегда может присоединиться к моей компании и сидеть со мной рядом в классе.

Всегда.

И навсегда.

Так что вот. Теперь это сделано.

Она его получила — свое доказательство любви…

«Если через девятнадцать минут он здесь не появится, — повторила я, стиснув зубы, — я откажусь от нашей квартиры на Фиделите».

Ровно семнадцать минут спустя за моей спиной раздался брызжущий ядом голос:

— Эй? Знаешь что? Ты меня достала, чертов Сморчок… Ты в самом деле меня достала!

Я едва не разревелась от счастья.

Это было самое красивое и самое романтичное признание в любви, которое я когда-либо в жизни слышала…

Я развернулась и кинулась ему на шею, и уж не знаю, как мне это удалось, но прыгая в его объя-

тья, я сбила его с ног и мы оба сорвались вниз.

Мы слетели по этому чертову каменистому склону до самого низа, в самые заросли каких-то колючек, и остались более или менее живы.

Потом мы, как смогли, докарабкались до местечка поровнее и всерьез надулись друг на друга.

Ну вот, звездочка моя… Это конец… И если хочешь еще разок полюбоваться на нас вживую, ну и за всякими там бонусами — возвращайся к первому эпизоду первого сезона, потому что здесь мне уже больше нечего добавить.

* * *

Хи-хи-хи!

Мне снилось, будто Франк меня щекочет.

Хи-хи-хи! Ну… прекрати…

Открыв глаза, я поняла, что в конце концов заснула, а щекотал меня вовсе не Франк во сне, а Ослик, наяву изучавший мои карманы.

— Твой новый друг, судя по всему, желает яблоко…

По-прежнему морщась от боли в разбитой руке, я поднялась и увидела Франка: он спокойно сидел на уступе скалы и варил себе кофе.

— Завтрак подан, — сказал он мне.

— Франки? Это ты? Ты не умер?

— Нет, пока еще нет… Тебе и на этот раз не удалось…

— Ты ничего себе не сломал?

— Сломал. Лодыжку, наверно…

— Но… уф… — я с трудом складывала этот пазл, — но… а ты… не был в коме?

— Нет.

— А что же это тогда с тобой было?

— Я спал.

Ничего себе хам… И какого черта я так за него волновалась?

Ничего себе хам…

Ничего себе хам!

Мсье, видите ли, спал…

Мсье изволили отдыхать…

Мсье похрапывал под звездным небом…

Мсье преспокойнейше дремал в объятьях этой шлюшки Морфея, пока я тут упивалась своими страданиями…

Мсье был не на высоте.

Мсье меня разочаровывал.

Как я испугалась, когда он притворился, что потерял сознание… Как всю ночь надрывалась,

расписывая, какие же мы с ним хорошие… И сколько же всякого дерьма мне пришлось переворошить, чтобы мы выглядели достойно… И сколько усилий было потрачено на то, чтобы все это еще и отсортировать втихомолку, потому что мне очень хотелось, чтобы мы вызывали уважение, а не жалость.

Да уж, вся эта кропотливая игра в бирюльки с моими чудесными детскими воспоминаниями: вытянуть только нужные, не притрагиваясь к остальным, которые годны лишь на то, чтобы загнать меня еще глубже в мою кромешную тьму.

Сколько труда усердной мастерицы, делающей из говна конфетку…

Сколько мужества…

Сколько нежности…

Сколько любви…

И как же мне было холодно… И одиноко… И грустно… И как же я старалась, из кожи вон лезла, чтобы добиться расположения мертвой… и еще… ко всему прочему, это его обращение в службу скорой сексуальной помощи с творческим уклоном…

Черт, я была в ярости…

Что ж, ладно…

— А откуда здесь взялся Ослик? — спросила я.

— Понятия не имею. Он уже был здесь, когда я проснулся…

— Но как он сюда спустился?

— Вон по той узкой тропке…

— Но… уф… как он нас нашел?

— Не спрашивай меня… Еще один осел, которому хватает глупости тобою дорожить…

— …

— Ты дуешься?

— Ну да, я дуюсь, черт тебя побери! Представь себе, я страшно переволновалась! Я всю ночь не сомкнула глаз…

— Оно и видно…

Ох, ну надо же, какое поганое у меня настроение, шел бы он от меня куда подальше со своим кофе.

— Ты сердишься на меня? — спросил этот лицемер с поджатыми губками, хренов чинильщик семейных бирюлек.

— …

— Настолько сильно?

— …

— Неужели действительно настолько?

— …

— Правда-правда?

— …
— Ты правда беспокоилась за меня?
— …
— Ты правда думала, что я в коме?
— …
— Тебе было грустно?
— …
— Ужасно грустно?
— …
Да, это так. Чего уж, продолжай, придурок. Посмейся надо мной еще…

Молчание.

Хромая, он доковылял до меня, принес дымящуюся чашку с ломтем коврижки и поставил передо мной.
Я и бровью не повела.

Он, как мог, присел рядом со мной, вытянув свою негнущуюся ногу, и сказал очень ласково:
— Посмотри на меня.
Да пошел ты.
— Джинн Билли, посмотри на меня.
Ладно, фыр… фыр… я подняла голову на три миллиметра выше.
— Ты ведь знаешь, что я тебя обожаю, — прошептал он, глядя мне прямо в глаза. — Что я

люблю тебя больше всего на свете… Тебе давно это известно, ведь так?

— …

— Конечно, так. Ты все прекрасно знаешь. Ты просто не можешь этого не знать… Но здесь вот уже четыре ночи подряд ты не даешь мне спать и… ты ведь знаешь, что можешь достать любого? Ты очень-очень надоедлива… И это настолько утомительно, что порой, чтобы выдерживать тебя рядом, приходится притворяться чуточку мертвым… Можешь ты это понять или нет?

— …

— Так что давай, старушка, пей свой кофе…

Я расплакалась.

Тогда он подполз еще ближе и обнял меня, как маленькую, и расцеловал, прогоняя ночные печали.

— Йа-а д-ду-умала, что т-ты у-у-умер, — всхлипнула я.

— Но нет…

— Йа-а д-ду-умала, что т-ты у-у-умер и что мне то-о-оже при-и-идется у-у-умереть…

— Ох, Билли, ты меня достала… — вздохнул он. — Давай выпей кофе и поешь немного. Нам еще надо отсюда выбираться.

И я принялась жевать эту отвратительную

коврижку, вымокшую в моих слезах.

И зарыдала пуще прежнего, потому что йа-а-а ненави-и-ижу ко-о-оврижки…

* * *

Под ярким солнцем и на ветру[59], мы, ковыляя, как могли, отправились в дорогу.

Я соорудила Франку шину из нескольких палок и веревки, и он захромал, используя Ослика в качестве ходунков.

Теперь уже не мы направляли осла, а он — этот чудесный маленький ослик, ниспосланный нам свыше, — вел нас в свое стойло.

По крайней мере, мы на это надеялись…

В стойло или куда-нибудь еще.

Куда угодно, только не к моей последней жертве, ладно?

Эй, Ослик? Ты ведь меня не подведешь?

Ну пожалуйста…

Да, да, отвечал он, я веду вас к себе домой. Мне ваших глупостей тоже уже выше холки хватило…

Ладно.

---

[59] Примечания: 59

В оригинале — dans le soleil et dans le vent (*франц.*) — отсылка к песни Ива Монтана «Clopin-clopant» (1947 г.).

Мы ему доверяли.

Ковыляя,

под ярким солнцем

и на-а-а ветру.

(Ладно, тут уж точно, с песней куда как приятней, чем без.)

Какой же он все-таки милый, этот ослик.

Пожалуй, однажды я вернусь и просто его украду…

Я больше не разговаривала.

Совсем.

Наотрез.

Я слишком перенервничала, устала, настрадалась, да и обиделась тоже, надо сказать…

Франк пару раз пробовал было завязать разговор, но я воротила нос, как от кучи старого дерьма.

Достаточно. Я тоже не святая…

Ведь он же мог мне сказать хоть слово за целую ночь…

Мог ведь хоть что-нибудь мне сказать.

Я жутко на него разозлилась.

К тому же еще и выставила себя на посмешище перед всем этим скопищем хладных звезд, которым и дела нет до моих историй.

И ведь даже ревела и все такое.
Какая дура…

Тишина.
Глубокая тишина на солнце и пронизывающий холод.

А потом… где-то, наверное, через час… я сдалась.
Мне надоело общаться с самой собой. До смерти надоело. Я чувствовала себя в плохой компании. К тому же я соскучилась по моему другу. Да, я скучала по этому мерзавцу.
Вот и сказала просто так:
— Жарко сегодня, не правда ли?
И он мне улыбнулся.

Дальше мы поговорили о том о сем, как в старые добрые времена, и даже не заикнулись о моих вчерашних подвигах. Было и было. Проехали. Забыто… Ладно, будут и другие…
В какой-то момент он вдруг меня спросил:
— А почему ты смеялась?
— О чем ты?
— Ну я уже понял, что ты была очень-очень несчастна и крайне озабочена тем, что я впал в глубокую кому, но я слышал однажды посреди ночи, как ты рассмеялась. Прямо-таки прыснула

со смеху. Можно узнать почему? Представила, сколько всего можно будет у меня стырить на Фиделите?

— Нет, — улыбнулась я, — нет… Просто вспомнила рожи наших с тобой одноклассничков, когда мы закончили нашу сцену…

— Какую еще сцену?

— Ну ту самую… нашего Мюссе…

— Да ладно? То есть пока я в предсмертных судорогах корчился у твоих ног, ты тем временем думала о каких-то придурках из нашего класса, о том, что было тыщу лет назад?

— Ну да…

— А какая связь?

— Не знаю… Просто вдруг вспомнилось…

— Вот так вот просто?

— Ага.

— Ты все-таки немного того, ты в курсе?

— …

Молчание.

— Скажи-ка, не ту ли пьесу ты имеешь в виду, где Пердикан в конце женится на Розетте?

И понеслось. Мы снова вернулись к теме.

Все-таки это был один из самых заезженных наших приколов, ну да ладно… посмотрим, раз

уж ему так хочется, посмотрим…

— **Нет.** Он никогда бы на ней не женился.

— Да запросто.

— Нет.

— Конечно, женился бы.

— Конечно, нет. Такие парни, как он, не женятся на пастушках гусей. Знаю, тебе хотелось бы в это верить, потому что ты у нас большой романтик эпохи трубадуров, но ты абсолютно неправ. Я сама, как эта твоя Розетта, из той же касты, и уж я-то точно могу тебе сказать, что в последний момент он наверняка бы смылся… Уехал бы по делам в Париж, или что-то еще бы произошло в том же духе… К тому же его папаша никогда бы ему этого не позволил. Напоминаю, там еще на кону стояло 6000 экю…

— А я уверен.

— Чушь.

— Уверен, что он бы на ней женился.

— И почему бы он вдруг это сделал?

— Ради красивого жеста.

— Красивый жест? Да черта с два! Он бы с ней поразвлекся да бросил, а она бы осталась с его ублюдком в окружении своих индюков и кур.

— Как ты цинична…

— Да…

— Почему?

— Потому что я лучше тебя знаю жизнь…

— О нет, замолчи, пожалуйста… Только не начинай…

— Уже молчу.

Пауза.

— Билли?

— Йес.

— Ты выйдешь за меня замуж?

— Что?

Даже осел остановился.

— Ты хочешь, чтобы мы поженились?

А, нет, он просто гадил…

— Почему ты так шутишь?

— Я не шучу. Я еще никогда в жизни не был так серьезен.

— Но… э-э-э…

— Что э-э-э?

— Ну, мы с тобой как бы разных конфессий, чего уж там…

— Ты о чем сейчас говоришь?

— Сам знаешь…

— А скажи-ка, что это за девчонка однажды мне объясняла, что настоящая любовь никак не связана с анатомическими подробностями?

— Не знаю. Маленькая засранка, которой всегда хотелось, чтобы последнее слово оставалось за ней…

— Билли…

— Да?

— Давай поженимся… Сколько они еще будут нас доставать с этими своими браками для всех, манифестациями для всех, оппозицией для всех, ненавистью для всех, предрассудками для всех, добрыми чувствами для всех… Ну а в таком случае, нам-то с тобой что мешает? Почему нет?

Да он и вправду на полном серьезе, этот кретин…

— А с чего это мы будем поступать, как все?

— Потому что однажды ночью, не знаю, помнишь ли ты… это было давно… Однажды ночью, ты заставила меня пообещать тебе, что я никогда тебя не брошу, потому что без меня ты вечно делаешь одни сплошные глупости… И знаешь, я пробовал… Я действительно пробовал сдержать свое обещание… Но мне пока не всегда хватает сноровки. Стоит мне только отстать от тебя на четыре шажка, как ты опять срываешься с катушек… Так что я хочу на тебе жениться, чтобы впредь на твою голову сыпалось меньше бед… Мы никому ничего не скажем и будем жить, как

и прежде, просто мы будем это знать. Мы будем знать, что мы связаны друг с другом, и связаны навек.

Еще бы я не помнила этой ночи, шутишь…

Значит, он тоже не все время спал…

— Ты прекрасно знаешь, что глупости я буду делать всегда…

— Вовсе нет. Я имею наглость думать, что тебя это подуспокоит.

— Что именно?

— То, что у тебя наконец будет хоть маленькая, но твоя собственная семья…

Молчание.

— Билли, соглашайся… На колени перед тобою я сейчас все равно не встану — слишком больно, но представь, как будто я это сделал… Представляешь себе зрелище?.. С ослом в роли свидетеля… Вот уже десять лет, как мы с тобой гребем в одной лодке, и сегодня мне правда хочется логического завершения…

— Почему ты решил на мне жениться, почему именно на мне?

— Потому что ты самый прекрасный человек из всех, кого я когда-либо встречал или встре-

чу, и потому что мне хочется, чтоб именно тебе позвонили в первую очередь, если и со мной что-нибудь случится.

— Да ладно? Серьезно? Ну ладно, тогда, конечно… — вздохнула я. — Раз это только на случай телефонного звонка, то я согласна… Всегда готова помочь…

Знаешь, звездочка моя, твои праздники — это круто, но, эй… поосторожнее там с попперсами, детка, потому что это уже и сейчас настоящий космос…

Тишина.

Тишина в солнечном свете и небесной лазури.

— И что? И почему это наша малышка Билли так глупо лыбится, а? — бросил он мне насмешливо. — Малышка Билли думает о своей брачной ночи?

Но… р-р-ры… уф… и вовсе я не глупо лыбилась. Напротив — очень даже тонко улыбалась.

Я улыбалась, потому что я не ошиблась.

О нет…

Я вовсю ликовала, потому что снова оказалась права: хорошая история, особенно любовная, всегда заканчивается свадьбой — с песнями,

плясками, бубнами и прочими прибабахами.

О да…

Ля-ля, та-ти… та-та…

Благодарю тебя, Анри Шери дю Шазо.

Ян

Посвящается Марианне

Во-первых, яичко

На этой неделе моя очередь закрывать магазин. Я оформляю последние заказы, выключаю компьютеры и проверяю, все ли ящики и витрины заперты на ключ.

Честно говоря, именно это бесит меня больше всего — чувствую себя провинциальным торговцем дешевыми побрякушками, безропотно затаскивающим по вечерам в лавку свои штампованные браслетики и цепочки, но у Эрика, моего коллеги из пятого округа, в прошлом месяце вытащили оборудования на три тыщи, и, насколько мне известно, ему еще долго придется разбираться с этой историей.

О нет, его не обвинили в воровстве напрямую, нет, просто дали понять.

— Знаешь, порой я думаю, что это лучшее, что могло бы со мной случиться. Быть вынужденным сдать им свой бейдж и разом успокоить подружку со всеми ее мечтами о кредите. Больше не ездить на скоростном метро… Не начинать свой день

с этого унижения… Едва проснувшиеся и уже в загоне, собранные вместе, стиснутые со всех сторон… Рабочая сила пригородов, безропотное и изможденное стадо таких же, как ты, одновременно с тобой читающее ту же чушь, что и ты, в одних и тех же бесплатных газетенках… Клянусь тебе, это угнетает меня больше всего… — вздохнув, доверительно сообщил он мне, когда мы с ним встретились на однодневном тренинге по новому программному обеспечению торговых сетей, — да уж… жаль, что я все еще люблю свою девушку…

Мы обменялись улыбками, а потом новая инструкторша начала свою речь, и больше мы не трындели.

(Если мы произведем плохое впечатление на эту даму, она доложит нашему шефу и нас лишат нашей премии за прилежание *Business, Care & Involvement*[60].)

(За подхалимаж.)

Так что вот. Я тщательно проверяю замки.

Затем выключаю свет в шоу-руме, спускаюсь на грузовом лифте и преодолеваю километры коридоров в тусклом мерцании аварийных лам-

---

[60] Примечания: 60
Бизнес, Усердие и Вовлеченность (*англ.*).

почек.

Бегу вприпрыжку, чтобы успеть до включения сигнализации.

В раздевалке нахожу свой шкафчик, набираю код — еще один, наверное, уже десятый за день, — и меняю свой жилет «Ян, чем я могу вам помочь?» на свою старую замызганную куртку, которая всем своим видом говорит о том, что бедный маленький Ян уже никому и ничем помочь не может. Снова вприпрыжку — из-за следующей сигнализации — выскакиваю на улицу и оказываюсь в тупичке на задворках бульвара Осман, между двух рядов мусорных баков и охранником с собакой, который как раз заступает на дежурство.

Когда это смена толстяка с доберманом, мы с ним выкуриваем по сигаретке, болтаем о погоде, о тачках и футболе (ну, вернее, болтает он, а я только поддерживаю разговор), а когда дежурит другой, тот что с ротвейлером, я расслабляюсь, только когда выбираюсь из тупичка.

Меня пугает не его орудие труда, а его взгляд.

Всегда задаешься вопросом, *кто* же читает журнал «Детектив». Ну так вот, это, к примеру, он…

Этого парня заводят такие заголовки, как «Малышка Лили, трех лет от роду, забитая до смерти,

изнасилованная, замученная и сожженная заживо», как он сам говорит. Его это крепко заводит.

Этим вечером дежурит добряк, и я первым достаю свою пачку сигарет. Сегодня его тревожит то, что у одного из щенков его суки, не этой, а другой, которая работает только на парковке (?), никак не опускается одно яичко.

Я чуть было не ляпнул, как это круто, но, к счастью, вовремя остановился.

Все это было вовсе не смешно. Напротив, настоящая драма. Если яичко не опустится, пес не получит родословной, а без родословной он ничего не стоит.

— Может, в конце концов оно все-таки опустится?

Охранник выглядел неуверенным:

— Ну… Все может быть… Может, опустится, а может, и нет. Inch'Allah… На все воля Всевышнего…

Бедный Аллах, думаю я, удаляясь, надеюсь, у Него есть кто-нибудь в отделе прошений, кто занимается первичной сортировкой, прежде чем все это Ему отправлять…

* * *

Во-вторых, мрак

На кадуцее американской аптеки я вижу, что уже 22:10, температура воздуха −5°.

Меня никто не ждет, Мелани снова смылась на какой-то свой семинар, и уже слишком поздно чтобы пойти в кино.

Я направляюсь к ближайшей станции метро, но потом передумываю. Я не могу сейчас снова залезть в очередную коробку, я сдохну.

Я должен пройтись. Должен протопать пешком через весь Париж, похлопывая в ладоши и время от времени снимая шапку, чтобы разогнать мрак в своей голове.

Да, я должен настрадаться, промерзнуть, проголодаться и, воспользовавшись тем, что, наконец, остался один, рухнуть спать замертво.

Вот уже несколько месяцев я плохо сплю. Мне не нравится моя контора, не нравится мое расписание, не нравятся преподы, запах в раздевалке, столовка и идиоты, которые меня окружают. В свои двадцать шесть лет я все так же мучаюсь бессонницей, как и в двенадцать, вот только в двадцать шесть это в тысячу раз хуже, потому что

я сам влез во все это дерьмо. *Самостоятельно*. Я не могу винить в этом своих родителей, к тому же теперь у меня не бывает каникул…

И что я такого сделал?

А?

Что ты сделал?

Нет, правда! Что же ты опять натворил, идиот?!

Я кляну сам себя вдоль и поперек, в полный голос, потому что мой гнев, теплым дыханием вырываясь наружу, согревает мне кончик носа.

Бомжи попрятались кто куда, те из них, кто сейчас выпивает, чтобы согреться, до завтра не доживут, а Сена черна, неотроплива, коварна. Скользя между опор Нового моста, она безмолвно манит к себе. Она охотится. Подстерегает уставших, сломленных клерков, бесталанных людишек со всеми их думами и ночными вопросами. Она выявляет сомнения и скользкие парапеты. «Идите ко мне, — урчит она, — идите… Это всего лишь я… Ну давайте же… Мы ведь уже так давно знакомы…»

Я представляю себе холод ее объятий, то, как одежда сначала надувается пузырем, а потом тянет тебя ко дну, шок, рвущийся наружу крик, оцепенение… Ведь все это себе представляют,

разве нет?

Да. Конечно же, все. У всех, кто живет рядом с рекой, случаются такого рода помутнения.

Это утешает.

Отступление:

Сообщение от Мелани: «Мертвая ложусь спать погода дерьмо целую». С маленьким значком поцелуя в конце. (Такая мигающая желтая штучка с толстыми губами.) (Они называют это смайликом.)

Смайлик. Слово такое же пошлое, как и сам предмет. Ненавижу все эти приспособления для ленивых. Вместо того, чтобы выразить свое чувство, ты его отсылаешь. Нажимаешь на кнопочку — и перед тобой все эмоции мира, совершенно одинаковые. Радость, сомнение, грусть, гнев — все на одно лицо. Все многообразие порывов души оказывается сведено к пяти отвратительным кружочкам.

Черт побери, какой прогресс…

«Спокойной ночи! — пишу ей в ответ. — Я целую тебя».

Немногим лучше, да?

Да, не особо. Хотя все ж таки это поцелуй в целых три слова… К тому же, знаки препинания

— это красиво…

Не так уж много парней в наши дни утруждают себя знаками препинания в смс. Наверное, это все те же, кто воображает себя утопленниками?

Боюсь, что да.

Господи, что-то сегодня вечером я не в духе.

Прошу прощения.

В последнее время такое часто со мной бывает. Хандра, смехотворные лирические припадки, потребность нападать на окружающих, да на всех подряд, лишь бы только выплеснуть яд. Мелани утверждает, что все это из-за погоды (конец зимы, нехватка света, сезонная депрессия) и моей профессиональной деградации (о том, что было обещано, никто уже не вспоминает, отсутствие амбиций, разочарование). Ладно. Почему нет?

Ей повезло, она относится к числу людей, у которых есть объяснения и решения любой проблемы: будь то пылевые клещи, право голосования мигрантов, закрытие аптеки на улице Дагер, бородавки у ее отца или же моя меланхолия. В некотором смысле я ей даже завидую. Я бы тоже хотел быть таким.

Чтоб и в моей голове все было бы столь же просто, столь же ясно, столь же… *материально*.

Никогда не сомневаться. Всегда выявлять по-

дозреваемых, ответственных, виноватых. Идти напролом, добиваться своего, требовать, судить, рубить с плеча, приносить в жертву и свято верить, что все экзистенциальные потуги этого маменькиного сыночка сойдут на нет с началом весны и будут окончательно забыты, как только ему на двести евро повысят зарплату…

Увы, сам я ни секунды в это не верю.

В июне мне стукнет двадцать семь, и я не знаю, считаюсь ли еще молодым или уже старым. Мне не удается найти свое место в этой хронологической таблице. Все это как-то слишком расплывчато, вся эта история. Издалека меня можно принять за подростка, но вблизи я выгляжу как старый дурак. Старый дурак, прикидывающийся лицеистом: такое же фальшивое дружелюбие, такие же конверсы, джинсы, стрижка и даже романы Чака Паланика в таком же потрепанном рюкзаке.

Шизик. Маргинал. Молодой человек начала XXI века, родившийся в богатой стране, воспитанный любящими родителями, маленький мальчик, у которого было все: ласки и поцелуи, праздники в честь его дней рождения, игровая приставка с джойстиком, абонемент в медиатеке, монетки от Зубной феи, весь Гарри Поттер, карточки «По-

кемон», «Ю-ги-о», «Мэджик»[61], хомяки, новые хомяки взамен старых, безлимитные тарифы, путешествия в Англию, модные свитера и все остальное, и не только это.

Не только…

Маленький мальчик, родившийся в самом конце XX века, которому с самого детства, как только он дорос до того, чтобы выкидывать свои фантики в помойку, неустанно твердили, что природа гибнет по его вине, леса исчезают в пальмовом масле его сладких булочек с шоколадом, айсберги тают, когда его мама заводит машину, все дикие звери вымирают, и если он не закрывает кран, когда чистит зубы, значит, все это происходит отчасти из-за него.

Любознательный и послушный ученик, на уроках истории он в конце концов усвоил, что принадлежит к белой расе алчных колонизаторов, трусов, доносчиков и коллаборационистов, тогда как на уроках географии ему из года в год повторяли ужасающие цифры грядущего перенаселения планеты, индустриализации, опустынивания, нехватки кислорода, воды, ископаемых энергоносителей и земель, пригодных

---

[61] Примечания: 61
Детские коллекционные карточные игры.

для земледелия. Что уж тут говорить об уроках французского, где у вас непременно развивалось отвращение к чтению как таковому, ибо вас постоянно вынуждали все портить: *«Найдите и вычлените лексическое поле „чувственности“ из данного стихотворения Бодлера»* — оп-ля! приехали, о чувствах можно забыть; или же об уроках иностранного языка, где вам год за годом напоминали how much you were ouna mayouscoula Scheise[62]; или же, наконец, о таком предмете, как философия, который, как оказалось, представлял собою сумму всего прочего в концентрированном виде и в еще более беспощадной форме: «Эй ты, маленький белый импотент, изъясняющийся с таким акцентом, что все вокруг умирают со смеху, найди-ка и вычлени лексическое поле бардака твоей цивилизации, будь добр. У тебя четыре часа».

(Оп, оп, оп-ля-ля, черновик… в желтую помойку[63].)

А когда наконец весь этот багаж мрачноватых знаний получен, усвоен, выучен, переварен, повторен в экзаменационных работах и учтен в

---

[62] Примечания: 62
Здесь: «Какое же вы дерьмо» (*искаж. англ., исп., нем.*).

[63] Примечания: 63
Намек на раздельный сбор мусора.

статистических данных об успешном окончании школы, к нему стоит прибавить еще несколько лет учебы, чтоб не слишком быстро застрять в узком проходе к светлому будущему.

И ты, как дурак, выполняешь все, что требуется: зубрежки, экзамены, дипломы, стажировки.

Ты работаешь стажером задарма, без оплаты, без всякого финансового вознаграждения, ради репутации и славы. Ты рассылаешь свои резюме. Резюме с фотографией, на которой ты смотришься выигрышно. Резюме в бумажном виде и электронном, в дизайнерском оформлении и в видеоформате, какое пожелаете, на любой вкус, на ваше усмотрение. Мотивационные письма. Мотивационные мейлы. Мотивационные видеоролики. В общем… всю эту кучу бессмысленной болтовни, к которой тебе уже нечего добавить, потому что ты больше в это не веришь, потому что все это тебя угнетает — необходимость напряженно сражаться в столь юном возрасте за право платить, как все, свои членские взносы.

Но ты не опускаешь руки. Ты отважно продолжаешь борьбу: центры занятости, биржа труда, кадровые агентства, хедхантеры, частные объявления, заявки на вакансии, рекрутинговые платформы, коды доступа к личному кабинету

кандидата, подписка на новые предложения, тщетные надежды, собеседования с заранее известным результатом, фейсбукмейкеры, которые не поднимут твои котировки даже во сне, двоюродный брат твоего крестного, который замолвит за тебя словечко своим приятелям по Лайонс-клубу, приветы бывшим одноклассникам: знаешь, мне в общем-то по-прежнему на тебя наплевать, но, кстати, вроде бы у твоего отца был какой-то завод? Агентства по временному трудоустройству, полезные знакомые, сомнительные знакомые, гнилые знакомые, сайты объявлений — все чаще платные, помощницы директоров по персоналу — все менее любезные, любые возможности… Да, ты всегда был на высоте, ты никогда в жизни не бросил мимо урны ни одной бумажки, в поезде никогда не клал ноги на банкетку напротив, даже если было очень поздно, ты был без сил и ехал один в купе, ты защитил свой диплом без всякой посторонней помощи, вот только, уф… видишь ли, тебе не повезло. Просто нет для тебя работы, и все тут.

Вот так, нет и все. Разве тебя не предупреждали, ты уверен? Странно… Наверное, ты пропустил мимо ушей, болтая со своей соседкой слева…

Эй, парень! Проснись! На дворе кризис!

Так что уж лучше слушай новости вместо того, чтобы учиться и получать профессию, не теряй время зря!

В чем дело? Ты не понимаешь? Постой, малыш, не суетись, вкратце ситуация такова.

Ты молодой порядочный европеец?

Ну так тебе это дорого обойдется, друг мой!

По всем радиоволнам тебе твердят, что государственный долг твоей страны исчисляется какими-то миллионами миллиардов долларов, что твои деньги вот-вот обесценятся, а если ты не говоришь на китайском, то даже не стоит и соваться, что Катар скупает все на корню, что Европе конец, западному миру — капец да и всей планете трындец.

Ну вот. В общем-то все.

Panem et circenses[64]. Приехали. Докатились.

Так что поверь, малыш, остается только смотреть футбол в ожидании апокалипсиса…

Давай. Тебе же сказали, ложись спать. *Fly Emirates*[65] и помолчи.

---

[64] Примечания: 64
Хлеба и зрелищ *(лат.)*.

[65] Примечания: 65
Летай эмиратскими авиалиниями *(англ.)*.

Короче, кончай суетиться. Пожалуйста, прекрати ты кликать по ссылкам, звонить, рассылать свои резюме. Все это только вредит озоновому слою планеты.

* * *

Я уже не чувствую ног. Наверху бульвара Сен-Мишель, сразу за теплицами Люксембургского сада, полицейские выслеживают в бинокль уставших и рассеянных автомобилистов.

Когда я прохожу мимо них, опустив голову и уткнувшись носом в шарф, я слышу, как они спрашивают документы у молодой женщины в синем пуховике. Она вся сжалась, не знаю, то ли от холода, то ли опасаясь лишиться прав. Она лихорадочно ищет документы в сумке, роняет связку ключей. На заднем сиденье в детском креслице спит малыш. Вряд ли она так уж сильно превысила скорость — на своей старенькой «Мини»[66]. Старомодная модель. Та самая, которую нарисо-

[66] Примечания: 66

«Мини», появившийся в 1959 году, стал самым продаваемым автомобилем в истории Великобритании, а в 1999-м получил звание главного европейского автомобиля XX века.

вал сэр Алек Иссигонис[67]. Настоящее чудо.

До меня доносятся ее слова:

— Подождите, нет… У меня включена «печка»…

— Пожалуйста, — перебивает ее офицер, — немедленно заглушите двигатель. Это не займет у вас много времени.

Я иду дальше в окончательно расстроенных чувствах.

Что это за страна?

Что это за демократическая тюрьма, где силам правопорядка нечем больше заняться, кроме как расставлять ловушки для самых лояльных граждан? Что же это, в самом деле, такое творится?

Неужели касса и впрямь настолько пуста?

И что это за парни, которые выполняют такую работу? Которым платят за то, что они докапываются до женщины в полночь февральского вторника из-за того, что у нее треснута фара или плохо прикручен номер? А? Что это? А когда они

---

[67] Примечания: 67

Иссигонис, Алек (полное имя: *Alexander Arnold Constantine Issigonis*, 1906–1988) — английский конструктор и дизайнер автомобилей, родившийся в Турции в семье британского поданного греческого происхождения. В 1969-м за заслуги в развитии английского автомобилестроения ему был пожалован титул сэра.

заставляют ее выключать зажигание при том, что на улице −6°, а в машине дрыхнет малыш, что происходит у них в голове?

Неужели это настолько выгодно — состоять на госслужбе?

А сам-то? Сам-то ты что из себя представляешь? Мелкий обиженный засранец, который нам тут без устали проповедует высоконравственные идеалы, а сам даже хорошенькую мамочку защитить не способен. Девушку, которая ездит на «Мини-1000», между прочим. Ну так скажи-ка нам: и кто же он, этот идиот?

Или у тебя тоже одно яичко не опустилось?

Или же ты его напрочь отморозил…

Отступление:

Прежде чем нарисовать «Мини», Иссигонис уже создал «Моррис-Минор», а потом еще и «Остин-1100»[68].

Неплохо…

---

[68] Примечания: 68

«Моррис-Минор» стал первым полностью английским автомобилем, перешагнувшим миллионный рубеж продаж. Модель выпускалась с 1948 по 1971 год. «Остин-1100» (1963–1975) считался «большим братом» модели «Мини» и также входил в пятерку самых продаваемых английских автомобилей.

Когда биг босс Уильям Моррис[69] впервые увидел «Минор», он ужаснулся. «Holy God, — he said, — a poached egg»[70]. Яйцо-пашот.

«Минор» ждал большой успех.

А ведь Иссигонис думал, что ему никогда не удастся получить этот чертов диплом инженера-конструктора, ради которого он трижды будет пересдавать экзамены, всякий раз не добирая баллов из-за математики. Его спасет рисование. В рисовании ему не было равных. Правила, постулаты, физические и математические законы его утомляли, хуже того: он считал, что все это — *the enemy of every truly creative man* — главный враг по-настоящему творческого человека. Кроме того, его абсолютно не интересовали ни коммерческая политика, ни всякие там прогнозы, бизнес-планы, исследования рынка и прочие предшественники современного маркетинга. У него был тяжелый характер.

Чтобы нарисовать новый автомобиль, главным, как он утверждал, было не копировать

---

[69] Примечания: 69

Моррис, Уильям (полное имя: *William Richard Morris, 1st Viscount Nuffield*, 1877–1963) — английский автопромышленник и филантроп, основатель компании «Моррис Моторс» (1919 г.), за заслуги перед Англией пожалованный в 1929 году титулом барона Наффилда.

[70] Примечания: 70

«О боже, — сказал он, — да это же яйцо-пашот» (*англ.*).

конкурентов. Он отличался независимостью, свободой и упрямством и не особенно ценил все то, что рождалось в результате мощных мозговых атак на заседаниях исследовательских бюро. Именно ему принадлежит гениальная фраза: *«A camel is a horse designed by committee»* — «Верблюд это лошадь, дизайн которой разрабатывался комитетом».

Я все это знаю, потому что будучи студентом (о да, это высшее образование, которое так дорого моему сердцу и так недешево обошлось моим родителям) (и которое в настоящий момент не приносит мне абсолютно никакой пользы), я посещал музей дизайна в Лондоне.

Wow, such a nice sôuhveunhir [71] …

Ладно… Я почти пришел… Холод стоит такой, что лев на площади Данфер-Рошро как будто скорчился на своем постаменте. Этакий большой недовольный котик.

Я выбрал этот путь, потому что тоже хорошо рисовал и, не в обиду сэру Алеку, был силен в математике. Ну то есть… не стоит преувеличивать… все-таки не настолько, чтобы поступить в элитный вуз… К тому же я был любознатель-

---

[71] Примечания: 71
Вау, какое приятное воспоминание (*искажен. англ.*).

ным… Интересовался искусствами, историей, историей искусств, прикладными искусствами, способами производства, промышленностью, промышленным производством, эргономикой, морфологией, вещами, людьми, мебелью, модой, текстилем, печатью, графикой… в общем, на самом деле, интересовался всем. Всем, все время и во все времена. Единственное «но» заключалось в том, что я не талантлив. Нет-нет, это правда. За время учебы я и это узнал. Я не талантлив и так уж устроен, что мне не хватает ни амбициозности, ни духу, чтобы создать что-то новое. По крайней мере в этом образование мне помогло: разобраться в себе и измерить ту пропасть, что отделяет меня от какого-нибудь Джо Понти[72] или, к примеру, Джонатана Айва[73].

(Знаю, знаю… хорошо отзываться о главном дизайнере Apple уже давно немодно, но пусть меня считают отсталым, мне все равно, я смиренно и благоговейно готов признаться в глубочай-

---

[72] Примечания: 72

Понти, Джо (полное имя: *Giovanni Ponti*, 1891–1979) — итальянский архитектор, дизайнер, публицист, одна из центральных фигур в архитектурном возрождении Италии в XX веке.

[73] Примечания: 73

Айв, Джонатан (полное имя: *Jonathan Paul Ive*, Sir, 1967 г. р.) — англо-американский дизайнер, старший вице-президент отдела промышленного дизайна компании Apple.

шем уважении, которое вызывает у меня этот человек.)

Мне бы надо было получить диплом библиотекаря и устроиться на работу в библиотеку при институте Искусств и Ремесел или же при Высшей школе промышленного дизайна, жил бы себе сейчас счастливо. Мой единственный талант — оценивать по достоинству таланты других.

Кстати, на одном из бессчетных собеседований о приеме на работу мне диагностировали мою слабость:

— В общем, молодой человек, вы дилетант.

Черт побери.

Это серьезно?

«Ясное дело, тебе следовало выбрать не столь жестокую область деятельности (ибо сразу определимся: в мире дизайна ты или провидец, или же совершенно бесполезен) (в этой схватке с действительностью ты растерял бы свои иллюзии, но не идеалы), менее жестокую, — говорил я себе, — и более подходящую твоему дилетантизму», увы, самое глупое в этой истории то, что я просто испугался: последовать своим естественным наклонностям и остаться без работы.

Ха-ха! Умница Ян… И до чего ж хорошо он спро-

ектировал свою жизнь…

Издалека напоминает верблюда.

Начало улицы Булар. Чувствую, что закипаю. Тем лучше, потому что у меня из носа уже так и льет…

И на чем я остановился? Ах, ну да… Моя судьба.

В общем, короче говоря, на данный момент я дипломированный дизайнер и работаю… уф… как бы это сказать… демонстратором, да, именно так — демонстратором компактных роботов корейского производства, предназначенных для домашнего использования в игровых и хозяйственных целях игривыми и хозяйственными представителями среднего класса.

Крохотный пылесос, который, как дрессированная собачка, вылизав всю пыль, самостоятельно возвращается на свое место, колонки с подсветкой, меняющей цвет в зависимости от типа музыки, душевая лейка со встроенным цифровым межгалактическим радио и умный холодильник, распознающий твой голос и сообщающий тебе о содержимом своего нутра: о затаренности, о сроках годности, количестве калорий и сочетаемости продуктов в его распоряжении, о способах использования остатков и прочее, и прочее.

Эй, не правда ли, великолепно?

Джо Понти был бы потрясен.

Мне удалось заполучить бессрочный контракт (да, это вам не хухры-мухры, это Кольцо власти, Черный лотос, самый настоящий Грааль, Святой Грааль) (*Hananim kamsa hamnida*) («спасибо, Господи» по-корейски) в какой-то паршивой хайтечной конторе, изумляющей старушку Европу своими неправдоподобными чудесами.

Проще говоря, я являюсь коммерческим представителем Dartyyongg.

Но, предупреждаю, это все временно, понятно?

Да-да, конечно, именно так…

Давай… Иди-ка ты спать, замерзший малыш…

От мрака избавиться не удалось, напротив, похоже, я еще больше себя накрутил.

Какой идиот.

Набрав последний на сегодня код при входе в подъезд, я вставляю картонку в дверную щель, чтобы дверь не захлопнулась, со следующей дверью поступаю так же.

Если бы только, вздыхаю я, если бы только нашелся хоть один клошар в районе, еще не окончательно околевший в такое время, у которого хватило бы вкуса и деликатности прийти погреться, воспользовавшись моей уловкой,

признаюсь, это бы весьма повысило мою самооценку.

Я бегом поднимаюсь на третий этаж, чтобы не околеть на лестнице, запиваю остатками водки банан, опустошаю водогрейку и наконец падаю замертво.

* * *

В-третьих, печеньки

Сегодня я заканчиваю раньше, чем обычно, но я по-прежнему один. Мелани возвращается только в четверг.

Я только что разговаривал с ней по телефону: отель хуже, чем ожидалось, спа закрыто, компания никудышная.

Что ж…

(Она медицинский представитель, и фармацевтическая компания, на которую она работает, регулярно устраивает мотивационные семинары, чтобы помочь сотрудникам, какими бы они ни были, преодолеть травмирующую ситуацию с дженериками.)

— Ты сходишь за продуктами?

Конечно. Само собою разумеется, я схожу за продуктами… Вот уже два года, как я этим зани-

маюсь и вовсе не собираюсь резко менять уклад нашей жизни сегодня вечером…

— И не забудь дисконтную карту. В прошлый раз, я подсчитала, мы из-за тебя потеряли минимум шестьдесят баллов.

Мелани — продвинутый потребитель. Шестьдесят баллов — это серьезно.

— Нет-нет. Я не забуду. Ладно, давай, мне надо идти, пора вывести моего маленького Вуф-Хуфа…

— Что, прости?

— Я о пылесосе.

— А…

Когда она вот так вот говорит «А…», я задаюсь вопросом, что она на самом деле думает. Огорчена ли она? Говорит ли она обо мне со своими коллегами? Говорит ли она им: «А мой парень торгует Вуф-Хуфами всех цветов радуги»?

Сомневаюсь. Она-то думала, что встретила нового Старка, а оказалась вместе с кем-то навроде клика правой клавишей мышью с ubaldi.com[74] — жестко. К тому же, мне кажется, она считает, что я целыми днями только и делаю, что развлекаюсь со всякими там гаджетами. Если бы она знала… Антикоагулянты всучить куда проще,

---

[74] Примечания: 74
Сайт-дискаунтер бытовой техники и электроники.

чем какой-нибудь холодильник, который достает тебя всякий раз, как ты входишь на кухню… Ладно. Проехали. Сегодня я заканчиваю пораньше, но в супермаркет не попрусь — видел, что только сегодня в «Гранд Аксьон» в 21:00 будут давать «Бег на месте» Сидни Люмета.

Спасибо тебе, жизнь.

Я смотрел этот фильм вместе с кузеном (возможно, даже в этом же самом зале), когда мне было пятнадцать, то есть я был примерно того же возраста, что и Ривер Феникс, сыгравший Дэнни Поупа, и фильм произвел на меня настолько мощное впечатление, что выйдя из кино, я попал под автобус. Честное слово. Перелом четырех пальцев на ноге.

В общем, перспектива снова увидеть этот фильм заставляет сердце мое биться сильнее, так как ко всему прочему это мой секрет от Мелани, которая этой истории не знает — я тоже на свой лад собираю баллы.

Решаю сначала зайти домой переодеться и перекусить, а потом взять велик напрокат.

(Классно катить на велике после кино: фара, словно прожектор в ночи, и лучшие сцены из фильма освещают твой путь.)

Поднявшись к себе на третий этаж с наполо-

вину съеденным багетом в одной руке и пачкой дурацкой корреспонденции в другой, я утыкаюсь носом в шкаф. Синий пластиковый шкаф. Поскольку он стоит поперек лестничной площадки, то загораживает мне проход, но так как я не безрукий, то кладу свое барахло и берусь за шкаф, чтоб передвинуть его на метр в сторону. И в этот момент я слышу тоненький голосок:

— Мама! Мама! Там дядя застрял!

Другой высокий голос:

— Ты слышишь, Исаак? Ты слышал, что сказала твоя дочь? Да сделай же что-нибудь, господи!

И наконец, глухой рев папы-медведя:

— Эй вы там! Баловницы! Эй! Неугомонные! Вы смерти моей хотите? Ждете, что я не выдержу этого кошмара, чтобы получить наследство? Не дождетесь! Слышите меня? Никогда! Никогда вам не достанутся папашины диковины! (потом более мягким голосом в мой адрес) Извините, сосед, извините… Вы справились?

Я поднимаю голову и вижу над изгибом перил пятого этажа краснолицего бородача, а между перекладин — двух маленьких Златовласок, которые разглядывают меня с важным видом.

— Все в порядке, — отвечаю я.

Он откланивается, я прохожу к своей двери и

стараюсь как можно аккуратнее поворачивать ключ в замке, чтобы дослушать, чем у них там все закончится.

— Давайте-ка, малышки, пойдем… Не то простудитесь.

Но мама-медведица имеет на этот счет совсем другое мнение:

— Так как же Ганс?

— Ганс — кретин. Мы с ним поспорили на втором этаже, и на третьем он меня бросил. Вот, если тебе это интересно, вот! Ганс кре-тин! (по слогам проревел он с такой силой, чтобы услышал весь дом). Давайте, девчонки, немедленно домой, а не то я закрою вас в этом мастодонте, за которого ваша матушка заплатила двести евро какому-то бандиту. Винтаж, винтаж, я вам щас тут такой винтаж покажу… И поживее, болтушки! Ваш господин голоден!

— Вот тут, мой дорогой, давай-ка договоримся: пока мой чудесный изящный буфетик стоит на лестнице, никакого ужина у тебя не будет.

— Прекрасно, моя дорогая! Просто замечательно! Раз так, я съем ваших дочек!

Мсье рычит, как людоед, и по всей лестничной клетке разлетаются детские визги.

Я в восхищении оборачиваюсь, зачарованный

искорками волшебной лампы…

Их дверь захлопывается, а мне вдруг, сам не знаю почему, больше совсем не хочется заходить к себе домой.

Пойду-ка я лучше съем кебаб.

* * *

Задумчиво спускаюсь вниз.

Ее я видел раз или два, мы встречались с ней на лестнице утром, когда она вела своих девочек в школу. Вечно взъерошенная, спешащая, но всегда любезная. Мелани ворчит, потому что она как попало бросает коляску в подъезде. Коляску с кучей игрушек, ведерок, песка и крошек. Когда рядом стоят упаковки воды или молока, я поднимаю их до своего этажа и ставлю на лестницу — таким образом они преодолевают больше половины пути как бы самостоятельно.

Мелани всякий раз возводит очи горе: курьер в придачу к демонстратору — это уже чересчур.

Как-то раз эта мамочка с пятого этажа, стремительно пролетая мимо, осыпала меня самыми горячими благодарностями за мою скромную помощь, в ответ я уверил ее, что это излишне, признавшись, что в награду брал пару раз у нее печеньки из пачки, которую она оставляла в

сетке под коляской. Уже издалека я услышал ее смех, а на следующий день целая пачка печенья ждала меня на коврике перед дверью.

Я не стал говорить об этом Мелани.

Его я впервые видел лицом к лицу, но мне кажется, именно его шаги я слышу по вечерам.

Я знаю, что он подписан на «Газет Друо»[75], потому что этот журнал вечно торчит из их почтового ящика, а еще — что он ездит на «мерседесе-универсале», потому что те же журналы валяются на приборной панели.

Однажды утром я наблюдал, как он вытащил из-под «дворника» квитанцию на штраф, подобрал ею собачью какашку и выбросил все это в канаву.

Это все, что я о них знаю. Надо сказать, мы не так давно сюда переехали…

Папашины диковины… Я сладко улыбался.

Колоритная у них вышла сценка. На самом деле они ругались как актеры бульварного театра. Пожалуй, даже как опереточные персонажи. Да-да, герои оперетты. Он не кричал, он пел раскатистым басом: «Неугомонные! Винтаж!

---

[75] Примечания: 75

La Gazette Drouot — французский еженедельный журнал аукционного дома Друо, издается с 1891 года.

Винтаж! (Звучало как „ажиотаж“.) Прекрасно, моя дорогая!» — и его вокальная партия все еще резонировала у меня в ушах.

Я улыбался, держась за перила.

Улыбался, стоя в кромешной темноте, потому что дежурное освещение погасло, а я прекрасно чувствовал себя в этой темноте, все снова и снова прокручивая перед собой эту сценку — настоящий подарок свыше: немножко парижской жизни в стилистике Оффенбаха.

Не успел я и носа наружу высунуть, как сильный порыв ледяного ветра проветрил мне мозги.

Боже, как же я медленно соображаю. Я развернулся и бегом поднялся наверх.

* * *

В-четвертых, маркиза

— Он вам мешает, да?

Он больше не пел. Его широкие плечи почти целиком перегораживали дверной проем, на мсье был клетчатый жилет, полосатая рубашка и бабочка в горошек — шерсть, хлопок и шелк всех цветов радуги прекрасно дополняли друг друга. Не знаю, то ли из-за его маленького роста, то ли из-за разноцветного жилета, то ли из-за

его бороды, но он мне напомнил невероятного, колоритнейшего Гарета из фильма «Четыре свадьбы и одни похороны». Его дочки были уже тут как тут и, задрав головы, разглядывали меня, как и давеча, с самым серьезным видом. Но все это было сплошное притворство. Чувствовалось, что малышкам нравится комедиантство и их напускная важность — это часть игры: им хотелось продолжения.

— Нет-нет, что вы! Но я подумал, что мог бы вам помочь поднять его к…

Не дав мне закончить фразу, он обернулся и громогласно возопил:

— Алис! Я наконец узнал, кто ваш любовник! Но он и впрямь очаровательный юноша… Я горжусь вами, любовь моя!

— Но… позволь… которого ты имеешь в виду? — прощебетала неверная.

И тут появилась Алис.

Явление Алис.

Не знаю, какая из этих двух фраз подходит лучше, чтоб выразить то, что я испытал. Моя соседка сверху, хозяйка коляски, оставляющая после себя крошки и упаковки молока, подошла. Она узнала меня и улыбнулась. Если бы в тот момент, когда

она улыбалась мне, глядя прямо в глаза, она бы не оперлась о плечо своего мужа (она была значительно выше него), небрежно приобняв его за шею, то я бы тут же в нее влюбился. Вот прямо здесь и сейчас и на всю оставшуюся жизнь. Увы, эта маленькая деталь — ее небрежность — ставила под сомнение саму возможность нашего счастья. Именно это делало ее такой красивой и сексуальной. Ее нежность, доверие, то, как она инстинктивно прижалась к мужу прямо здесь, на пороге квартиры, пусть даже с тряпкой в руках, просто так. Чтобы узнать новости… Потому что она обожала своего комедианта-муженька (это чувствовалось), и он тоже ее обожал (это бросалось в глаза) и, очевидно, частенько занимался с ней любовью, раз она с такой чудовищной невинностью позволяла себе меня заводить.

Ох, мамочки… Было горячо.

Разумеется, тогда я был слишком взволнован, чтобы анализировать свои мысли, и ограничился тем, что заново пробормотал свое предложение помочь.

— Ой, спасибо! Это так любезно!

Она обрадовалась и тут же стала стягивать с мужа пиджак так, словно это был атласный плащ.

С соблюдением всех необходимых церемоний,

но вместе с тем все-таки легонько подталкивая мужа под зад.

Этакая Мэри Поппинс с напористостью Рокки Бальбоа.

Он чертыхнулся, снял запонки, отдал их одной из своих дочерей, другой вручил галстук-бабочку, затем закатал рукава рубашки (из такого тонкого хлопка, что его и впрямь очень хотелось погладить) и повернулся ко мне.

Совершенно круглый, как пробка, напоминавший медвежонка Мишку, он спускался по лестнице, держа по дочке в каждой руке, а я мысленно решал задачку по физике, пытаясь определить, как будет удобнее тащить шкаф: мне или ему идти впереди.

Ему.

Все оказалось не так уж и тяжело, но он, само собою, устроил целое представление, и его юные поклонницы были в полнейшем восторге.

На каждой ступеньке он выдавал сногсшибательные ругательства: «Святыми сосцами моей задницы! Ежкина участь! Тысяча миллионов фур членоцветий! Бельдюговая селедка! Ментенонский толчок! Показушное надувательство рогоносцев! Небесное дерьмище! Дьявольская тряхомундия, пластик твою за ногу!» — и так

далее, одно другого краше…

При каждом его ругательстве девочки громко одергивали его, вздымая руки:

— ПАПА!

Я замыкал процессию и упивался происходящим, даром что тащил на себе весь шкаф.

«И что их ждет после такого детства? — спрашивал я сам себя. — Унылая жизнь или умение веселиться? Печеночные колики или дьявольский задор?»

Одному богу известно, как я люблю своих родителей, людей достойных, скромных и спокойных, но как бы я был им признателен, если бы со всей их заботливостью и вниманием они бы раскрыли мне этот секрет… Что счастье, оно прямо тут, за порогом, и что не надо бояться. Не надо бояться шуметь, быть счастливым, побеспокоить соседей и выругаться от души.

Не надо бояться жизни, будущего, кризиса да и всех прочих ларчиков Пандоры made in China[76], которыми нас так усердно пугали всякие старые дураки, еще более трусливые, чем мы сами, с тем чтобы отбить у нас всяческую охоту и весь барыш оставить себе.

---

[76] Примечания: 76
Китайского производства (*англ.*).

Да, не исключено, что однажды эти девчушки разочаруются, не исключено, что на их долю выпало слишком много радостей и слишком рано, не исключено, что такой всемогущий коротышка-отец их подавляет, но между тем… между тем… какие прекрасные у них останутся воспоминания…

На лестничной площадке четвертого этажа приоткрыла дверь какая-то любопытная старушка.

— Мадам Бизо! Наконец-то! Вот наконец и мадам Бизо! — громогласно возвестил сосед. — Торговый дом Левитана имеет честь вам доставить буфет «Лазурная маркиза», который вы у нас заказали в апреле 1964 года! Смотрите, как он прекрасен… Пардон-пардон, чуть подвиньтесь, мадам Бизо, пропустите нас… Ну что? Куда вам его поставить?

Она была в ужасе. Я смеялся. Смеялся, хотя и пер на себе весь этот буфет да к тому же стукался об стены, потому что мой увалень сосед, сам того не замечая, регулярно меня придавливал. В конце концов я не выдержал:

— Так, оставьте, — велел я и взвалил шкаф себе на спину. — Я один донесу, так будет быстрее.

— Ах вы мошенник… Хотите один блистать в

глазах моей женушки? Мсье желает покорить ее прекрасное сердце? Мсье щеголь, франт и… и пижон жаждет своего часа славы, ведь так?

Он еще не закончил свою тираду, а я уже был у их дверей.

* * *

В-пятых, микроволны

Я следовал указаниям его жены, пока он приводил себя в порядок, надевая обратно все то, что давеча снял, включая галстук-бабочку.

— Вот сюда, пожалуйста… В кухню… Ставьте около окна… Какой прекрасный буфет! Как я рада! Как будто я вырезала его из книжки про Мартину[77], не правда ли? Из той, где Мартина печет блины. Не хватает только Патапуфа[78]!

Стоило мне разогнуться, а сосед уже был тут как тут — с важным видом протягивал мне свою коротенькую ручку.

---

[77] Примечания: 77

Серия иллюстрированных детских книжек про девочку Мартину (60 альбомов, выпущенных с 1954 по 2014 год бельгийским издательством Casterman) продается миллионными тиражами в тридцати с лишним странах мира (в разных странах героиню зовут по-разному). Автор текстов — Жильбер Делаэ (1923–1997), после его смерти — Жан-Луи Марлье, сын иллюстратора серии Марселя Марлье (1930–2011).

[78] Примечания: 78

Патапуф — собака Мартины.

— Исаак. Исаак Моиз… Как египетский туроператор.

Я чуть было не расхохотался, но он был абсолютно серьезен. Возможно, таким образом он отмечал начало новой эры: на смену шутовству приходит дружба.

— Ян, — отвечаю я, выдерживая его взгляд. — Ян Каркарек.

— Вы бретонец?

— Бретонец.

— Добро пожаловать в наш дом, Ян. Чем я могу вас угостить в качестве благодарности за то удовольствие, что вы доставили Алис?

— Нет-нет, спасибо. Я спешу в кино.

Он уже держал в руке штопор и прямо-таки остолбенел, услышав мой отказ. Он чуть было не подавился.

Алис добродушно улыбалась. Кто-кто, а уж она точно простит мне этот первый неловкий шаг… Девчушки же, напротив, бросали на меня ужасные взгляды загнанных оленят: ну… ну… а как же тогда последний акт?

Часы на микроволновке показывали 20:37. Если добежать до метро, то я еще успею. Да, но… Но сейчас зима… И я голоден… И устал… Да и столько всего накопилось… Но мог ли я позволить себе

испортить их компанию?

Мой бедный маленький мозг укротителя Вуф-Хуфов с задачей не справлялся: за эти десять минут я веселился больше, чем за последние десять месяцев своей жизни — и я говорю о «месяцах» только потому, что у меня все же еще осталась гордость, — и ведь все то, что так прельщало меня в этом фильме, а именно: ум, душевность, юмор — я получу, если не пойду его смотреть, в этом я был практически уверен.

Да, но фильм…

— Ян, друг мой, вам не стоит так долго думать, у вас от этого дурацкий вид.

20:38. Я улыбнулся.

Он поставил на место бутылку красного вина, которую недоверчиво разглядывал в тот момент, и мы с ним отправились в погреб.

На обратном пути я зашел к себе, чтобы сменить рубашку (Алис), оставить мой мобильный (Мелани) и захватить для малышек пару идиотских гаджетов из моих запасов. (Брелок для ключей, который, стоит его потерять, зовет тебя по имени непрерывно и с постепенно возрастающей громкостью, и если ты за это время не сходишь с ума, то в ярости бросаешь его об стену, как только

найдешь.) (Запланированное устаревание, это так называется.)

Хе-хе… Их папочка по-другому теперь запоет…

* * *

В-шестых, бардак

Можно сказать: «Это все детали». Ну да, конечно… Но знаете, вовсе не обязательно прослушать несколько курсов в школе дизайна, чтоб признавать значение деталей. Самое потрясающее никогда не бросается в глаза, его нужно отыскивать взглядом, а все остальное…

Все остальное не так интересно.

Сущий пустяк, заставивший меня принять приглашение моего соседа зайти к ним в гости сегодня вечером, заключался не в том впечатлении, что произвела на меня звучность его речей, соответствовавшая колоритности его одежд, не в контрасте между холодом улицы и теплотой его рукопожатия, и, я уверен, не в том отвращении, что вызывала у меня перспектива поужинать очередным кебабом в одиночку, стоя на улице, и даже не в той подрывной работе, что шла у меня внутри, нет, меня заставило сдаться то,

что, приглашая меня: «Чем я могу вас угостить в качестве благодарности за то удовольствие, что вы доставили Алис?», он назвал ее по имени, а не просто своей женой.

После того оглушительного скетча в старомодной брутальной и женоненавистнической манере а-ля Саша Гитри[79], что он выдал на лестнице две минуты назад, тот факт, что называть ее по имени для него естественнее, чем использовать этот… ну, в общем-то, собственнический ярлык, меня поразил.

Это мелочь, я согласен.

Однако я очень чувствителен к мелочам.

Другая деталь:

Когда я вернулся, дети сидели за столом. В кухне, где мы все собрались, царил шум и гам и полный тартарарам, и, по-моему, даже на полу валялись макаронные «ракушки».

— Идите в гостиную, вам там будет удобнее, и я к вам присоединюсь, как только они закончат, — предложила нам хозяйка дома.

— Держи-ка, — он протянул ей бокал вина, которое перед этим должным образом «проветрил»,

---

[79] Примечания: 79

Гитри, Саша (полное имя: *Alexandre Georges-Pierre Guitry*, 1885–1957) — французский писатель, драматург, актер, режиссер и продюсер.

понюхал и придирчиво распробовал, — легкий руссан[80] от Пьерро, скажешь потом, что ты о нем думаешь… Давайте, малышки, заканчивайте поскорее, потому что здесь присутствующий мсье Ян сказал мне, что у него… (делает заговорщицкое лицо, пучит глаза и интриганским шепотом выдает) есть для вас небольшой подарочек…

Когда мышки смеются между собой, должно быть, это звучит примерно так же.

Мы чокнулись над головами маленьких кумушек, которых такая новость угомонила, даже если подарочек (тяжелый вздох) судя по всему «действительно совсем небольшой», потому что «у него нет сумки». (Я впервые так близко общался с детьми и не знал, что у них настолько развита дедукция.)

Алис стояла у мойки и улыбаясь смотрела на меня, пока ее муж, сидя на табурете и прислонившись спиной к стене, чистил своим девочкам клементины и расспрашивал меня о моей жизни.

Одна половина меня с ролью справлялась («А они у вас и в горошек бывают? — веселилась она. — Вуф-Хуфы далматинцы?»), тогда как дру-

---

[80] Примечания: 80
Руссан — сорт винограда.

гая, внутренняя, обещала себе: «Я тоже… Я тоже, когда буду жить с женщиной, буду делать как он. Я не оставлю свою любимую на кухне одну с детьми. Я не буду поступать, как все прочие мужики, которых я знаю и которые уходят в гостиную наслаждаться покоем и общением между собой».

Это была другая деталь.

— О чем вы задумались, Ян? У вас такой мечтательный вид…

— Нет, нет… Ни о чем.

Я ни о чем не думал, просто вспомнил, что уже живу с женщиной.

* * *

От вина я становлюсь особенно восприимчивым и все впитываю как губка. Я ничего не ел с самого утра и чувствовал себя прекрасно. Немножко пьяным, потерявшим голову, веселым.

Я смотрел вокруг, наблюдал, задавал вопросы, учился. И здесь во мне просыпался тот самый любознательный сборщик информации, ни на что не годный дилетант.

…выцветшие золотые рыбки, увядающие ра-

нункулюсы, тонкое стекло бокала, из которого я пил вино, стулья в стиле Наполеона III, большой стол из школьной столовой английского пансиона со столешницей темного дерева, почти черной, отполированной за два века бесчисленным множеством тарелок и рук, в общем гвалте требовательно стучавших оловянными приборами, о чем свидетельствовали маленькие углубления, вереницей тянувшиеся по всему периметру; девчушки, сидевшие на стопках каталогов Artcurial[81], канделябры, в подтеках палевого воска похожие на плакучие ивы, люстра Поля Хеннингсена[82] с шикарной патиной и отломанной чешуйкой (или листом?), список предстоящих покупок, вынутые из рам картины позабытых и малоизвестных художников, никуда не годная бриошь на никуда не годной подделке под Шардена[83] и бессчетные пейзажи, брошенные, забытые, потерянные при передаче

---

[81] Примечания: 81

Artcurial Holding SA — французский аукционный дом.

[82] Примечания: 82

Хеннингсен, Поль (*Poul Henningsen*, 1894–1967) — датский писатель, архитектор, дизайнер, создатель знаменитых светильников, один из пионеров датского функционализма.

[83] Примечания: 83

Шарден, Жан-Батист (полное имя: *Jean Baptiste Simeon Chardin*, 1699–1779) — французский живописец, известный своими работами в области натюрморта и жанровой живописи.

наследства, замеченные, спасенные и извлеченные Исааком на свет божий.

Более свежие рисунки, гравюры, очень красивые пастели, а также рисунки детей, прикрепленные магнитиками к холодильнику: загорающая луна, сердечки в виде кружочков и принцессы с огромными руками.

Фотографии из фотоавтомата, не утвержденные Министерством внутренних дел. Фотки, на которых не было никого или же только, может быть, в правом нижнем углу торчал кусочек уха плюшевой игрушки… Извещения из школы, расписание занятий в бассейне, и снова на повестке дня вши. Заварочные чайники, старинные пиалушки, жестяные банки для чая. Чугунное литье, керамика, плетение, обточенное дерево. Лаковая посуда и маленькая бамбуковая сбивалка. Алисино увлечение керамикой. Раку-яки, костяной фарфор, синие и селадоновые глазури, фарфор и копченая керамика.

Она рассказывала мне о разных глазурях (такой стекловидный слой, которым покрывают изделие при запекании) (ну, в общем, что-то в этом роде) (она говорила быстро) (а я уже и сам к этому моменту «спекся»), о том, что японская керамика выглядит более кустарно, потому что всякие

отметины, свидетельствующие о превосходстве природы над творениями рук человеческих (своими неправильностями и асимметрией обязанные духам земли, ветра, солнца, воды, дерева или же огня), считаются там признаком совершенства, а китайские чашки, наоборот, славятся своей симметричностью и невероятной гладкостью.

Обжиговые печи Ру, Джунь и Лонгуань. Вот эта чашка «с тончайшей стенкой», вот «бархатистая» глазурь, а эта «гладкая, как заячья шерстка». Настоящие сокровища эпохи Сун, а главное, счастье слушать рассказы о китайской цивилизации, а не о китайском импорте.

Остановившиеся ходики, птичьи черепа, разложенные на этажерке между пачкой шоколадного печенья и банками варенья, репродукция фотографии Жака-Анри Лартига[84], на которой запечатлена эта девушка, которая сто лет тому назад падала, смеясь и демонстрируя свои нижние юбки. Анонсы выставок, приглашения на вернисажи и дружеские записки от галеристов, умелых манипуляторов. «В самом деле, все деньги, что зарабатывает Исаак на продаже своих

[84] Примечания: 84

Лартиг, Жак-Анри (*Jacques-Henri Lartigue*, 1894–1986) — французский фотограф и живописец.

древностей, я отдаю ныне живущим артистам!» Косичка розового чеснока, эспелетский перец, пузатая айва, мумифицировавшийся гранат, засахаренный имбирь в серебряной дегустационной чашке, целая коллекция перцев, перец длинный, камбоджийский красный, индонезийский белый, пучки свежей мяты, кориандра, тимьяна и деревянные ложки.

Кошачья миска с сухим кормом в виде маленьких рыбок и кошачий хвост, задевавший мои лодыжки, переполненная помойка, чистые и грязные кухонные полотенца, кулинарные книги, рецепты Оливье Роллинже[85] и Мапи де Тулуз-Лотрек[86], назначение диетолога, забытое между «Библией потрохов» и «Словарем французских сепажей», приглушенная музыка, карибское регги, корзинка миндальных орехов, которые Исаак колол и всем по очереди предлагал, свежий фруктовый вкус этого белого вина, особенно яркий после двух-трех миндалин, аромат клементинов и их потенциал: если правильно снять

[85] Примечания: 85

Роллинже, Оливье (*Olivier Roellinger*, 1955 г. р.) — знаменитый бретонский шеф-повар.

[86] Примечания: 86

Тулуз-Лотрек, Мапи де (*Mapie de Toulouse-Lautrec*, 1901–1972) — французская журналистка, автор кулинарной рубрики в журнале Elle и нескольких популярных кулинарных книг.

кожуру и налить в нее немножко оливкового масла, то получаются маленькие самодельные свечки, и остается только погасить свет, чтоб любоваться дрожанием этих светильников.

Зернистость их прозрачной оранжевой шкурки, запахи готовящейся еды, нотки кардамона, гвоздики, меда и соевого соуса, настаивающиеся на благоухании томящегося мяса, а когда наклоняешься, чтобы снова зажечь упрямую свечку, то от волос девчушек веет ромашкой…

Алебастровые серьги-капельки в ушах у Алис, крошечные старинные часики на ее руке, ее волосы, собранные на затылке в свободный шиньон, ее длинная шея. Трогательно выпирающая цепь позвонков, спускающаяся под воротник мужской рубашки с вышитой под правой грудью монограммой «И. М.», грубые джинсы, пряжка ремня (варварской, простой чеканки, в духе Торгала и Арисии[87]), ее манера держать бокал, прижимая его к губам, и улыбаться нам сквозь него, ее манера смеяться шуткам мужа и восхищение самого мужа тем, что ему по-прежнему удается смешить ее, что у него по-прежнему получается делать так, что она точно расхохочется без всякого удержу

[87] Примечания: 87

Главные герои серии фэнтезийных комиксов Thorgal, основанной на скандинавской мифологии. Серия выходит с 1977 года.

и так же глупо, как в тот первый раз, когда они познакомились — как раз об этом он мне сейчас и рассказывал — в отделе Rosy отошедшего ныне в мир иной магазина «Самаритэн», куда он пришел, сопровождая свою матушку, отчаявшуюся найти моделирующие трико своего размера, и где Алис в тот момент изучала немыслимые корсеты, рассчитывая впечатлить какого-то мужчину, но явно не его, и чтобы ее соблазнить, ему пришлось в оригинальной версии с субтитрами исполнить перед ней номер Софи Лорен из фильма «Чертовка в розовых колготах»[88], выскочив из примерочной, как черт из табакерки, в самых что ни на есть розовых колготах.

Только сейчас она ему призналась, что тогда, деликатно обождав, пока они удалятся, она снова без всякого зазрения совести принялась копаться в этом женском барахле и лишь у кассы сдулась: она уже не хотела реанимировать свои отношения с другим мужчиной, она хотела просто смеяться с этим толстеньким коротышкой в светлом льняном костюме, который на парижском идише общался со своей матушкой, а с ней

[88] Примечания: 88

В русском прокате фильм выходил под названием «Чертовка в розовом трико» (1960 г.), реж. Джордж Кьюкор.

заговорил на итальянском Альдо Маччоне[89]. Она хотела, чтобы он разыграл перед ней, как обещал, и «Босоногую крестьянку»[90] и «Куколку гангстера»[91]. Никогда в своей жизни она ничего не хотела так сильно, так отчаянно. Она всюду их искала, бежала по улице и, догнав их уже на набережной Межисри, вся красная, запыхавшаяся, задыхающаяся, прямо перед витриной какой-то галдящей птичьей лавки, с ходу пригласила его поужинать вместе вечером того же дня. «Сыночек, сыночек, — забеспокоилась пожилая дама, — мы что-то забыли оплатить?» — «Нет, мама, нет. Не волнуйся. Просто эта девушка только что попросила у тебя моей руки» — «Ох! Ты меня напугал!» А она с сердцем, выскакивавшим из груди, смотрела им вслед, как они удалялись, идя под ручку, под насмешливый щебет десятков птиц.

Я воспрял, наслаждался и ликовал всеми фиб-

---

[89] Примечания: 89

Маччоне, Альдо (*Aldo Maccione*, 1935 г. р.) — итальянский актер.

[90] Примечания: 90

«Босоногая крестьянка» — французское название фильма «Чочара» (1960 г.), реж. Витторио де Сика.

[91] Примечания: 91

«Куколка гангстера» (1975 г.) — комедия реж. Джоржо Капитани с Софи Лорен и Марчелло Мастроянни в гл. ролях.

рами своей души. И это не вино пьянило меня, а они. Эти двое. Вся эта взвинченность, эта игра между ними, то, как они все время перебивали друг друга, протягивали мне руки, словно стараясь втащить меня на борт, на борт своего корабля, чтобы смешить снова и снова. Мне очень все это нравилось. Я чувствовал себя куском мяса, вытащенным из морозилки на солнышко.

Я уж и забыл давно, что сам такой остроумный, восприимчивый, душевный и настолько достойный внимания. Да, я уже давно все это забыл. Или, быть может, никогда об этом не знал…

Я взрослел, молодел, таял от удовольствия.

Конечно, в какой-то момент я задумался о естественности происходящего. В моей голове возник вопрос о том, мое ли присутствие так их заводит и вдохновляет, или же они всегда такие, но ответ был понятен: ни я, ни алкоголь, какими бы возбудительными свойствами мы ни обладали, все же не имели особого значения, и то, что я там наблюдал, было обычной жизнью этих людей, их повседневностью, рутиной. Меня принимали радушно, но я был всего лишь желанным гостем, случайным зрителем, а завтра на этой кухне будут развлекаться ничуть не меньше.

Я только диву давался.

Я не знал, что можно так жить. Просто не знал. Я чувствовал себя бедняком, попавшим в гости к очень богатым людям, и, признаюсь, не только восторгался ими, но и ощущал некоторую грусть и зависть, поднимающиеся откуда-то из глубины души. Самую малость… Нечто, причиняющее боль… Я никогда бы не смог, вернее мне никогда бы не удалось все это выразить. Никогда. Все это было слишком неуловимо.

Слушая их и охотно поддерживая разговор, я восхищался и тем, как ловко их девчушки приноровились не высовываться, словно прячась за своеобразным зонтиком. Они уже давно просекли, что взрослые не столько интересуются ими, сколько заняты самими собой, и отгородились от них, чтобы не расстраиваться.

Они болтали между собой, хихикали, занимались друг дружкой, жили своей собственной жизнью и уже давно ушли из-за стола, когда Исаак — (бульк) «Быть тебе женатым в этом году!»[92] — вылил в мой бокал остатки вина из первой бутылки (он выбрал три разные, две из них красного вина, которые он откупорил и снова заткнул пробками сразу, как только мы

---

[92] Примечания: 92
Французская народная примета.

поднялись из погреба…), посмеиваясь в бороду и слушая наверное уже в тысячный раз окончание истории их знакомства.

Он принял тогда ее приглашение и не только развлекал ее весь вечер, но и смог взволновать и заинтриговать, позволил проводить себя до дома (идти до ее дома деликатность не позволяла, там за дверью прятался кандидат в рогоносцы) и неожиданно попрощался, встав на цыпочки, чтобы ее поцеловать.

«Алис, моя маленькая Алис… — заявил он ей, крепко сжимая ее длинные руки в своих коротеньких, — предпочитаю сразу вас предупредить: нам будет непросто… Мне сорок пять лет, я никогда не был женат и до сих пор живу с мамой… Но доверьтесь мне, в тот день, когда я вас ей представлю, у нас уже будет малыш, так что она будет слишком занята, выискивая у него мои черты, и не станет вас упрекать за то, что вы не еврейка». Она согнула колени, чтоб подставить ему вторую щеку, и все произошло именно так, как и предполагалось, вот только она даже много лет спустя, а именно сегодня вечером, так до сих пор и не пришла в себя! С насмешливым видом, сложив руки в замок, она разыгрывала передо мной эту безумную сцену, имитируя внезапную

серьезность его голоса: «Алис… моя маленькая Алис… Нам будет непросто…» — и смеялась. До сих пор смеялась, вспоминая и чокаясь с нами в память об этом прекрасном безумстве.

Мадлен и Мизия — их имена я узнал, знакомясь с инструкцией (?) к моему подарку — кое-как меня оседлали и безмолвно принялись слушать.

— Значит так, нажимаете на эту кнопку… Вот на этот маленький ротик… И когда загорается зеленый огонек, говорите свое имя. Или все, что хотите, кстати… Придумывайте, что ваш брелок скажет вам, если вы его позовете. Например: «Мизия! Найди меня!» или «Мадлен! Я здесь!», а потом снова нажимаете на ту же самую кнопку, и если вы теряете брелок, то вам достаточно просто хлопнуть в ладоши, и он станет повторять вам то, что вы записали. Удобно, правда?

— И что дальше?

— Дальше… уф… дальше, я не знаю… Дальше вам остается только попробовать самостоятельно! Пусть каждая из вас запишет на брелок, что хочет, вы поменяетесь брелоками и спрячете их как можно лучше, и выиграет та, которая первой найдет свой!

(Эй, а я отлично умею обращаться с детьми, ага? Черт, даже не ожидал от себя такого.)

— Выиграет что?

— Ремня, — прорычал их отец, — ремня получит, два здоровенных шлепка по заднице.

Мышата запищали и бросились спасаться.

Уже не помню как, переходя от одного к другому, мы дошли в разговоре до обсуждения бразильской мебели 50-х и 60-х годов, до Кальдаша, Тенрейро, Сержиу Родригеша[93] и прочих, тем временем Исаак (все обо всех знавший, со всеми знакомый, никогда не говоривший банальностей, а главное, и это особенно вдохновляло, никогда не говоривший о деньгах, спекуляциях, рекордных продажах, не рассказывавший всех этих хвастливых историй, которые вечно портят любой разговор об искусстве в целом и дизайне в частности) передавал мне стаканы и тарелки, а я неловко складывал их в посудомоечную машину, как вдруг из глубины коридора до нас залпами донеслось «Пукалка-писилка» и «Пукалка-какалка», гнусавый металлический голос становился все громче, громче, громче И ЕЩЕ ГРОМЧЕ, пока не заполонил всю квартиру.

---

[93] Примечания: 93

Кальдаш, Жозе Занин (*Jose Zanine Caldas*, 1919–2001); Тенрейро, Жоаким (*Joachim Tenreiro*, 1906–1992); Родригеш, Сержиу (*Sergio Rodrigues*, 1927 г. р.) — известнейшие бразильские дизайнеры XX века.

Scato, allegro, crescendo, vivacissimo[94]!

Брелоки, по всей видимости, были запрятаны на совесть, а маленькие бестии слишком развеселились, чтобы утруждать себя поисками.

Они хлопали в ладоши, дожидались ответа и покатывались со смеху, аплодируя снова и снова завидному упорству своих азиатских попугайчиков, которые тут же им отвечали, с каждым разом все громче и громче.

Алис хохотала, потому что ее дочки оказались такими же глупыми, как она сама, Исаак безутешно качал головой, потому что он был безутешен, он, единственный сын, принесенный в жертву, удерживаемый в этом девчачьем мире, а я не верил своим ушам: откуда в столь невинных созданиях, таких крохотных, с такими хрустальными голосочками, берется столько смеха, причем такого оглушительного?

* * *

Вопрос, останусь ли я с ними ужинать, даже

---

[94] Примечания: 94

Игра слов: в ряду музыкальных терминов, обозначающих характер и темп звучания музыки — аллегро, крещендо, вивачиссимо (живо, постепенно усиливая, очень быстро), — появляется созвучное staccato (коротко, отрывисто) scato — приставка, обозначающая каловые массы.

не стоял. Точнее, мне его не задавали. Расстилая белую скатерть, Алис наклонилась в мою сторону (о-о-ох… звук прикосновения ее рук к льняной материи… вырез ее рубашки… и шелковистый покров ее лифчика… и… уф… ох, сердце мое… как же оно забилось…), и вот на эту самую скатерть Исаак поставил три тарелки с приборами, рассказывая мне о той Бразилии Оскара Нимейера[95], которую впервые увидел в 1976 году.

Он вспоминал собор, его размеры, акустику и явственное отсутствие там Бога, чересчур смущенного и затерянного в этом пространстве, искал хлеб, резал его, описывал Верховный суд и министров, спрашивал, ставить ли тарелки для супа, расстраивался, что я никогда не бывал на площади полковника Фабьена, предлагал меня туда сводить и доставал для меня чистую салфетку.

Я мог бы быть его сыном, раз уж все равно не был любовником его жены…

— Да вы устали, — неожиданно спохватился он. — А я вас тут достаю своими историями, да?

---

[95] Примечания: 95

Нимейер, Оскар (полное имя: *Oscar Ribeiro de Almeida de Niemeyer Soares Filho*; 1907–2012) — виднейший латиноамериканский архитектор XX века, один из основателей современной школы бразильской архитектуры.

— Вовсе нет! Абсолютно не так! Совсем наоборот!

Я и правда тер глаза, но вовсе не потому, что хотел спать, а потому что хотел незаметно их утереть.

Не удалось.

К тому же, чем больше я их тер, тем сильнее у меня текли слезы.

Идиот.

Я шутил. Говорил, что это все от вина. Что у меня «морская» реакция на вино — соленая. Все дело в том, и это доказано, что пары гранита гложут душу, все дело в придорожных распятиях, в приношениях по обету, в сизигийных приливах… Знаменитая хандра Арморского побережья…

Конечно, никого я не обманывал. Просто я на тот момент окончательно разморозился и, заново обретя чувствительность, выдал излишки влаги, вот и все.

Ладно, ладно… Проехали. Поддался душевному порыву, с кем не бывает? Ох уж эта душа, этакий крохотный комочек где-то вот здесь… паразитка, которая вдруг всколыхнется, чтобы напомнить тебе, как мелко и мелочно ты живешь и как давно потерял себя в своих абсурдных и слишком больших для тебя мечтах. А те, с кем этого не

бывает, просто смирились. Или даже лучше, куда лучше и удобнее: они никогда не чувствовали потребности оценить себя с точки зрения… ну, не знаю… просто оценить себя, посмотреть на себя со стороны. Как же я им завидовал, черт подери. И чем старше я становился, тем сильней мне казалось, что люди, они практически все такие, а вот со мной явно не все в порядке. Что это я занимаюсь беспочвенным самокопанием.

Хотя мне это совсем не свойственно, я уверен. Я не люблю жаловаться. Я не был таким в детстве. Суть в том, что я не знаю, что происходит в моей жизни… И я говорю не о жизни вообще, а именно о своей собственной. Мой возраст, моя никому не нужная молодость, мой никого не впечатляющий диплом, моя идиотская работа, шестьдесят баллов Мелани, фальшь ее губ, чмокающих пустоту, мои родители… Родители, которым я уже не осмеливаюсь звонить, родители, больше не осмеливающиеся звонить мне, родители, которые раньше всегда были рядом, а теперь все, чем они могут меня одарить, это их ненавязчивость.

Это ужасно.

Отступление:

Однажды, когда я сопровождал свою бабушку Сен-Ке на могилу ее сына (старшего брата моей

мамы, последнего в семье рыбака, промышлявшего в море), она сказала мне, что счастье узнают по звуку, с которым оно уходит. Мне было тогда лет десять-одиннадцать, и у меня только что стащили мой нож и такелажный ключ, так что ее слова попали прямо в точку.

Так вот, с любовью все наоборот. Любовь распознается по тому бардаку, с которым связано ее появление. Взять, к примеру, меня: стоило только какому-то милому, веселому и образованному человеку, соседу по подъезду, которого я едва знаю, поставить передо мной стакан, тарелку, вилку и нож, и вот я уже разваливаюсь на части.

Словно этот тип отыскал тайную брешь в моей броне, вбил в нее клинышек, а теперь с кувалдой в руке преспокойно прогуливается вокруг.

Любовь.

Неожиданно я понял Алис. Понял, почему она запаниковала тогда, в тот первый день в «Самаритэн», когда, подняв голову, она подумала, что потеряла его навсегда. Я понял, почему она бросилась бежать, как сумасшедшая, и пристала к нему прямо на улице.

Она с такой силой схватила его за руку не потому, что хотела заставить его обернуться, а потому, что хотела за него уцепиться. И именно от этого

ее жеста мне захотелось взвыть: держась за него, она чувствовала себя твердо стоящей на земле.

— Алис, малышка… Этот парень умирает с голоду…

— Девочкам завтра в школу, хорошо бы сначала их уложить спать, — закапризничала она.

В глубине квартиры мгновения тишины (когда происходила запись) сменялись чистым безумием («кто не спрятался, тот черт знает что такое» и прочие дебильные слоганы, эхом разносившиеся по саванне).

— *Надо было* в школу, — исправилась она, — ну да ладно, тогда за стол. Тыквенно-каштановый отведает супчик, позабудет о хандре бретонский наш голубчик, это лечит от тоски.

— На соске волоски.

Тихий ангел пролетел в сильном удручении.

— Ох, прошу вас, да не смотрите же вы так на меня. Я тоже имею право впадать в детство, разве нет?

Исаак подсказал, как пройти в ванную, и я отправился мыть руки.

За исключением детской спальни в конце коридора — оживленной комнаты в розовых тонах, в остальной части квартиры, во всяком случае, в

той, которую я мог увидеть, совсем ничего не было. Ни ковров, ни мебели, ни ламп, ни занавесок, голые стены и абсолютная пустота.

Странное впечатление. Как будто вся жизнь на этой планете сосредоточилась на кухне.

— Вы собираетесь переезжать? — спросил я, разворачивая свою салфетку.

Нет, нет, это просто чтобы глаз отдыхал. У них был на юге большой деревенский дом — бывшая овчарня, они уезжали туда при малейшей возможности, и там все было забито всякими сентиментальными безделушками, но здесь, за порогом кухни, Исааку ничто не должно было напоминать о его работе.

— Спальня для девочек, кухня для всей семьи, диван, чтобы слушать музыку и кровать, чтоб заниматься любовью! — похвалился он.

Алис подтвердила, что ее это устраивает, она понимает, ей нравится. И что у нее зато потрясающая кровать. Огромная. Трансатлантическая.

(Трансатлантическая кровать…) (Эта женщина обладала удивительной способностью без всякой задней мысли эротизировать все подряд.) (Психологически это утомляло.) (В этимологическом смысле слова.) (Вызывало томление в чреслах.)

* * *

Мерцание свечей, бархатистость крем-супа, хлебный мякиш, тонкое мясное филе, дикий рис, чатни домашнего приготовления и это вино, вино, что согревает вас понемножку, наполняя жизнью и освобождая от вас самих, вино, которое… *сцинтиграфирует* вашу душу; все реже и тише раздаются голоса девчушек (по мнению их матери, этого следовало ожидать) (они старались не напоминать о себе, как раз считая, что о них все забыли) (думаете, такое возможно?) (чтобы такие маленькие девочки были уже настолько хитрыми?) (нет…) (да бросьте…) (еще немного иллюзий, мсье палач…), течение нашего разговора, наш смех, провокации, споры, разногласия и совпадения мнений, и я уже тогда понимал, что поутру ничего не вспомню (потому что мне будет, да нет, уже было слишком весело), но и не забуду ничего. Что этот вечер станет для меня вехой, своего рода Рождеством Христовым. Что отныне моя жизнь будет делиться на до и после, а Алис и Исаак — все это осознавалось мною еще довольно смутно, но я уже точно это знал, и это единственное, в чем я тогда под благодатным воздействием алкоголя был абсолютно уверен — отныне стали

для меня примером для подражания.

И мне было страшно.

Я уже чувствовал, что похмелье окажется невыносимым.

Перескакивая с одного на другое, с пятого на десятое, мы добрались до десерта, обсудили профессию Алис (учительница танцев) (ах, вот оно что…) (какое красивое у нее должно быть тело…), Майкла Джексона, Каролин Карлсон[96], Пину Бауш[97], Доминика Мерси[98], театры дю Шатле[99], Бродвейский, Жан-Вилара[100] в Сюрене и Стэнли Донена[101] (я просил ее передать мне воду, соль, масло и черт знает что еще исключительно ради удовольствия видеть, как тянется ко мне ее рука), поговорили о ее маме, которая работала пианисткой в балетной школе и большую часть

---

[96] Примечания: 96

Карлсон, Каролин (*Carolyn Carlson*, 1943 г. р.) — американская танцовщица и хореограф финского происхождения, работающая преимущественно во Франции, основатель Международного фестиваля современного танца в рамках Венецианского биеннале современного искусства.

[97] Примечания: 97

Бауш, Пина (полное имя: *Philippine Bausch*, 1940–2009) — немецкая танцовщица, один из самых знаменитых и провокационных европейских хореографов, коренным образом реформировавшая представления о современном балете.

[98] Примечания: 98

Мерси, Доминик (*Dominique Mercy*, 1950 г. р.) — французский тан-

цовщик, хореограф, педагог, с 1974 года член труппы Пины Бауш, возглавивший труппу после смерти Пины.

[99] Примечания: 99

Театр дю Шатле — один из старейших музыкальных театров Парижа, основанный в 1862 году.

[100] Примечания: 100

Вилар, Жан (*Jean Vilar*, 1912–1971) — французский актер театра и кино, режиссер, постановщик, директор театра, создатель Авиньонского театрального фестиваля. Имя Вилара носят несколько французских театров.

[101] Примечания: 101

Донен, Стэнли (*Stanley Donen*, 1924 г. р.) — американский кинорежиссер, продюсер и хореограф, получивший на родине титул «короля голливудских мюзиклов».

жизни смотрела, как «крысята»[102] учатся летать, а в прошлом году умерла, сокрушаясь, что так «неловко» сыграла свою «последнюю фугу», об онкологии, о болезни в целом и об институте Гюстава Русси[103], о всех этих бесценных врачах и медсестрах, о которых никогда не говорят, о том, сколько единиц жизни разом забирает у вас горе, о безоблачном счастье детских лет, которое никогда не было таким уж безоблачным, просто о счастье, о Боге, Его таинствах и противоречиях, о фильме, который я собирался посмотреть в тот вечер и той незабываемой сцене, когда родители решаются потерять из виду собственного сына, чтоб его не тяготили его сыновьи чувства, о моих родителях, о старинном автомобиле, который мой отец с любовью реставрировал вот уже более сорока лет, пообещав закончить ремонт к свадьбе моей сестры, о моей сестре, которая с тех пор уже развелась, и о ее дочери, моей племяннице, на чьи хрупкие плечики, покрытые татуировками,

---

[102] Примечания: 102

«Оперные крысята» («Petits rats de l'Opera») — шутливое прозвище, которым издавна называли учеников балетной школы при «Опера Гарнье».

[103] Примечания: 103

Институт Гюстава Русси — научно-исследовательский институт и медицинский онкологический центр, основанный в 1921 году как первый в Европе центр борьбы с раком, на сегодняшний день считается одним из лучших в мире.

отныне возлагались самые большие надежды деда с его «Фиатом-Балиллой»[104], украшенным белыми лентами, о нашем районе, о местных коммерсантах, о булочнице, которая плохо к нам относилась, а когда отворачивалась, на ее толстых булках частенько виднелись следы испачканных мукою рук, о школе, о музыке, с которой никогда не знакомят детей в том возрасте, когда она им так нужна и когда они могли бы учиться играючи, обо всем этом злополучии, о революциях, для которых нужна смелость (Алис рассказала, что они вместе с ее другом перкуссионистом раз в неделю ходят в детские сады и показывают малышам разные музыкальные инструменты: треугольники, маленькие гуиро[105], маракасы[106]… и добавила, что в мире нет ничего более вдохновляющего, чем глаза малыша, неподвижно слушающего «шум дождя»); о теории Исаака, согласно которой вся жизнь, об этом сто-

[104] Примечания: 104

«Фиат-Балилла», или «Фиат-508», автомобиль, выпускавшийся компанией «Фиат» с 1932 по 1937 год.

[105] Примечания: 105

Гуиро — латиноамериканский музыкальный инструмент, первоначально изготовлявшийся из плодов горлянки.

[106] Примечания: 106

Маракас — древнейший ударно-шумовой инструмент коренных жителей Антильских островов, разновидность погремушки.

ило помнить, может зависеть от одной мушиной какашки — он понял это очень рано, когда ему было лет семь и его спрашивали, как правильно пишется его фамилия, по тому, как менялось все вокруг в зависимости от его ответа — с одной или с двумя точками над «i»[107], о цинизме, об отстраненности и, наконец, о силе, которую дало ему это открытие, от точки… одна или две… для ребенка, это было головокружительно; о русских балетах, о Стравинском, о Дягилеве, о кошке, доставшейся им от их соседей с Юга, которая — мяуинг — даже мяукала с южным акцентом, о том, как печенье Chamonix нашего детства отличается от сегодняшнего — также, как печенье Figolu, и что? — то ли мы сами так изменились, то ли рецептура? — о Мансаре[108], о принце де Лине[109], о краснодеревщиках и художественной

---

[107] Примечания: 107

Моиз — *франц.* Moïse: фамилия героя при написании с двумя точками над «i» омонимична во французском языке имени еврейского пророка Моисея, основоположника иудаизма. Написание одной точки над «i» полностью меняет произношение.

[108] Примечания: 108

Мансар, Франсуа (*François Mansart*, 1598–1666) — архитектор, один из родоначальников французского классицизма.

[109] Примечания: 109

Линь, Шарль-Жозеф де (полное имя: *Charles-Joseph Lamoral, 7 e prince de Ligne*, 1735–1814) — принц, фельдмаршал, дипломат, писатель.

ковке, о книгах издательства Vial[110], о Баухаузе[111], о миниатюрном цирке Колдера[112] и системе указателей в Берлинском метро.

Среди всего прочего.

Остальное расплывчато.

В какой-то момент Алис ушла укладывать девочек спать, а я не сдержался и спросил у хозяина, правда ли это. Правда ли та история, что они мне рассказали. О том, как они познакомились и все такое.

— Что, простите?

— Нет, ну… — забормотал я, — вы что… вы действительно заговорили с ней в тот вечер о ребенке? Прямо у дверей собственного дома? Будучи с ней едва знакомы?

Какой прекрасной улыбкой ответил он на мои

---

[110] Примечания: 110

Основанное в 1910 году Издательство Vial специализируется на прикладной литературе по художественным ремеслам.

[111] Примечания: 111

Баухауз (Bauhaus Hochschule für Bau und Gestaltung — Высшая школа строительства и художественного конструирования) — учебное заведение, существовавшее в Германии с 1919 по 1933 год, а также художественное объединение, возникшее в рамках этого заведения, и соответствующее направление в архитектуре.

[112] Примечания: 112

Колдер, Александр (*Alexander Calder*, 1898–1976) — американский скульптор, прославившийся своими кинетическими скульптурами — так называемыми мобилями.

слова. Он аж зажмурился, и каждый волосок в его бороде так и завился от удовольствия. Он пригладил бороду, наклонился вперед и по секрету тихонечко мне сказал:

— Но Ян… Мой юный друг… Конечно, я ее знал. Ведь с любимыми не знакомятся, их узнают. Разве вы этого не знали?

— Э-э-э… нет.

— Ну что ж, так знайте.

Он нахмурился и добавил, глядя на остатки вина в бокале:

— Понимаете… когда я встретил Алис, я… я был… совершенно больным человеком. Мне действительно было сорок пять лет, я на самом деле был холост и жил с родителями. Ну то есть… с мамой… Как вам объяснить? Вы случайно не игрок?

— Что, простите?

— Я говорю не о «желтом карлике» или «русском банке»[113], я о страдании, о зависимости. Об Игре на деньги и с большой буквы: о казино, о покере, о скачках…

— Нет.

— Тогда я сомневаюсь, что вы сможете меня

---

[113] Примечания: 113
Карточные игры.

понять…

Он поставил бокал на стол и продолжил, больше не глядя мне в глаза:

— Я был… охотником… Скорее, собакой… Да, именно так, собакой… Охотничьим псом… Вечно озабоченный, все время на стреме, томящийся, скребущийся, роющий землю… Одержимый стремлением найти, выследить, принести… Вы даже не представляете, кем я был, Ян, вернее сказать, чем я был… Нет, вам этого не понять… Я мог преодолевать тысячи километров одним махом, без сна, мог обходиться без еды и не писать целыми днями… Мог пересечь всю Европу просто по наитию, в поисках какого-нибудь клейма, подписи, в смутной надежде обнаружить, быть может, этакий изгиб или в какой-то особой манере нарисованные облака… Убежденность в том, что где-то там, будь то в Польше, в Антверпене или Вьерзоне, да где угодно, можно откопать некую ценную лакированную вещицу, стоит только вскрыть подвесной потолок или приподнять матрас. Проделать не одну тысячу километров и с первого взгляда осознать, что промахнулся и что нужно скорее! ехать дальше! — потому что и так уже потратил слишком много времени и рискую теперь упустить другую возможность, так что

медлить нельзя ни минуты!

Молчание.

— Я от этого терял и покой, и сон, и человеческий облик, и сознание… Говорят, у охотников привкус крови во рту, я же, когда сжимал зубы, чувствовал, что пережевываю пыль аукционных залов, пахнущую воском, лаком, коврами, старой волосяной набивкой. Пахнущую потом, страхами, тихим бздением перед сильным поносом, зловонным дыханием всех этих чокнутых стариков, которые из-за пятнышка ржавчины готовы стать на дыбы, тогда как до собственных гниющих зубов им нет никакого дела… да, меня постоянно преследовала вонь дизельных выхлопов грузовиков, запахи быстро пересчитываемых и быстро зарабатываемых купюр, домов в трауре, воюющих наследников, хосписов у черта на куличках и полуразрушенных замков… тоскливых развалин, растаскиваемых на куски… запах смерти, витавший вокруг некоторых особняков, некоторых знакомых мне любителей и некоторых коллекционеров, которые, как мне было известно, знали меня. Возгласы аукциониста, приглушенный стук молотка, продажи с торгов, объявления о смерти, записанные в ежедневник, тайны, которые порой открывают, стряхивая

пепел с сигар, курьерская комната дома Друо, часы жизни, проведенные в конторах старых провинциальных нотариусов, чтение «Газет» прямо за рулем, чтобы сэкономить время, постоянная борьба с перевозчиками, экспертная мафия, самолеты, ярмарки, биеннале… Не знаю, Ян, читали ли вы в детстве книжки про трапперов, браконьеров и индейских охотников. Все эти фантастические рассказы про охоту, преследования, сафари… Ахав с его кашалотом[114], Хьюстон с его слонами[115], Эйхман[116] с его евреями… Вы это читали?

— Нет.

— Все они… Все они были совершенно больные люди… Совсем как я.

Он улыбнулся и снова поднял на меня глаза.

Долив нам еще немного вина, которое мы уже не столько пили, сколько потягивали, он продолжил:

---

[114] Примечания: 114

Имеется в виду роман «Моби Дик, или Белый кит» (1851 г.) американского писателя и моряка Германа Мелвилла (1819–1891).

[115] Примечания: 115

Отсылка к фильму режиссера Джона Хьюстона «Корни неба» (1958 г.) по одноименному роману Ромена Гари.

[116] Примечания: 116

Эйхман, Адольф (полное имя: *Otto Adolf Eichmann*, 1906–1962) — немецкий офицер, один из главных ответственных за массовое уничтожение евреев.

— Мой прадед занимался торговлей, мой дед занимался торговлей, так же, как и мой дядя, и мой отец, и его отпрыск вслед за ним. Моисеевы ищейки, гончие псы! (Смеется.) Знаете, почему мой дядя вернулся из лагерей? Потому что хотел привезти своей невесте пепельницу из богемского хрусталя. Он с трудом мог ее поднять и вскоре умер, но вернулся с ней! Так вот, когда я встретил Алис, я тоже был таким. Похожим на привидение, бесплотным духом с мертвым, неподвижным взглядом, который несмотря ни на что приносил, черт побери, неплохой товар! И никогда не возвращался с пустыми руками!

Он замолчал. Надолго.

— И что потом? — рискнул я в надежде на продолжение.

— Потом? Да ничего… Потом я встретил Алис.

Насмешливая улыбка.

— Да ладно, сосед, чего уж там… Не делайте такое невинное лицо. Я же вам сказал, у меня глаз наметанный. Я вижу насквозь. И я видел, как вы смотрели на нее давеча на лестничной площадке, когда она стояла у меня за спиной, я видел ваш взгляд! Честное слово, ну что я могу вам о ней рассказать такого, что бы вам в ней уже не нравилось?

Он задал мне этот вопрос таким спокойным, ласковым голосом, а я кусал губы, чтобы снова не зареветь.

Из-за пергатских менгиров, сильных приливов, моего ножа «Опинель» и всего прочего.

Удручающе.

К счастью, возможно, из деликатности он снова взялся паясничать:

— Знаете, это была непростая задача — подобрать панталоны, которые пришлись бы по вкусу моей матушке! Утягивающее трико — ее навязчивая идея, помню, как сейчас. Так что у меня было достаточно времени, чтобы тайком понаблюдать за этой девушкой — танцовщицей, как я догадался, — которая изучала все более и более соблазнительные комплекты белья, сравнивая их и хмуря брови так, словно выбирала боеприпасы. Меня заинтриговала ее серьезность, да и потом ее шея меня… мне… ее шея, ее осанка, ее походка… Конечно, в конце концов она почувствовала мой взгляд. Она подняла голову, посмотрела на меня, на мою маму, снова на меня, ласково нам улыбнулась и спешно положила назад свои кружевные штучки, чтобы нас не шокировать. И вот тут, Ян, вот тут, в это мгновенье я умер и заново родился. Как будто простое выражение, ведь так? Словно

я приукрашиваю, но я вам говорю, так как вы в состоянии меня понять и я уже к вам привязался, что это чистая правда. Выкл./Вкл. За долю секунды я успел полностью отключиться/включиться.

Покончив с миндалем, он чистил теперь клементины и для меня тоже. Он осматривал каждую дольку, аккуратно удаляя все белые прожилки, и ставил их друг за дружкой вокруг моей тарелки.

— Тогда… — вздохнул он, — я сказал себе: слушай, старик, такой прекрасный лот дважды не встречается… и мое сердце, сердце старого еврея, дельца в четвертом поколении, дрогнуло. Если это сокровище уйдет у нас из-под носа, если кто-либо меня опередит, мне останется только откланяться и убираться ко всем чертям. Да, но что я мог сделать, а? Как быть? Вот она уже отвернулась, а моя матушка — ой-ой-ой — затянула свой излюбленный кадиш незадавшегося дня, проклиная своего сына, свою задницу и Всевышнего. Ох, как же мне было плохо! Вот чем объясняются розовые колготы… Этому меня научила моя профессия, и я думаю, это работает в любой ситуации, где фортуне выпадает шанс позабавиться… Бывают такие моменты, когда судьбу надо спровоцировать. В смысле бросить ей вызов. Да, рано или поздно, всегда наступает момент, когда ты

должен схватить удачу за хвост и заставить ее повернуться к тебе лицом, поставив на карту все. Все свои фишки, все наличные, все отложенное на черный день. Свой комфорт, пенсию, уважение коллег, статус, все. В таких случаях речь уже не о «Помоги себе сам, и да помогут тебе небеса», а «Развесели небеса, и, возможно, они тебя отблагодарят». Так что мой выход из примерочной был все равно что покерный блеф — или пан, или пропал, — как если бы я всю свою жизнь поставил на карту, просто чтобы увидеть, что из этого выйдет, и я принялся изображать Софи Лорен в какой-то немыслимой гротескной пантомиме, стараясь не замечать ошеломленного взгляда моей матушки, приобнявшей пластиковые бедра манекена, чтобы не шлепнуться навзничь. Звезда моя рассмеялась, и я подумал было, что победил, но нет. Она уже удалялась в отдел ремней…

Он замолчал и улыбнулся.

Издалека, из глубины коридора, до нас доносились обрывки фраз Алис, читающей девочкам книжку на ночь.

— На что я надеялся, а? Она была так молода и прекрасна, а я так уродлив и стар… К тому же еще и смешон! В трусах! В трусах-слипах под фиалкового цвета колготами, обтягивавшими

мои изогнутые в стиле Людовика XV коротенькие волосатые ножки! На что я надеялся? Думал ее соблазнить? Я оделся, чувствуя себя побежденным, но не отчаявшимся. Как бы там ни было, но я ее рассмешил. Да и потом, уж в этом-то качестве нам, настоящим сподвижникам его величества случая, не откажешь: мы любим побеждать, но умеем и проигрывать. Настоящий игрок всегда играет достойно…

Он встал, налил в чайник воды, включил его и продолжил:

— Я шел по улице со старой ворчуньей, повисшей на моем плече, и никак не мог выбросить из головы свою прекрасную балерину, я… я грустил. Ведь я действительно умер и заново родился, вот только не понимал зачем, раз моя новая жизнь выглядела ничуть не краше предыдущей… Ко всему прочему, моя матушка по-прежнему была рядом! А главное — я очень сердился. Белье, которое незнакомка себе выбирала, ей совершенно не подходило… Такое тело надо кутать в хлопок и шелк, но никак не в этот ужасный нейлон, понимаете… Я вздыхал, уклоняясь от стенаний старой Жаклин и воображая, в какие сорочки и роскошные неглиже я бы одевал эту красавицу, если бы только она позволила мне себя любить,

и я… Короче говоря, я предавался мучительным переживаниям, когда внезапно чуть было не потерял равновесие.

Надо же, эта ослица вернулась и едва не вывихнула мне руку!

Заливая кипятком липовый цвет в старом заварочном чайнике, он второй раз за вечер неподражаемо светло мне улыбнулся.

— Вам повезло, — пробормотал я.

— Да, это правда, но знаете… женские колготки, их не так легко надеть…

— Я имел в виду не вас лично, а вас обоих. Вам обоим повезло.

— Да…

Молчание.

— Слушай… Поскольку это ты, — заговорил он, — поскольку это ты и раз уж об этом зашла речь, хочу признаться тебе кое в чем, я еще никому об этом не говорил. Конечно, моя матушка все еще жива, само собою. С самого моего рождения она допекает меня своей неминуемой смертью, это травмировало меня, когда я еще был ребенком, и вся моя взрослая жизнь размечена ее систематическим шантажом и ложными умираниями, это сегодня я знаю, что она еще и меня похоронит. Что она всех нас переживет… Ну и

прекрасно. Но сейчас это старая дама. Да, очень старая дама, которая плохо ходит, ничего не слышит и почти ничего не видит. И тем не менее, тем не менее… Каждый четверг — который дарят нам небеса, каждый четверг, слышишь меня — я веду ее обедать в маленькое бистро, расположенное в ее доме, и каждый четверг, выпив после еды по чашечке кофе — у нас такой ритуал, мы с ней потихонечку доходим до аллеи Праведников[117] у моста Луи-Филиппа. Мы с ней бредем, еле тащимся, почти ползем, она цепляется за мою руку, я поддерживаю ее, держу, практически несу, у нее болят ноги, ее мучает ревматизм, соседи хотят ее смерти, помощница по хозяйству того и гляди ее прикончит, новая почтальонша сводит ее с ума, телевидение отравляет ей жизнь, весь этот мир ополчился против нее, и на этот раз, на этот раз уже точно: для нее все кончено. На этот раз, она чувствует, на этот раз, мой дорогой, ты знаешь, а ведь я действительно помираю… И я, конечно, верю ей на слово, сам понимаешь, все

[117] Примечания: 117

Аллея Праведников Франции, открытая в 2006 году, проходит вдоль стены Праведников у Мемориала Шоа (музея, посвященного истории Холокоста) в 4-м округе Парижа. По израильскому Закону о Памяти Катастрофы (1951 г.), праведники мира — это неевреи, спасавшие евреев в годы нацистской оккупации Европы, рискуя при этом собственной жизнью.

это время! Но когда мы приходим, она перестает жаловаться и наконец замолкает. Она замолкает, потому что ждет, что я прочитаю ей, в который уже раз, фамилии всех этих людей, высеченные в камне. Фамилии и имена. Конечно, я так и делаю каждый четверг, и пока выкрикиваю ей на ухо эту мирскую литанию, чувствую, прямо-таки физически ощущаю, как она все слабее цепляется за мою руку. Разволновавшаяся, с растроганным взглядом, снова радостно улыбающаяся, моя старушка Жако немножко распрямляется и прямо на глазах набирается сил… И тут я вижу их словно на экране телефона. В ее зрачках, размытых катарактой, вижу черточки ее внутренней батарейки, которых становится все больше по мере того, как одно за другим я зачитываю имена. В какой-то момент ее больные ноги напоминают о себе, и мы возвращаемся домой. Возвращаемся так же медленно, но куда более отважно! Просто потому, что все эти люди существовали на самом деле и совершили то, что они совершили, право же, пусть это будет нелегко, ну да ладно… ладно… ради них… а главное, ради меня, она, так уж и быть, постарается протянуть еще одну недельку… Так вот, понимаешь, Алис, когда я вижу ее лицо, это производит на меня точно такое же

впечатление…

Молчание.

Что на это сказать?

Не знаю, как вы, а я заткнулся.

— Но знаешь… думаю, главный ключ к счастью — это смех. Смеяться вместе. Когда умерла Габриэль, мама Алис, это было ужасно, потому что у меня больше не получалось рассмешить мою любимую. Никогда в жизни я не чувствовал себя таким несчастным, при том что, уверяю тебя, в моей семье уж в чем-чем, а в несчастьях знали толк! Я ведь, чего уж там, вырос на селедке да на шагреневой коже, но в тот момент действительно перепробовал все, что можно — она улыбалась, не спорю, но не смеялась. К счастью — добавил он, заерзав, словно добродетельная девица, — к счастью, у меня в запасе оставался еще один, последний секретный прием…

— И что ж вы предприняли?

— Это секрет, Ян, секрет… — зажеманился он.

— И что это ты тут ему рассказываешь? — забеспокоилась только что вернувшаяся к нам Алис. — Иди поцелуй дочек… И вы тоже, Ян. Представьте себе, они и вас позвали…

Ох…

Как же я был горд…

— Только смотрите у меня — добавила она, грозя пальцем, — на сегодня с глупостями покончено, ладно?

Когда мы вошли в спальню, одна малышка уже спала, да и Мадлен ждала только наших поцелуев, чтобы последовать примеру сестренки.

— Знаешь, что мне приходится делать, чтобы я мог целовать своих дочек? — проворчал Исаак, выпрямляясь.

— Нет.

— Мне приходится мыть свою бороду детским шампунем и натирать ее каким-то средством для распутывания волос, пахнущим синтетической ванилью. Мыслимое ли дело… Ты представляешь, как я живу?

Я улыбался.

— Мне вас ни капельки не жалко, Исаак.

— Ну вот, ко всему прочему даже тебе меня ни капельки не жалко…

* * *

Алис встретила нас на кухне с дымящейся чашкой в руках.

Она чмокнула мужа в лоб, поблагодарив за чай, и сообщила, что ей неловко расстраивать

нашу компанию, но она очень устала и мечтает поскорее улечься в кровать.

(Она сказала не «пойти спать», а именно «улечься в кровать», и это снова меня задело.) (И словно этого было недостаточно, произнося эти слова, она вытащила длинную шпильку, удерживавшую ее волосы собранными на затылке, встряхнула головой, и… ох… предстала совершенно другой. Алис с распущенными волосами.) (Более мягкой и менее яркой.) (Уже обнаженной, так сказать…) (Ахая, охая, зардевшись и бормоча сам не зная что, я чувствовал насмешливый взгляд ее мужа, сверливший мне спину.)

Думаю, она ждала, что я по-дружески расцелую ее на прощанье, но я уже был не в состоянии к ней наклониться, и она протянула мне руку.

(Я сжал ее ладонь, она была горяча.)

(Уф… наверное от травяного чая.)

Хотя мне вовсе не хотелось уходить, но чувство приличия, не до конца убитое во мне алкоголем, заставило меня вяло засобираться, подталкивая к дороге в чистилище.

— Ох… Ян, — заныл Исаак, — ты ведь не бросишь меня мыть посуду в одиночестве?

Господи, как же я обожал этого разноцветного медведя.

Я его обожал.

— Давай. Садись обратно. К тому же ты даже не доел свой клементин! Что за расточительство?!

* * *

Уходя, Алис погасила свет, так что освещение у нас с ним теперь ограничивалось свечами и смутным мерцанием города, позабытого за окном.

Какое-то время мы просто молчали. Неспешно потягивали вино, размышляя о том, что с нами произошло. Мы оба были немного пьяны и обмякли в темноте. Он сидел на своем табурете, прислонившись спиной к стене, я слегка отодвинул стул, чтобы тоже опереться о стену. Издалека до нас доносился шум воды, мы слушали, как умывается красивая женщина, и грезили наяву.

Должно быть, мы думали об одном и том же: о том, что провели прекрасный вечер и что нам повезло. Ну в общем, я думал именно об этом. А еще о том, что она слишком быстро почистила зубы, разве нет?

— Сколько тебе лет? — неожиданно спросил он.

— Двадцать шесть.

— Я раньше тебя не видел. Я был знаком с пожилой дамой, жившей в вашей квартире, но она, мне кажется, уехала жить куда-то в провинцию…

— Да, это двоюродная бабушка… моей подруги. Мы переехали в эту квартиру в октябре.

Молчание.

— Тебе двадцать шесть лет, и ты живешь в квартире двоюродной бабушки молоденькой девушки, имени которой ты еще ни разу не произнес.

Он сказал это абсолютно бесцветным голосом, без всякого выражения. На слух это прозвучало убийственно.

Я ничего не ответил.

— Молоденькой безымянной девушки с четкой позицией относительно чистоты двора и оставленных у лестницы детских колясок.

Ну да… Мы говорим об одной и той же…

В его словах не было ни иронии, ни агрессии.

Он просто это сказал. Я потянулся за своим бокалом, потому что у меня внезапно пересохло в горле.

— Ян?

— Да.

— Как ее зовут, твою подругу?

— Мелани.

— Мелани… Добро пожаловать, Мелани, — пробормотал он, обращаясь к некоему фантому, блуждающему между мойкой и плитой. — И кстати, раз уж вы здесь, должен вам сказать, вечно спешащая мадемуазель, что все эти истории с мусорными бачками или плохо сложенным поливочным шлангом вовсе не так страшны. И даже коляски и самокаты, брошенные около лестницы, тоже совсем не страшны… Вы слышите меня, Мелани? И вместо того, чтобы по два раза в неделю звонить управляющему, заставляя его тратить время на эти никому не интересные досадные пустяки, лучше приходите к нам в гости — посидим, выпьем.

Он поднял в полумраке свой бокал и добавил:

— Потому что, знаете… Мелани, мы ведь все умрем, все… Мы все однажды умрем…

Я закрыл глаза.

Мы слишком много выпили. К тому же, мне не нужно было все это выслушивать. Мне не хотелось слушать гадости о Мелани, я и так все знал. Мне не хотелось видеть, как Исаак спускается с пьедестала, мне он нравился.

Я опустил голову.

— Ян, почему ты позволяешь мне плохо отзываться о той, с кем живешь, и даже не пытаешься

встать на ее защиту? В конце концов я всего лишь старый дурак. Почему ты мне не врежешь?

Я молчал. Мне не нравилось направление, которое принял наш разговор. Мне не хотелось обсуждать свою личную жизнь после всего того прекрасного, о чем мы только что говорили, не хотелось говорить о себе, не хотелось слышать об «управляющем» и «мусорных бачках» из уст того, кто так вдохновлял меня до сих пор. Чтобы выйти из этого неловкого положения, я решил тоже высказаться с оскорбительной прямотой:

— По доброте душевной.

Молчание.

Не знаю, о чем думал он, я же изо всех сил старался вернуться мыслями в здесь и сейчас, поровну деля остатки вина по нашим бокалам. Спасибо он не сказал. Я даже не уверен, что он вообще это заметил.

Я уже не был так счастлив. Мне хотелось курить. Хотелось открыть окно и впустить внутрь холодный воздух, чтобы немного нас взбодрить. Но и на это я не решался. Поэтому я просто пил.

Я больше не смотрел на него. Я смотрел на свечи. Играл с воском, как в детстве. Ждал пока он застынет на кончике пальца и проводил им по верхней губе, по углублению в центре… Та же теп-

лота, тот же запах, та же мягкость, что и раньше.

Исаак разглядывал собственные руки, сложенные на столе.

Все-таки пора было уходить. На моего соседа вино действовало удручающе, да и я уже пресытился. Слишком много эмоций за один вечер. Я мысленно собирался в путь: голова, руки, ноги, ключи, пиджак, лестница, кровать, кома, как вдруг на мою голову, как нож гильотины, обрушилась его спокойная фраза:

— По доброте душевной можно загубить всю свою жизнь.

Он поймал мой взгляд, и некоторое время мы пристально смотрели друг другу в глаза. Я строил из себя жертву, а он палача, но конечно же, я при этом выглядел более злобным. Почему он мне это сказал?

— Почему вы мне это сказали?

— Из-за додо.

О’кей. Он был пьян в стельку.

— Что, простите?

— Додо. Знаешь, такие большие птицы с крючковатыми клювами, жившие на Маврикии, пока наши предки всех их не истребили…

Так, ладно. Теперь у нас в программе краткий

выпуск «Мира дикой природы».

Он продолжал:

— Ведь не было никаких оснований для того, чтоб эти крылатые создания нас покинули. Их мясо оказалось невкусным, пение и оперение не представляли ни малейшего интереса, да и выглядели они настолько уродливо, что не пришлись по вкусу ни одному королевскому двору Европы. И все же они исчезли. Все до одного… Они жили там испокон веков, и всего за каких-нибудь шестьдесят лет люди… человеческий прогресс окончательно стер их с лица земли. И ты знаешь почему, мой маленький Ян?

Я отрицательно покачал головой.

— По трем пустяковым причинам. Во-первых, по доброте душевной они были не пугливы и легко подходили к людям. Во-вторых, они не умели летать, их маленькие смешные крылышки были совершенно никчемны. И в-третьих, потому что они не защищали свои гнезда, бросая яйца и малышей на произвол судьбы. Вот так: три маленьких промаха и их больше нет. Не осталось ни одного.

Ну что ж… уф… как бы это сказать? История истребления маврикийских дронтов, изложенная мне во втором часу ночи моим карманным

оракулом, признаюсь, была чем-то, чего я вовсе не ожидал.

Он пододвинул свой табурет к столу и наклонился ко мне.

— Ян?

— Гм…

— Не позволяй им тебя уничтожить.

— Что простите?

— Защищайся. Защищай свое гнездо.

«Какое еще гнездо? — я молча скрипнул зубами, — уж не те ли 80 кв. м, двоюродной бабушки Берто двумя этажами ниже?»

Должно быть, я рассмеялся вслух, потому что он ответил:

— Естественно, я говорю тебе не о квартире тетушки Урсулы.

Молчание.

— А о чем же вы мне говорите, Исаак?

— О тебе. Твое гнездо это ты сам. То, кем ты являешься. И именно это нужно защищать. Если ты сам этим не займешься, кто это сделает за тебя?

Я все равно не понимал, что он имеет в виду, поэтому он принялся разжевывать свою мысль более доходчиво, давая мне еще одну попытку:

— Ты прекрасен, Ян. Ты очень хорош. И речь идет не о твоей молодости, шевелюре или огром-

ных светлых глазах, речь о том тесте, из которого ты слеплен. Ты знаешь, распознавать прекрасное — это моя профессия. Распознавать и оценивать. И на сегодняшний день я уже не бегаю по аукционным залам, сегодня уже мне звонят из разных стран мира и благоговейно выслушивают мой вердикт. Не то чтобы я такой ушлый, просто я знаю. Знаю истинную ценность всего.

— Да что вы? И сколько же я, по-вашему, стою?

Я уже сожалел о том, что обратился к нему таким тоном. Какое ничтожество. Напрасные угрызения совести — он похоже меня не слышал.

— Речь идет о твоем взгляде, о твоей любознательности, о твоей доброте… О том, как ты умудрился влюбить в себя всех обитателей моего дома за такой короткий срок, что и не расскажешь, посадить моих дочек к себе на колени и без памяти влюбиться в мою любимую без всякой задней мысли о том, чтобы ее увести. Я говорю о внимании, которое ты уделяешь деталям, людям, вещам. О том, что они тебе доверяют, и о том, что скрывают от тебя. Алис впервые говорила о своей маме с тех пор, как ее не стало, впервые она вспоминала ее живой и в добром здравии. Благодаря тебе, Ян, благодаря тебе Габриэль вернулась к

нам этим вечером и сыграла для нас несколько нот из Шуберта… Я ведь не выдумал это? Ты ведь тоже это слышал?

Его глаза сверкали в темноте.

Я согласно закивал, чтоб он оставил меня в покое. Ладно, чего уж там, не стану же я снова распускать нюни из-за какой-то там тетки, которую я даже и не знал…

— Речь идет о той нежности, с которой ты говоришь о тех, кого любишь, и защищаешь то, что тебе принадлежит, я говорю о наших покупках, которые ты еженедельно затаскиваешь к нам наверх, и о кусочках картона, которыми ты блокируешь замок входной двери с тех пор, как похолодало, и которые я вытаскиваю по утрам, чтоб другие соседи не устроили тебе скандал. Я говорю о твоих отдавленных пальцах, об этих слезах взрослого мальчика, уставшего и голодного, о твоих страданиях, о твоих улыбках, о твоей деликатности, здравомыслии, добродушии, наконец, которое меня разозлило, хотя именно на нем и держится наша цивилизация, и я это прекрасно понимаю. Я говорю тебе о твоей элегантности, Ян… Да, о твоей элегантности… Не позволяй им все это испортить, иначе ведь что от вас останется? Если ты и тебе подобные не станут защищать

свои гнезда, тогда… тогда как… это… Во что превратится мир? (Молчание.) Ты меня понимаешь?

— …

— Ты плачешь? Но… Но почему? Ты плачешь из-за того, что я тебе наговорил? Слушай, иметь столько достоинств это не так уж страшно, разве не так?

— Да пошел ты, Моиз.

Он аж подскочил, хмыкнув от удовольствия так, что разбудил золотую рыбку.

— Ты прав, старик, ты прав! Давай, — сказал он, коснувшись своим бокалом моего, — за любимых!

Мы чокнулись и выпили, улыбаясь и глядя друг другу в глаза.

— Хорошее у вас вино, — признал я наконец, — действительно хорошее.

Исаак согласился, взглянул на бутылку и помрачнел.

— Вот, кстати, сейчас я тебе сам подкину достойный повод для слез… Эти люди, видишь, на этикетке — Пьер и Ариана Каванес, — мы с Алис считаем, что они заслуживают восхищения как никто другой. Наш сад в долине Эро граничит с их виноградником. У них не очень большой участок, гектаров тридцать от силы, но с каж-

дым годом их вино становится все лучше, и вот увидишь, однажды оно попадет в число самых изысканных вин. Отец Пьера был геологом, у его матери имелись какие-то сбережения, и в середине восьмидесятых, когда там ничего еще не было и никто не верил в эту затею, ни местные виноделы, ни признанные эксперты, он рискнул и, доверившись собственной интуиции, высадил на этом диком склоне виноградные лозы каберне-совиньон, каким-то чудом доставшиеся ему с одной из престижнейших виноделен Медока, если я правильно понял… Затем они построили погреб, давильню, по уши влезли в долги, ходили консультироваться к дружественному энологу на пенсии, и… и ты помнишь, что нам тут давеча рассказывала Алис о великих керамистах? Об их одержимости и чуть ли не безумии, о бесконечных экспериментах и испытаниях всевозможных комбинаций воды и огня, земли и воздуха, так вот, я думаю, что с вином — та же история, с той лишь разницей, что вместо огня тут плод и что…

Исаак принялся меня потчевать.

Всякими историями и анекдотами вперемежку с техническими терминами, винодельческими процессами, ферментацией, настаиванием, дубовыми бочками, он рассказал мне об Ариане,

которая двадцати лет от роду приехала на лето из Нормандии на сбор винограда, потому что мечтала улететь в Боливию, но так и не уехала никуда, влюбившись в Пьера, об их усталости, жертвах, о хрупкости их общего дела, о том, как в мгновение ока небеса могли уничтожить плоды целого года трудов, о незабываемых дегустациях, о потрясающих приемах, о винных путеводителях, об оценках, классификации, о вовремя пришедшем признании, о троих детях, выросших в спартанских условиях, на свежем воздухе, в заплечных корзинах, об их чаяниях и наконец об их отчаянии.

Безостановочный поток слов, из которых я выудил только: безмерное мужество, тяжкий труд, поразительный успех и рассеянный склероз.

— Он собирается продавать, — подытожил Исаак, — хочет все продать, конечно, это прискорбно, но я его понимаю. Если бы что-то случилось с Алис, я бы тоже все бросил. Кстати, именно поэтому мы с Пьером и ладим так хорошо. Мы разглагольствуем, разглагольствуем, важничаем изо всех сил, страшные как черти, но мы безраздельно принадлежим своим дамам…

Ладно, прошу прощения, но нашим дронтам снова досталось. И нас уже больше ничего не вол-

новало. Свинцовой тяжестью сковало тело, свечи помаргивали, догорая, хозяин дома с отсутствующим взглядом блуждал где-то в собственных мыслях.

Одинокий, печальный, незнакомый, ссутулив спину.

Я посмотрел на свой бокал. Сколько осталось глотков? Три? Четыре?

Почти ничего.

Почти ничего и то, что осталось от одного из самых прекрасных вечеров в моей невозможной жизни…

Мне не хотелось допивать.

Пусть это будет моим подношением.

Подношением духам умерших предков этой неведомой мне Арианы.

И пусть в благодарность за это они оставят ее в покое.

Я взял свой пиджак.

* * *

В-седьмых, спуск

Не знаю, сколько ступенек отделяют их квартиру от моей, но уже на второй я полностью

протрезвел.

Если бы меня кто-то видел в этот момент, он сказал бы, что это неправда и что я вру. Что я с трудом стоял на ногах. Что я шатался, держась за перила, и не осмеливался сделать шаг в пустоту.

Он бы добавил, что я был настолько пьян, что в конце концов прижался к стене и практически сполз до самой своей двери.

Чертов стукач…

Да, я колебался, потому что и впрямь чувствовал, что оказался в пустоте, но я не прижимался к стене, а сжимал ее в своих руках. Хотел ее согреть, чтобы не возвращаться домой одному. Хотел взять ее с собой в постель. Эта стена, о которую я столько раз стукнулся всего несколько часов тому назад — как будто в прошлой жизни, когда прижимал к груди прелестную маркизу, в обществе баронета и пары принцесс, стена, от которой по всей лестничной клетке разлеталось столько радости и веселья, столько великолепных ругательств, детского смеха и огорчений, эта стена, заупрямившаяся теперь и отказывавшаяся зайти ко мне выпить еще стаканчик, — стала для меня чем-то вроде последнего фонарного столба. Приятелем, таким же потерянным, как я сам, которому я мог положить голову на плечо, прежде

чем встретиться со своей настоящей жизнью, с настоящим Яном и с истинным неприятием реальности.

Даже если допустить, госпожа судья, что этот потенциальный свидетель говорит правду, это все равно, знаете ли, продолжалось совсем недолго… Стоило только мне войти к себе домой, то есть не к себе… домой к своей подружке, вернее, к ее двоюродной бабушке, как ее там, так вот… стоило только мне войти в это помещение, как я тут же разом протрезвел.

Я нашел выключатель и зажег отвратительный свет. Повесил пиджак на вешалку и заметил, насколько она отвратительна. Равно как и зеркало. Зеркало тоже выглядело отвратительно. Зеркало, афиша под стеклом, ковер, диван, журнальный столик, все. Все было отвратительным.

Я огляделся, но ничего вокруг себя не узнал. Но кто же может здесь жить? — с удивлением спрашивал я сам себя. Пластмассовые человечки из «Плеймобил»? Коммерческие агенты образцовой квартиры? Никакого беспорядка, никакого бардака, ни фантазии, ни уюта, ничего. Одно сплошное оформление. Хуже того — декорация. Я пошел на кухню, но и там не почувствовал себя лучше. Все это ничего мне не напоминало. За этим не было

никакой истории. Я не сдавался.

Присел на корточки, открыл дверцы шкафчиков, выдвинул ящики: решительным образом ничего. Пустота.

Может быть, в спальне? Я поднял одеяло, взял подушку, одну, другую, уткнулся в них носом, исследовал простыню: ничего. Ничто не указывало на то, что здесь когда-либо кто-то лежал. Ни малейшего запаха духов, пота, слюны и уж тем более спермы. Ванная комната? Зубные щетки, рубашка Мелани, наши мочалки: мертвая тишина. Но кто эти зомби, и что ж это с нами, в конце-то концов, происходит?

Я не понимал, куда мне деваться. После всех излишеств там, наверху, благодаря которым мне в той или иной мере удалось сделать свою жизнь более переносимой, я не мог теперь снова махнуть на все рукой, тогда как внутри у меня, в носу, в горле, все отказывало. Я сжал кулаки. Сжал зубы. Сжал ягодицы. Я был смешон. Я вел себя как ребенок. Маленький капризный грязнуля, раздосадованный, но слишком гордый, чтобы это признать.

Ладно, здорово, и что же дальше? Что я такого могу разбить, чтобы меня заметили, а?

Я чувствовал себя вздрюченным, агрессивным

и беспомощным, когда раздался звонок в дверь.

Черт побери, но… который сейчас час? Что это еще такое?!

* * *

В-восьмых, достоинство

— Все в порядке?

Казалось, Исаак меня не узнает.

— Ян, ты как? С тобой все в порядке?

Не помню, что я ему ответил. Наверное, что я устал.

И это было правдой. Я действительно устал.

Очень устал.

Слишком устал.

Мне себя самого следовало бы разбить. Жаль, что мы жили всего лишь на третьем этаже.

— Слушай, — сказал он, схватив меня за руку, — слушай… Я отодрал этикетку специально для тебя. На память. И потом, если захочешь заказать, пока не… в общем… В общем, это или сейчас или никогда, чего уж там…

Мой Исаак… Мой принц… Я долго на него смотрел, чтобы успокоиться. Он выглядел изнуренным.

Даже крылья его «бабочки» как-то обвисли.

Он и вправду действовал на меня успокаивающе, но с другой стороны, он все-таки тоже был явно не в себе. Вот зачем он мне это сейчас принес, а? Только честно? Как будто бы с этим нельзя было подождать. Разве я собираюсь заказывать вино? У меня нет ни погреба, ни денег, ни Алис, ни миндаля, ни чугунного сотейника, ни маленьких дочек, ни специй, ни скатерти, ни бокалов, у меня ничего нет… Да уж, сомнительный поступок для человека, который якобы все понимает и видит насквозь…

Ладно, мы все-таки выпили с ним две с половиной бутылки. От этого возникают некоторые недостатки.

Мы стояли на лестничной площадке, потому что я не мог достойно его принять, и именно в этот момент, когда я подумал об Исааке Моизе, который стал моим другом, моим драгоценным другом, и о том, что я не могу достойно его принять, я наконец повзрослел:

— Позвольте подняться к вам и позаимствовать у вас маленький магнитофон Мизии «Фишер-прайс», который валяется в ее комнате среди кукол Барби, пожалуйста!

* * *

В-девятых, заплыв

У меня было орудие преступления, но мне не хватало патрона. В данном случае — кассеты. Этой реликвии прошлого века. Маленькой коробочки из черного или прозрачного пластика с магнитной лентой, на которую можно записывать звуки. Этой мелочи из другого мира.

Не мог же я испортить считалочки Мизии…

Одна-две кассеты у меня точно должны были остаться, но где?

Отступление:

Когда я познакомился с Мелани, вместе с парой приятелей мы снимали квартиру на троих недалеко от Барбес. И если в общих комнатах у нас частенько царил невообразимый бардак, то себе я, помнится, обустроил очень даже уютную спальню.

Там было множество книг, музыки, пепельниц, распотрошенных коробок, которые моя матушка присылала мне еженедельно (с колбасой, кунь-аманом[118], масляными лепешками, да-да,

[118] Примечания: 118
Традиционный бретонский пирог.

клянусь вам, это немыслимо, но это моя мама, и она такая, она бретонка), дебильных маек, грязных трусов, непарных носков, которые прекрасно сочетались с рыганием, пуканьем, дрочкой и всякими скользкими шуточками, так вот туда, о чудо, не часто, но все же время от времени захаживали девушки, и там на стенах крепилось все, что поддерживало меня на плаву: записки, картинки, портреты, лица людей, казавшихся мне прекрасными или же восхищавших меня, архитектурные проекты, прототипы, макеты, идеи, учебные темы, отчеты, билеты в кино и на концерты, какие-то штуки, скопированные из книг, фразы, заставлявшие меня жить с высоко поднятой головой, репродукции рисунков Леонардо да Винчи, Арне Якобсена[119], Ле Корбюзье или Фрэнка Ллойда Райта[120] — всех этих кумиров — от которых я и сейчас не отказываюсь да и никогда не отрекусь, — обычных для того, кто явился в столицу доказывать свой талант, хотя у самого еще молоко на губах не обсохло, там также

[119] Примечания: 119

Якобсен, Арне (полное имя: *Arne Emil Jacobsen*, 1902–1971) — датский архитектор и дизайнер, один из основоположников датского функционализма.

[120] Примечания: 120

Райт, Фрэнк Ллойд (*Frank Lloyd Wright*, 1867–1959) — американский архитектор-новатор, основоположник «органической архитектуры».

висели семейные фото, фотографии кораблей, друзей, моих собак (живых и мертвых), афиши фильмов, выставок, иллюстраторов, музыкантов, харизматичных лидеров, в общем, полный набор, чего уж там…

Ну так вот, когда мы с Мелани решили жить вместе, чтобы экономить на квартплате (боже, как запросто я это произнес, какая гадость, скажем лучше, чтоб быть счастливыми вместе), мы переехали в крохотную двушку у Восточного вокзала, и там мне, само собою, пришлось подсократить свое барахло.

Большую часть вещей я отвез к родителям, оставив себе только то, что было мне жизненно необходимо, чтобы закончить учебу и как-то одеваться. Все пошло путем, мы работали, часто куда-то ходили, мы любили друг друга, а интернет тем временем предоставил мне ту самую безграничную стену, на которой я мог вывешивать и вволю любоваться всем, что меня вдохновляло.

Потом, когда появилась возможность переехать сюда, чтобы еще больше сэкономить на квартплате (здесь мы платим только коммунальные платежи, но все ж и об этом не стоит забывать, ага?!) (о, господи, в кого я превратился?), Мелани заново перетряхнула мое барахло.

Да-да, поскольку я уже большой и буду теперь работать по-настоящему, то мои бесформенные майки, старая куртка, свитера из комиссионки, ботинки «Кларкс», труба, бумажки для самокруток, вязаные шапки и книжки Толкиена мне уже больше не понадобятся. Ведь так, милый?

Ладно. О'кей. Она права. Мы отныне живем в приличном районе, и, право слово, как же приятно, когда ты больше не слышишь по ночам шум поездов и у тебя не стреляют каждые две минуты сигарету, так что… за все надо платить, это справедливо. К тому же, если я сам себя не способен убедить в том, что стал взрослым, кто мне поверит? Значит, алле-оп — и еще на пять коробок меньше. Честно говоря, меня это никогда особо не смущало, я всегда любил путешествовать налегке, но дело в том, что теперь, уф, как бы это сказать… у меня ничего больше нет. Даже аудио-кассету найти проблема.

Что ж… тем хуже для Мизии, я ей потом возмещу.

И тут я вспоминаю. Ведь когда в прошлом году я расставался со своей развалюхой, то вытащил все, что было в бардачке. А поскольку в машине стояла допотопная автомагнитола, то у меня должно было остаться хоть сколько-то кассет,

ведь так?

Ищу.

И в самой глубине отведенной мне части шкафа нахожу одну кассету. Одну-единственную. Я ее не узнаю, и на ней ничего не написано.

Ладно. Посмотрим.

* * *

Принимаю душ и размышляю. Надеваю трусы, носки, чистые джинсы и размышляю. Выбираю подходящую рубашку и размышляю. Завязываю шнурки и размышляю. Делаю себе кофе и размышляю. Еще кофе — продолжаю размышлять. Еще один — по-прежнему размышляю.

Я думаю. Думаю. Думаю.

И когда от этих мыслей у меня уже не остается ни грамма алкоголя в крови, я весь взмок, накрутив себя до предела, то наконец успокаиваюсь.

Я иду на кухню, зажигаю свечу, как у Алис, потому что заметил, что в свете свечей люди кажутся более красивыми и умными (да, естественно, моя свечка не столь прекрасна, это не церковная свеча, а «декоративная» фигня, приобретенная Мелани, с запахом кокоса) (ну и эта сгодится) (не все сразу, госпожа Жизнь) (прошу вас, хоть

что-то оставьте мне на потом), гашу свет, сажусь и ставлю перед собой на стол маленький магнитофончик, обклеенный стикерами с Шарлоттой Земляничкой.

Вставляю свою старую кассету и что же я слышу? Massive Attack.

Да уж, любят небеса подразнить… Сложно было придумать что-то более в тему. Вот бы я посмеялся, не будь в таком стрессе. Я перематываю на начало, беру микрофон и… пересаживаюсь, чтобы не видеть свое отражение в окне.

Потому что выгляжу я все-таки удручающе в своей красивой выходной рубашке, со свечкой из телемагазина и крохотным микрофоном на желтом проводочке. Нет, правда, лучше мне этого не видеть.

Я прочищаю горло и нажимаю на большую синюю кнопку ЗАПИСЬ. Пленка крутится, я еще раз прочищаю горло и я… я… уф… ох, черт, я перематываю назад.

Так, ладно, приятель, надо это сделать, прямо сейчас…

Я делаю глубокий вдох, как в те времена, когда перед девочками из летнего лагеря старался проплыть под водой всю ширину пирса, и снова нажимаю на синюю кнопку.

Ныряю:

«Мелани… Мелани, я не могу остаться с тобой. Я… в общем, когда ты прослушаешь это сообщение, я уже буду далеко, потому что я… я больше не хочу жить с тобой.

(Молчание.)

Я понимаю, что должен был бы написать тебе письмо, но боюсь наделать орфографических ошибок — уж я-то тебя знаю, мне прекрасно известно, что стоит тебе только заметить хоть одну, как ты сразу же преисполняешься презрением к тому или той, кто ее допустил, так что я предпочитаю не рисковать.

Видишь, я записываю тебе это сообщение, чтобы объясниться, и понимаю, что на самом деле даже такого объяснения уже достаточно: Мелани, я ухожу от тебя, потому что ты презираешь людей, допускающих орфографические ошибки.

Думаю, тебе такая причина покажется легковесной, а вот мне все было бы ясно. Я ухожу от тебя, потому что ты нетерпима и не видишь того, что действительно

важно в людях. Вот честно, неужели так важно „-тся“ или „-ться“, „сестрин свитер“ или „свитер сестры“, а? Неужели это так важно? Конечно, это слегка терзает слух, да и язык, ну ладно… и что? Это же не приносит никакого вреда, насколько я знаю. От этого ведь люди со всеми их чувствами, порывами и намерениями не становятся хуже, хотя нет, от этого портится все, потому что ты начинаешь их презирать еще до того, как они закончат фразу… и, уф… я… Что-то я отвлекся. Я ушел вовсе не для того, чтобы обсудить с тобой вопросы грамматики.

Если б я хотел объясниться по-быстрому, я бы сказал тебе, что ухожу из-за Алис и Исаака. Так все было бы сказано разом. Я ухожу, потому что встретил людей, которые помогли мне понять, насколько мы оба с тобой ошиблись. Но я не хочу с тобой об этом говорить. Во-первых, потому что ты станешь вести себя с ними еще хуже, чем обычно, а во-вторых, потому что не хочу с тобой этим делиться.

(Пауза. Вой сирены вдалеке.)

Среди всего прочего, они помогли мне

понять, что… что мы притворяемся, лжем, делаем вид.

Я говорю о любви, Мелани. Как давно мы перестали любить друг друга? Я имею в виду любить по-настоящему. Ты это знаешь? С каких пор мы стали трахаться, а не заниматься любовью? Всегда одно и то же, я знаю, как доставить тебе удовольствие, и делаю это, ты знаешь, что нравится мне, и не скупишься, но… И что? Что это? Мы удовлетворяем друг друга и засыпаем? Нет, не возводи очи горе… Ты знаешь, что я прав. Ты знаешь это.

У нас с тобой унылый секс.

У нас с тобой… Все стало унылым…

И это еще не все. Поскольку я хорошо тебя знаю и знаю, как долго ты будешь твердить на все лады всем кому ни попадя, какой же я подлец, настоящий подлец, ведь правда, подумать только, и это после всего, что ты для меня сделала, после всего, что дала мне твоя семья — квартиру, жилье, каникулы и так далее, и чтоб уж уши мои горели не зря, я назову тебе три причины моего ухода. Три маленьких, но четких и ясных причины. Так, по край-

ней мере, подлеца нельзя будет обвинить во всех смертных грехах.

Я назову тебе эти причины не для того, чтобы оправдаться, а чтобы дать тебе пищу для сплетен. Тебе ведь нравится перемалывать косточки. Ворчать, брюзжать, зудеть *ad nauseam* [121], какие все вокруг дураки и что ты, правда, достойна лучшего… Да, это в твоем духе — возложить всю вину на других, ни секунды не усомнившись в собственной правоте. Нет, я не сержусь на тебя, ты знаешь, я даже завидую тебе… Мне бы тоже порой хотелось быть как ты. Это упростило бы мою жизнь. К тому же я знаю, что тебя просто так воспитали, что ты единственный ребенок в семье, и твои родители не могли на тебя наглядеться, и что любой каприз сходил тебе с рук, и что… ну и вот, что… естественно, в конце концов это тебя избаловало…

Да что тут говорить, если они даже на твоего дурацкого бретонца закрыли глаза! Нет, я знаю, ты не злая. Ну да ладно.

---

[121] Примечания: 121
До тошноты (*лат.*).

Все же я назову тебе эти причины, чтоб тебе было чем заняться. Тебе и твоей матушке.

(Молчание.)

Я ухожу, потому что в кино ты вечно портишь мне последние минуты фильма… Каждый раз… Каждый раз ты так со мной поступаешь…

Хотя ты прекрасно знаешь, как это важно для меня — еще немного посидеть в темноте, оправиться от эмоций, читая длинную вереницу незнакомых имен, для меня это жизненно важный промежуток, отделяющий воображаемый мир от реального… Тебя это раздражает, о'кей, но я же тебе говорил, сто раз говорил: уходи, подожди меня в холле, подожди меня в кафе, ходи в кино с подругами, только никогда больше так не делай: не спрашивай меня, в какой ресторан мы пойдем, не рассказывай мне о своих коллегах или о том, как жмут тебе туфли, как только закончился фильм.

Да, даже если фильм оказался плохим. Неважно. Раз уж я досмотрел его до конца, я не хочу уходить, пока не удостоверюсь в

том, что благодарностью не обошли мэра последнего захолустного городка, и пока в заключение не увижу собственными глазами слова Dolby и Digital. Даже если это был датский или корейский фильм и я ничего не понял в титрах, мне все равно это необходимо. Вот уже почти три года, как мы вместе ходим в кино, и вот уже почти три года, как я на первых же строчках титров чувствую, как ты напрягаешься, напрягаешься в буквальном смысле слова и… и ты… знаешь, да иди ты к черту, Мелани. Ходи в кино с кем-нибудь другим. Я ведь не многого у тебя просил, и даже, по-моему, это было единственным, о чем я тебя когда-либо просил, и… и нет…

(Молчание.)

Вторая причина заключается в том, что ты всегда отъедаешь кончики от моих кусочков торта, и это тоже мне надоело терпеть. Под тем предлогом, что ты следишь за фигурой, ты никогда не заказываешь десерт, и каждый раз, когда мне приносят мой, ты тут же хватаешь мою десертную ложку и съедаешь кончик.

Так… так вообще-то не делается. Даже если ты заведомо знаешь ответ, все-таки могла бы и спрашивать у меня разрешения, хотя бы ради поддержания иллюзии того, что я существую. К тому же, кончик — это лучшая часть торта. И это особенно верно в отношении лимонников, чизкейков и фланов, которые, как ты знаешь или однажды узнала, являются моими самыми любимыми десертами.

Так что вот, ты сможешь сказать своим друзьям: „Представляете? После всего, что я для него сделала, этот кретин бросает меня из-за кусочка торта!“ — и это будет правдой. Только не забудь уточнить, что речь идет о кончиках. Гурманы оценят.

И последняя причина, наверное, самая главная: я ухожу, потому что мне не нравится, как ты ведешь себя с моими родителями. Видит бог, я нечасто заставлял тебя с ними общаться. Сколько раз мы были у них за все то время, что живем вместе? Два раза? Три? Неважно, предпочитаю об этом не вспоминать, чтобы не слишком злиться.

Я знаю, мои родители не такие обра-

зованные, как твои. Они не столь умны, не столь красивы, не столь интересны. И дома у нас тесновато, полно кружевных салфеток и букетов засохших цветов, но понимаешь, это то же самое, что с орфографическими ошибками… Это ничего не говорит о них. Во всяком случае ничего важного. Понятно, что все эти вышивки, автофургон в глубине сада, венецианские маски демонстрируют нам их дурновкусие, но это все ничего не говорит о том, какие они на самом деле. Ничего не говорит об их терпимости и доброте. Да, моя мать не такая шикарная, как твоя, да, она не знает Гленна Гульда[122], да, она вечно путает Моне с Мане[123] и боится водить машину в Париже, но когда ты снизошла до того, чтобы приехать к ней в гости, она, Мелани, сходила в парикмахерскую, чтобы тебя уважить. Не знаю, заметила ли ты, как она готовилась к твоему приезду,

[122] Примечания: 122

Гульд, Гленн (полное имя: *Glenn Herbert Gould*, 1932–1982) — великий канадский пианист.

[123] Примечания: 123

Моне, Клод (полное имя: *Oscar-Claude Monet*, 1840–1926) и Мане, Эдуард (*Edouard Manet*, 1832–1883) — выдающиеся французские художники, стоявшие у истоков импрессионизма.

но я, я это заметил, и каждый раз я… каждый раз мне… не знаю… у меня от этого сердце сжималось. То, как она старалась тебе угодить, потому что ты стройна и элегантна и ее сын любит тебя, и… и все это глупо, но это создавало тебе некую ауру… Она никогда не ходит в парикмахерскую, чтоб порадовать моего отца, но ради тебя, чтобы засвидетельствовать тебе свое почтение, да, ради тебя она старалась выглядеть хорошо… Ты даже не представляешь, насколько это все трогает мою душу. Твою нет? Ты-то у нас ешь, поджав губки, и задираешь нос всякий раз, как твой высококультурный взгляд падает на их безделушки из ракушек или на тома Универсальной энциклопедии, выстроенные по порядку и ни разу не читанные, но знаешь, я… когда я был маленьким… я никогда не видел, чтобы моя мать развлекалась или ходила с подружками по бутикам, потому что мои дедушка с бабушкой жили с нами и мама все время о них заботилась. А потом, когда ей больше не надо было приводить их в порядок, стричь им ногти и волосы,

занимать их чисткой картошки, фасоли и уж не знаю чем еще, поддерживая в них веру в то, что они по-прежнему нужны, так вот когда ей больше не надо было беспокоиться на их счет, поскольку они наконец упокоились на кладбище, — оп! — и подоспели детки моей сестры. И знаешь что? Я никогда не слышал, чтобы она жаловалась. Никогда. Она всегда выглядела веселой. Ты представляешь, каково это?

Никогда не унывать… Ты представляешь, какой силой и мужеством надо обладать, чтобы никогда в жизни не падать духом? Черт побери, да именно это и есть высший пилотаж! Открою тебе один секрет, Мелани: между жизнерадостностью моей матери и „Гольдберг-вариациями“ Гульда для меня нет никакой разницы. Это один и тот же уровень гениальности. И вот эта женщина, несравненная, достойнейшая из достойных, каждый раз, когда мне звонит, она спрашивает меня, как у тебя дела, и… и знаешь, я иногда… Иногда, прежде чем попрощаться, я говорю ей, что „Мелани передает тебе привет“

или „Вам привет от Мелани“, и… уф… я не хочу больше врать, вот и все».

СТОП (красная кнопка).

Глубокий выдох…

Выныриваю из воды и трясу головой, как красавец-спортсмен в олимпийском бассейне.

Ну что? Я сделал это, ведь так?

Где же наши маленькие воображалы из пляжного клуба «Балу»? Они еще здесь? Они хотя бы видели, как я проплыл?

* * *

В-десятых, другой берег

Тоже мне подвиг…

Я перематываю немного назад, чтобы убедиться в том, что мой дья-дья-дья-дьявольский план сработал, включаю кассету, и что же я слышу? Гнусавый голосок вещает мне об автофургоне…

О боже. Я немедленно выключаю запись.

Это удручающе.

Я удручен.

О-ля-ля… Как же сложно быть собой, когда ты сам себя не вдохновляешь. Как же это тяжело…

На часах четверть четвертого. Мне нужен еще один кофе.

Я споласкиваю чашку, поднимаю голову и вдруг вижу свое отражение, вот же оно, я его вижу…

Вглядываюсь в него.

Думаю об Исааке, об Алис, о Габриэль, о Шуберте, о Софи Лорен, о заднице Жаклин и об ее стене утешения.

Думаю о Праведниках и о своих родителях.

Думаю о своей работе, о жизни, о талонах на питание, о комфорте, о страховке, об обязательствах как таковых, о моем собственном понимании обязательств, о деньгах, о прибыли, о баблосе, о заработке, о моих привилегиях, о моих коллегах и о моем начальнике, об их обещаниях и о моем бессрочном контракте.

Бессрочный… И как это столь неконкретное слово обрело столь большое значение?

Как?

Потом я перевожу взгляд на эту игрушку, лежащую на столе, превратившуюся в бомбу замедленного действия, и снова опускаю голову.

Мне не хочется причинять боль Мелани.

Я уже не настолько ее люблю, чтобы продолжать ломать комедию, прикидываясь будто мы

влюбленная пара, но я слишком сильно люблю людей, чтобы обижать кого бы то ни было, пусть даже речь идет о том или о той, кто скальпирует мои фильмы, мои десерты и мое детство.

Да. Даже ее.

Как же сложно быть жестоким, когда ты добрый. Как же сложно кого-то бросить. Как же сложно собраться как следует, настроиться и дать самому себе однозначную установку, когда авторитарность вызывает отвращение.

Как же сложно отнестись к самому себе настолько серьезно, чтобы в одностороннем порядке принять решение, которое изменит жизнь другого человека, и как же это пафосно — говорить об «одностороннем порядке» в двадцать шесть лет, сидя на кухне в маленькой буржуазной квартирке двоюродной бабушки своей подруги, которой нет дома в три часа ночи, потому что она на работе.

Ладно.

Что-то я слегка раскис…

Что я делаю?

Что я делаю со своей жизнью?

Что я делаю со своими Вуф-Хуфами?

Ох, бляха-муха… Как же меня все это затра-

хало.

Ну вот, еще и ругаться начинаю.

Черт подери… Это меня раздражает.

Подытожим: все, что нужно, — это быть эгоистом. Хотя бы немножко. В противном случае ты и не живешь по-настоящему, а в конце все равно умираешь.

Вот так…

Давай, мой мальчик. Смелей. Вперед и с песней.

Если ты не можешь решиться на это ради себя, решайся ради своих чизкейков.

О’кей, но есть еще один очень глупый вопрос: как стать эгоистом, когда ты таковым не являешься? Когда ты вырос в таком мире, где другие всегда считались важнее тебя? Да еще и перед лицом океана? Надо как-то себя заставить? Сколько я ни стараюсь изо всех сил уцепиться за это понятие: Я, Я, Я, Мое эго, Моя жизнь, Мое счастье, Мое гнездо — у меня не получается его нащупать. Оно мне не интересно. Все равно что в детстве, кружась на карусели, ловить за хвост Микки Мауса: я, конечно, руки-то тянул, чтобы маму не расстраивать, но на самом деле вовсе не хотел его ловить. Он мне казался отвратительным.

Опустив голову, сжав зубы, ссутулившись, скрестив руки на груди, я размышляю.

Я целиком и полностью погружен в себя, снаружи ничто меня не отвлекает, я слышу, как бьется мое сердце, дышу медленно и борюсь с усталостью и самодовольством, без которых, конечно, на этом смехотворном заседании не обойтись.

Я думаю.

Думаю об Исааке.

На мой взгляд, только он, Исаак Моиз, сможет переправить меня на другой берег. Я вспоминаю его лицо, его рассказы, молчание, взгляды, его дикое ржание и смешки невинной девицы, его коварство, эгоизм, великодушие и этот его приход под дебильным предлогом вручения мне этикетки, и то, как он схватил меня за руку в тот момент, когда я действительно в этом нуждался.

Вспоминаю его слова о добродушии и тон, которым он их сказал. Его мягкость… мягкость и жесткость… изо всех сил цепляюсь за это воспоминание.

Держусь за него, потому что это единственное мое убеждение, которое все еще не погрязло в дерьме. Да, это так, я добродушен.

И именно поэтому в конце концов я распрямляюсь, перестаю мучить самого себя, в последний

раз нажимаю на синюю кнопку, а потом убираю магнитофончик Мизии в низ холодильника.

Чтоб Мелани не пришлось сталкиваться с моей подростковой музыкой в довершении к моей слабохарактерности. Чтобы избавить ее от моего *Paradise Circus* и моей *Unfinished Sympathy*[124].

Пока на старую кассету записывалось звучание холода, я занялся сбором вещей.

* * *

Дорожная сумка готова. Чистое белье, грязное белье, обувь, бритвенный станок, книги, ноутбук, колонки, вот и все.

Это о том, что у нелюбви к себя тоже есть свои преимущества…

Достаю магнитофон из холодильника и наконец нажимаю на кнопку ВЫНУТЬ.

Крышка открывается с железным скрежетом. Хрясть. И оковы пали.

Я пишу на кассете имя Мелани и кладу ее ей на подушку.

Ох, хотя нет… Лучше на кухонный стол.

---

[124] Примечания: 124

Paradise Circus («Райский цирк», 2010 г.), Unfinished Sympathy («Незавершенная симпатия», 1991 г.) — песни британской группы Massive Attack.

Пусть из меня не получилось героя, все же стоит вести себя достойно.

* * *

Оставляю ключи, захлопываю дверь и поднимаюсь на пятый этаж.

Ставлю свое барахло на пол, застегиваю куртку, достаю перчатки, сажусь и прислоняюсь к своей стене.

Я полностью на нее полагаюсь.

Я жду, когда Алис или Исаак откроют дверь.

Я должен вернуть им детский магнитофон и задать последний вопрос.

* * *

В-одиннадцатых, горизонт

Меня зовут Ян-Андре-Мари Каркарек, я родился в Сен-Бриё, через несколько месяцев мне исполнится двадцать семь лет, мой рост 1,82 м, у меня темные волосы, голубые глаза, отсутствуют судимости и какие-либо особые приметы.

Я рос обычным ребенком, был примерным и послушным мальчиком на первом причастии,

любимцем в своем детском спортивном клубе, ровно учился в лицее, хорошо его закончил, в институте отличался серьезным отношением к учебе и влюбчивым характером, был верным в любви.

Я нашел себе работу, поскольку не имел никакого страстного увлечения, ни особого призвания к какому-либо делу, подписал недавно бессрочный контракт, который позволил бы мне понемногу набрать кредитов, чтобы набрать еще больше кредитов чуть позже, я жил с девушкой, выросшей в куда более изысканной семье, чем моя. С девушкой, показавшей мне и преимущества, и ограничения буржуазного образа жизни. С девушкой, которая меня бы пообтесала, конечно, но вместе с тем и невольно укрепила бы меня в моем тяготении к бардачности и старому доброму свинству, нормальным для парня, чей дед был рыбаком. Которая позволила мне осознать, что в моей семье не так хорошо следили за собой, зато гораздо лучше себя вели. Что у нас меньше внимания уделяли формам, зато отношения были раскованнее и надежнее. И что у нас было не принято дурно говорить о других. Что другие вообще не особенно нас занимали. Может быть, потому, что мы были слишком глупы и не видели дальше

кончика собственного носа, а может, потому, что как раз у кончика нашего носа проходила линия горизонта.

Быть может, эта линия, эта бесконечная полоса, испокон веков отделяющая море от неба, формировала в этих краях менее высокомерных людей…

Быть может… Я не знаю… Мне наверняка не следует обобщать, но все же… ее отец, пожимая мне руку, все время путал мое имя, называя меня то Иваном, то Ивоном, однажды даже Эрваном, и, в конце концов, это выглядело странно.

Но Мелани, его дочь, я любил. Клянусь жизнью, я ее любил. Но больше не понимал, на что она надеется. Я разочаровывал ее, она меня тоже. Мы не решались в этом признаться, но наши тела были не столь куртуазны и в минуты близости говорили о многом. Ее запах, вкус, дыхание, пот — все ополчилось против меня. Все изменилось и расстраивало меня. Думаю, и она чувствовала то же самое. Что даже мыло, зубная паста и духи не всегда могли справиться с моим замешательством.

Да нет, я не придумываю, я знаю это.

Я это знал.

Вчера вечером я был один. Я собирался пойти

в кино, но на лестничной площадке перед моей квартирой стоял буфет. Он принадлежал соседям, с которыми я был едва знаком. Людям, жившим двумя этажами выше. Паре с двумя детьми. Я вызвался помочь им донести буфет до их квартиры и остался у них в гостях до начала следующего дня.

На следующий день, то есть сегодня утром, я сел в скоростной поезд, проспал всю дорогу, потом пересел в автобус. Часом позже я вышел на маленькой площади, окруженной платанами, и заглянул в кафе. В первое попавшееся кафе, которое меня вдохновило, куда в теплое время года наверняка заходили любители петанка пропустить по стаканчику, перед тем как разойтись по домам. Выпив бокал вина, я достал из кармана бумажку и, пустив ее по кругу, выяснил направление, в котором мне надо было двигаться, и на какой дороге ловить машину.

Мою бумажку передавали из рук в руки, комментировали, обсуждали сообща, по ходу измяли.

Как будто это карта. Карта сокровищ с Южным крестом посреди. На мою благодарность мне ответили, словно осадили: «Да с удовольствием». Я вздрогнул.

Мне не пришлось долго ждать. Какой-то парень

согласился подбросить меня на своем фургоне. Он работал каменщиком. Строил бассейны, но сейчас мертвый сезон, и за неимением лучшего он ремонтировал канавы. Сложив большой палец с указательным, он звукоподражательно отстреливал ворон. Сворачивая себе самокрутку, он придерживал руль коленями, одновременно выжимая газ, чтобы «обеспечить устойчивость автомобиля». Он скоро станет папой. Похоже, прямо сегодня вечером. «Мля, — твердил он, — мля, дело пахнет керосином…»

Я улыбался. Мне нравилось все, что он говорил. Нравился его голос, его акцент, его болтливость. Он напоминал мне эдакого местечкового Аль Пачино. Мы с ним были примерно одного возраста, он уже имел фургон, на котором были написаны его имя и фамилия, платил налоги и содержал семью. Все это казалось мне настоящей экзотикой.

Он высадил меня на каком-то перекрестке. Сожалея, что не может подбросить до места назначения, все из-за этого малыша… Да тут недалеко, прямо за этим холмом. Можно идти по дороге, а можно срезать через поля. Я его поблагодарил. То, что нужно пройтись пешком, воспринял с облегчением. Я трусил. Убеждал себя в том, что, учитывая вес моей сумки и расстоя-

ние, которое предстояло пройти, в конце концов я смогу расслабиться.

Хотя это оставалось всего лишь предположением среди тысяч других, застивших мне глаза.

Я размышлял, шагая вперед, строил гипотезы.

Воображал диалоги, продумывал реплики и шел все быстрее, словно стараясь собственные возражения оставить позади.

Ремень сумки резал мне плечо. На обочине дороги стояло небольшое каменное строение. Дверь оказалась не заперта. Я оставил там свои книги.

Я потом за ними вернусь.

Никто никогда не ворует книги.

Я узнал дом. Такой же, как на моем клочке бумаги. Я оставил сумку снаружи, около воротного столба, вошел во двор и направился к наиболее ухоженной части построек. Туда, где у дверей стояли сапоги и виднелись занавески на окнах. Я постучал. Мне никто не ответил. Постучал сильнее. По-прежнему никого.

Черт побери. Никаких сокровищ.

Я огляделся. Постарался понять, где же нахожусь, как все это устроено и что я вообще делаю в этой дыре. Непонятно.

В конце концов дверь отворилась за моей спи-

ной. Я обернулся, широкой улыбкой заменив букет цветов. Увы, моя улыбка на ходу завяла.

Да уж, такого я и представить себе не мог.

Неужели все настолько запущено?

Она указала подбородком на сарай. Если я не найду его там, то должен буду пройти до конца дороги и поискать на склонах холма.

— Или его, или собаку! Если увидите собачий хвост, значит, и человек неподалеку!

Она веселилась от души.

Я уже отошел на пару шагов, когда она прокричала мне вслед:

— И напомните ему, что у Тома в шесть тренировка! Он поймет! Спасибо!

Я был потрясен. Хотя обычно я очень внимателен к людям, но я не смог бы вам ее описать. Ни ее лицо, ни одежду, ни даже цвет ее волос. Единственное, что мне запомнилось, было тем, на что я безуспешно старался не смотреть: ее костыли.

* * *

В-двенадцатых, твердая земля

На что я, собственно говоря, рассчитывал?

Не знаю…

На что-то более солидное…

На некую сцену.

Красивую сцену.

Как в романе или в кино.

Особенный свет, величавое небо и мужчина, стоящий на этом фоне.

Да, именно так: мужчина, стоящий с… уф… с чем-то навроде секатора в руке.

И музыкальное сопровождении момента встречи. Пусть звучат трубы из «Звездных войн», «Полет валькирий» или еще какая-нибудь ерунда.

Вместо всего этого я стоял на пороге сарая в тусклом свете неоновой лампы, какой-то пес обнюхивал мои причиндалы, а музыкальным фоном служили остроты «Больших голов»[125].

Неплохо, мой мальчик, неплохо…

Эй, да твоя жизнь — это даже не верблюд, это вообще какой-то мутант!

Сколько я ни щурил глаза, мне никого не удавалось разглядеть.

— Есть кто-нибудь?

Из-под капота трактора (не знаю, есть ли у тракторов капот, и вовсе не уверен, что тот агрегат назывался трактором), ругнувшись, вылез

---

[125] Примечания: 125

Культурно-юмористическая радиопередача, в эфире с 1977 года.

лохматый мужик.

— Здрасьте, — проворчал он, — вы страховщик, да? Паркер! Господи, ко мне!

Ужас.

Уф… Нельзя ли еще раз с начала, но уже без собаки?

Он осмотрел меня с ног до головы. Чувствовалось, что он сомневается. Что, для страхового агента я был недостаточно опрятно одет?

Поскольку я ничего не отвечал, он повернулся ко мне спиной:

— Могу я вам чем-то помочь?

И тут…

И тут меня прорвало:

— Нет, — сказал я, — нет. Вы не можете, зато я могу… Я для этого и приехал. Чтобы помочь вам. Простите. Здравствуйте. Меня зовут Ян. Я… уф… (он обернулся) я вчера вечером познакомился с Исааком Моизом. Он пригласил меня поужинать, а поскольку мы пили ваше вино, рассказал мне о вас. Он рассказал мне вашу историю и про… про болезнь вашей супруги и… и все прочее. Он мне сказал, что вы разуверились, устали, приняли решение продать виноградники и что… (теперь он разглядывал мое лицо, а я отводил взгляд,

чтобы не дать слабину, и пересчитывал масляные пятна на его спецовке) но… но нет. Вы не будете их продавать. Вы не будете их продавать, потому что ради вас я бросил свою работу. Свою работу, жизнь, подругу, все… Ну то есть нет… не ради вас, а ради себя, и я… в общем… Моиз до лета одолжит мне свой дом, у меня есть руки, ноги, справка о том, что я здоров, я бретонец, упрямый, ничего не понимаю в вине, но научусь. Я быстро учусь тому, что мне интересно. А еще у меня есть права. Я могу водить машину. Могу ездить за продуктами. Могу готовить еду. Если хотите, могу сейчас отвезти Тома на его тренировку. Я могу делать все, что ваша… все, что делала Ариана и что теперь ей не по силам. И мои родители тоже вам помогут. Мой отец работал бухгалтером, он сейчас на пенсии, но по-прежнему быстро считает и поможет вам всем, чем сможет, я в этом уверен. К тому же они с моей матерью являются членами своего рода клуба пенсионеров, которые путешествуют по всей Европе на своих автокемперах, и к сбору винограда, вот увидите, они все к вам приедут… Они приедут вместе со своими друзьями англичанами, итальянцами, голландцами, всей компанией. И гарантирую вам, что все изменится, эти люди, они с вас денег

не возьмут, еще и за честь почтут! Не продавайте, Пьер… Все, что вы делали до сих пор, это слишком прекрасно… Не надо опускать руки.

Тишина.

Глубокая тишина.

Тягостная тишина.

Гробовая тишина в мертвенном свете неоновых ламп.

Этот тип смотрел мне прямо в глаза. Его лицо не выражало никаких эмоций. Принимал ли он меня за сумасшедшего? А может, он уже давно на все забил? Может, он уже подписал какие-то бумаги? Может, он бы предпочел, чтоб я оказался страховщиком? Ликвидатором? Помощником нотариуса? Подбирал ли он выражение покрепче, чтоб отправить меня туда, откуда я явился?

Оттачивал ли слова, чтобы доходчиво объяснить всю наглость и тщеславие этой нелепой выходки парижского неженки, не нашедшего себе места в жизни, искателя приключений в биоформате?

А может, он глухой? Или же совсем тупой? Уф… а он ли тут хозяин? Он ли Пьер Каванес? Знает ли он моих соседей по подъезду? Может, он просто сезонный рабочий? Или автослесарь, ремонтиру-

ющий трактора?

Понимает ли он по-французски?

Эй, благородный туземец, твоя понимать, что моя тебе говорить?

Все это продолжалось целую вечность. Мля, дело пахнет керосином, как сказал бы мой приятель каменщик. Я уже не знал, стоит ли мне подойти поближе или бежать отсюда со всех ног.

Проблема заключалась в том, что уходить мне совсем не хотелось. Слишком уж издалека я приехал и слишком долгий проделал путь. Я не мог.

Лампы гудели, потрескивал радиоприемник, пес не вмешивался, я ждал. В руках я по-прежнему сжимал этикетку от вина, а сам четко следовал инструкции, полученной от моего друга Исаака: тешил судьбу.

Выглядел ли я гротескно? Была ли гротескной сама ситуация? Ну и ладно. Тем хуже для меня. Пусть я снова получу под зад коленом, но не покину своего гнезда. Больше не покину. Теперь уже никогда.

Хватит с меня моего добродушия. От него все равно никакого толку.

— Во как… — заговорил он наконец, — вы что же и впрямь столько выпили?

Его лицо по-прежнему выглядело непроницаемым, но капелька зубоскальства, словно певучий штрих, примешалась к вопросительной интонации.

Я улыбнулся.

Он еще немного на меня посмотрел и снова занялся мотором.

— Так значит, это Моиз вас прислал…

— Он самый.

Молчание. Долгое молчание.

«Большие головы».

Чувствую себя неловко.

Спустя какое-то время… не знаю… быть может, минут десять, пятнадцать, двадцать, он поднял голову и указал мне взглядом на руль:

— Давай-ка. Прокатись, посмотрим, как оно.

И я поехал.

Чтобы посмотреть, как оно.

Матильда

Акт первый
1

Кафе около Триумфальной арки. Я почти всегда сижу на одном и том же месте. В глубине зала, слева от стойки бара. Я не читаю, не шевелюсь, не проверяю мобильник, я жду.

Жду человека, который не придет, и от нечего делать наблюдаю за тем, как ночь опускается на «Пристань звезды».

Расходятся последние коллеги, звучат последние тосты, последние плоские шуточки, еще около часа царит полный штиль, и наконец Париж оживает: по улицам рыщут такси, взрослые девочки выходят из леса, хозяин приглушает свет, официанты становятся словно моложе. На каждый стол они ставят свечку — не настоящую, восковую, а ту, что мерцает, но не течет, — и украдкой дают мне понять, что надо бы что-то еще заказать или уж место освободить.

Я заказываю еще выпить.

Это седьмой раз, не считая двух первых, когда я в сумерках прихожу выпить в это злачное место. Я точно это знаю, потому что сохранила все

чеки. Поначалу я, должно быть, воображала, что оставляю их себе на память, по привычке или из фетишизма, но теперь?

Теперь я признаю, что делаю это для того, чтоб мне было за что уцепиться, когда я сую руку в карман пальто.

Существование этих клочков бумаги доказывает, что… и что же все это на самом деле доказывает?

Да ничего.

Что жизнь дорога у могилы Неизвестного солдата.

2

Час ночи. Снова впустую. Возвращаюсь домой.

Я живу возле кладбища на Монмартре. Никогда в жизни не ходила столько пешком. Раньше у меня был велик — по прозвищу Жанно, — но я его недавно потеряла. Уже и не помню, когда именно. После вечеринки у незнакомых мне людей, которые живут, по-моему, где-то возле вокзала Сен-Лазар.

Молодой человек тогда проводил меня до своего дома. Идя с ним под ручку, я веселилась, а

вот в его постели уже нет. Кошачий лоток, узорчатое постельное белье, постер «Бойцовского клуба» над его икеевской кроватью, в общем… я не могла.

Я напилась меньше, чем ожидалось.

Послать куда подальше, внезапно протрезвев, — со мной такого раньше не случалось, и я себя чувствовала препоганейше. Ведь все-таки я была бы вовсе не против. Да, мне бы очень даже хотелось немножко забыться. Мне это нравилось. К тому же Брэд Питт и Эдвард Нортон не так уж плохи, чтоб держать нам свечку. Но что поделать, меня предало мое тело.

Как такое возможно?

Мое тело.

Такое милое…

В тот момент я бы этого не признала, но сегодня вечером, после стольких километров, пройденных в одиночку, после всей этой пустоты, тщеты, нехватки, постоянной нехватки всего везде, я вынуждена смириться: да, это из-за него.

Все из-за этого паразита, чья подрывная работа впервые проявилась тогда, в этой уродской постели.

Я сидела голая и разочарованная, в растерянности прижавшись спиной к стене, как вдруг он

стал утешать меня таким противным голосом:

— Эй… Ты все равно можешь остаться, ага…

Если бы у меня был под рукой карабин, я бы выстрелила ему в голову.

За вот это вот его презрительное «все равно», за одолжение, которое он соблаговолил *in fine*[126] сделать дуре, не пожелавшей у него отсосать.

Ба-бах.

Меня всю трясло. Это продолжалось на лестнице и на улице, где я искала свой велик около фонарных столбов. Меня трясло от ярости. Никогда еще я не испытывала подобного состояния.

Я чувствовала во рту вкус блевотины и плевалась, чтоб избавиться от этой напасти.

А поскольку я неспособна сплюнуть как следует, то попадала в основном на саму себя, измазав слюнями и рукав, и нарядный платок, и так оно было даже намного лучше, потому что иначе как объяснить, откуда во мне вдруг столько злости?

Со мной случилось то, что я заслужила, но я жила… *все равно*.

---

[126] Примечания: 126
В конце (*лат.*).

3

Меня зовут Матильда Сальмон. Мне двадцать четыре года. Формально я все еще числюсь студенткой, изучающей историю искусств (прекрасное изобретение), а на самом деле работаю на мужа своей сестры. Он богат, хорош собою и невозмутим. Он постоянно трет кончик носа и никогда не носит галстук. Он руководит крупным креативным агентством веб-дизайна, брендинга и промоушена (расшифровываю: если у вас есть товар, который вы хотите распространить через интернет, то именно он разработает для вас красивую витрину и маршрут, ведущий клиента прямиком к оплате) (гарантированно безопасной) и нанял меня в прошлом году.

Ему был нужен наемник, мне — деньги на карманные расходы, так что вечером в мой день рождения мы с ним чокнулись и ударили по рукам. Не самый плохой рабочий контракт.

Как студентка я имею право на множество всяких скидок: на билеты в кино и музеи, на оплату фитнеса и на питание в университетских ресторанах, но поскольку большую часть времени я

провожу перед монитором компьютера, медленно, но верно превращаясь в полную идиотку, и при этом слишком хорошо зарабатываю, чтобы кормиться в столовках, то своими льготами я больше не пользуюсь.

Тружусь у себя дома в свободном режиме, почерному, у меня тысяча имен, адресов, ников, столько же аватарок, и я целыми днями строчу фальшивые комментарии.

Помните контролера со станции «Лила»[127]? Так вот это в точности про меня. Я столько выдаю на-гора, что тоже могла бы спеть:

Пишу комменты, комменты, маленькие комменты,
Второсортные комменты,
Первоклассные комменты…

Мне дают длиннющие списки сайтов с заданиями «опустить» или же «praise only»[128] (все самое ценное в интернет-сообществе всегда говорится по-английски), когда надо сначала подпортить

---

[127] Примечания: 127

«Контролер со станции „Лила“» («Le poinçonneur des Lilas») — песня Сержа Генсбура (*Serge Gainsbourg*, 1928–1991), французского поэта, композитора, автора и исполнителя песен, актера и режиссера.

[128] Примечания: 128

Только похвалы (*англ.*).

рейтинг, а затем добить потенциального клиента, чтобы предложить ему, разумеется, после того как он должным образом раскошелится, море позитивных откликов на всех форумах и наилучшую возможную позицию в выдаче Google.

Пример: компания *superyoyo.com* занимается производством и продажей суперигрушек йо-йо, но из-за того, что у компании супербездарный сайт (а чтобы в этом убедиться, достаточно лишь почитать все эти нелестные отзывы, оставленные, расшаренные, скопированные, перепощенные, прицепленные, процитированные, отмеченные, написанные в блоге, твиттере, на стене, в чатах, тегированные, запрашиваемые, все эти дислайки и дислолы, разбросанные здесь и там, за подписями Micheline T. (я), Jeannotdu41 (и снова я), Choubi_angel (опять я), Helmutvonmunchen (Ich[129]) или NYUbohemiangirls (me and myself[130])), в Yoyoland царит супербольшая печаль. В конце концов мсье и мадам Йо-йо, проинформированные должным образом о выдающихся заслугах моего зятька — для этого используется одна довольно кривая,

[129] Примечания: 129
Я (*нем.*).

[130] Примечания: 130
Здесь: я и только я (*англ.*).

но хитроумная схема (слишком длинная, чтобы здесь рассказывать) (все это так неважно), так вот, мсье и мадам ведутся и сами приходят умолять его сделать им новехонький, самый новый сайт абсолютно немедленно. Чего бы то ни стоило! Это вопрос жизни и смерти целого предприятия! И мой зятек в конечном итоге великодушно соглашается им помочь и каких-то три недели спустя — о, чудо! — стоит только набрать на клавиатуре «уо» или «уоу», как ты прямиком попадаешь в Yoyoland (по одной только первой букве «у» еще не выдает, но над этим без устали трудятся), и — о, снова! Какое чудо! — «я» заказывает десяток игрушек для своих шестерых внуков, «и снова я» в полном восторге и уверяет, что расскажет об этом на всех ресурсах супермо-йо в мире, «опять я» говорит, что это оче оче круто —!!! «Ich» хотеть поиметь информации für обределить Yoyo Sector дестрибьютер, а «me and myself» are sooooo excited *coz yoyos are sooooo french*[131].

Вот и все: я просто пишу комменты. А мой зять откуда-то из недр свой немереной квартиры в 16-м округе Парижа ищет новые пути развития.

---

[131] Примечания: 131

Тааак возбуждены, поскоку йо-йо это тааак по-французски! (*англ. прост.*).

Я знаю, на самом деле это была плохая идея. Уж лучше бы дописала (хотя бы начала) свою дипломную работу «От Вильгельмины королевы Нидерландов до Поля Жуани, история и концепция караванов акварелистов и прочих колесных средств для живописи на пленэре» (круто, да?) или бы подумала о своем будущем, о собственной заднице и пенсионных баллах, но, увы, я уже разуверилась по ходу и живу как придется, одним моментом.

Потому что все подстроено… Потому что это всего лишь комменты… Потому что полюса тают, банкиры наконец защищены от убытков, крестьяне вешаются в своих амбарах, а скамейки в общественных местах теперь разделяют перегородками, чтобы на них не устраивались бездомные… И что же, на самом деле? Неужели же я стану заморачиваться, расставляя свои ловушки в таком мире?

Чтобы не думать об этом, я участвую в мелких махинациях моего зятька и Ларри Пейджа[132]: лгу днями напролет и ночами напролет танцую.

Ну, в общем… Раньше танцевала. А теперь потуже затягиваю поясок и брожу в лунном свете

[132] Примечания: 132

Пейдж, Ларри (*Lawrence Page*, 1973 г. р.) — американский разработчик, совместно с Сергеем Брином основавший поисковую систему Google.

в ожидании парня, который даже не знает, что я его жду.

Вот уж действительно, полный бред.

Видно, я совсем чокнутая, остро нуждающаяся, хрупкая, раз докатилась до такого.

4

Полин и Жюли Д. — сестры-близняшки, с которыми я снимаю квартиру площадью 110 кв. м. на улице Дамремон. Одна из них работает в банке, другая в страховой компании. Мои с ними отношения — чистый рок-н-ролл. Между нами нет ничего общего — именно в этом и заключается секрет гармоничности нашего совместного существования: я бываю дома, когда их там нет, а когда приходят они, там уже нет меня.

Они ведут счета, я получаю их посылки (всякие глупости из интернет-магазинов), хожу за круассанами, а они выносят помойку.

Это великолепно.

На мой взгляд, они обе дурочки, но я рада-радехонька, что на своем кастинге они выбрали именно меня. Они провели целый ряд собеседований из серии «*в поисках новой соседки,*

практически безупречной» (о боже…) (как грандиозно…) (еще один незабываемый эпизод моей сумасшедшей юности…) и выбрали меня. Хотя я так никогда и не смогла понять почему. В то время я работала сотрудником, да что я говорю, каким там сотрудником, просто смотрителем! дежурной! в музее Мармоттан[133], так что думаю, папаша Моне добавил мне баллов: юная девушка, чистенькая-опрятненькая, которая проводит столько времени среди знаменитых «Кувшинок», по определению не может быть непорядочной.

В общем, как я уже говорила, обе они дурочки.

Париж для них представляет собой лишь обязательную строчку в резюме. Жить им в Париже не нравится, и обе они только о том и мечтают, как бы поскорее вернуться в свой родной Рубэ, где у них остались и папа, и мама, и их жирный кот Папуй, и куда они сваливают при первой же возможности.

Я с удовольствием пользуюсь выпавшей на мою долю удачей (суперквартира в моем единоличном пользовании по выходным с целой

[133] Примечания: 133

Музей Мармоттан (полное название: Мармоттан-Моне) — расположенный в 16-м округе Парижа музей изобразительных искусств, известный своей коллекцией полотен импрессионистов, и в частности крупнейшим собранием работ Клода Моне.

стопкой аккуратно сложенных под раковиной салфеток из микрофибры, которыми так удобно вытирать блевотину моих друзей), пока сестрички не решились окончательно покинуть Париж.

То есть я пользовалась. Но сейчас я… уже в этом совсем не уверена. Мне кажется, мне становится все сложнее их выносить… (Приходя домой, они натягивают на ноги тапочки «Изотонер» и слушают за завтраком радио «Шант Франс», порой это нелегко), но на самом деле проблема во мне, и я это четко осознаю. Они обе всегда предельно любезны и даже делают звук потише, когда я витаю в ароматах их утреннего кофе с цикорием. Мне не в чем их упрекнуть.

Да, это именно я и только я виновата в своем состоянии. Вот уже почти три месяца, как я не наслаждаюсь жизнью, никуда не хожу, не пью алкоголь, не…

Не чувствую себя хорошо.

* * *

Три месяца тому назад в квартире еще шел ремонт.

Она досталась нам не в самом лучшем виде, и Полин (наиболее ушлая из сестер) убедила хозя-

ина доверить нам ее ремонт в счет погашения арендной платы в размере суммы окончательной стоимости проведенных работ. (Та еще фразочка, авторство не мое — уверяю вас!) Сестрички радовались как дети, купили себе рабочие комбинезоны, начертили планы, перелистали горы каталогов, запросили массу смет, обсуждали их вечерами напролет, прихлебывая свои травяные чаи. Я тогда даже задумалась, не ошиблись ли они в выборе профессии.

Вся эта суета меня раздражала. Мне нужен был покой, поэтому я не появлялась дома, перебравшись варганить тексты в улей к своему зятьку в компанию ко всем этим его милым айтишникам последнего поколения, ладно, надо признать, у нас действительно были проблемы с проводкой (стоило только включить плиту, как мой комп начинал моргать), со стен облезала краска, а в ванной было не развернуться (приходилось все время перешагивать через старое биде). И поскольку сама я ремонтом не занималась, то когда девочки предложили мне просто заплатить свою часть, причем лучше наличными, — тогда нам еще и НДС (как минимум!) вернут и мсье Карвальо (избранный строитель, изворотливый и очень занятой) нас отблагодарит, — я не заста-

вила себя просить.

Да, с этой точки зрения, я же не дикая.

Почему я об этом вспомнила? Потому что, если бы не вкрадчивый шантаж мсье, «измученного» всеми этими его социальными выплатами, если бы не стремительный рост НДС в строительстве и если бы все мы не были в этом виноваты, абсолютно все — и девочки, и мальчики — а прежде всего он, — то я бы сейчас не торчала в этом депрессивном квартале в ожидании собственного конца.

Рассказываю:

5

Это было в кафе около Триумфальной арки. Я сидела в глубине зала, слева от стойки бара. Я не читала, не беспокоилась, не проверяла свой мобильник, я ждала Жюли.

Мою соседку по квартире, ту, что работает в банке, в BNP (сама она всегда уточняет: BNP Paribas), и все у нас считает, записывает расходы, делит на всех (квартплата, коммунальные платежи, подарки консьержке, счета, чаевые, моющие средства, календарь с пожарными, туалетная бу-

мага, гель для душа, коврик для ванной и прочее в том же духе, еще более невообразимое).

Мы договорились встретиться с ней во второй половине дня, ближе к вечеру, в каком-нибудь баре рядом с ее работой.

Меня немного злило, что ради ее прекрасных глаз мне пришлось тащиться через весь Париж, но я знала, что ей еще потом надо успеть на поезд, к тому же все-таки я… уф… в нашей компании наименее усердная.

Жюли должна была мне передать деньги за себя и сестру для нашего любимого мошенника строителя, с которым я собиралась встретиться утром следующего дня, в общем, довольно пухлый конверт, или десять тысяч евро наличными.

Да уж… Ни хухры-мухры… Как в Версале.

Я воспользовалась свободным временем и прошлась по магазинам — в то время я была еще самой заурядной миниатюрной брюнеткой: глупой, игривой пустышкой и транжирой — и, поджидая Жюли, я не сводила глаз с кучи пакетов, лежавших подле меня на молескиновой банкетке, полных всяких штучек, аксессуаров, косметики и прочих ненужных пар обуви.

Я изучила километры витрин и теперь потягивала свой мохито, оправляясь от пережитого.

Я чувствовала себя разбитой, поверженной, раскаивающейся и абсолютно счастливой.

Девочки поймут.

* * *

Жюли появилась ровнехонько, как договаривались, минута в минуту, в своем сером мышином костюмчике. У нее не было времени со мной выпить, хотя, так и быть, она согласилась — ну разве что бутылочку минеральной воды. Она дождалась, пока официант уйдет, недоверчиво огляделась по сторонам, в конце концов извлекла из своего портфеля пухлый конверт и протянула его мне со страдальческим видом, как любой банкир, вынужденный вам выдать немного денег.

— Ты что, даже в сумку не уберешь? — заволновалась она.

— Уберу, уберу. Конечно. Извини.

— Ты знаешь, это все-таки крупная сумма…

Я невозмутимо размешивала листики мяты в своем бокале, но судя по всему, ее это не убеждало:

— Ты ведь будешь внимательна, да?

Я с важным видом подтверждаю (бедняжка, откуда ей знать, что от капли рома с лаймовым соком я не пьянею…), затем беру всю наличность

и кладу в сумочку, которую для пущей убедительности оставляю у себя на коленях.

— Вся сумма в купюрах по сто… Я сначала засунула их было в обычный банковский конверт, но потом подумала, что это слишком заметно. Из-за логотипа, ну ты понимаешь… Поэтому я конверт поменяла.

— Ты все правильно сделала, — отвечаю я, одобрительно кивая головой.

— Да, и к тому же, как ты видела, я не стала запечатывать конверт, чтобы и ты могла доложить туда свою часть…

— Прекрасно!

И поскольку она оставалась все такой же напряженной:

— Эй, эй, Жюли… Все в порядке, вот… — добавила я, перекинув через голову ремень сумки. — Смотри! Я вылитый сенбернар! Да получит он свои денежки, этот ваш жулик Антонио, все получит. Не волнуйся.

Она растянула губы то ли в улыбке, то ли в тяжелом вздохе, сложно сказать, и занялась изучением счета.

— Оставь, это мой счет. Давай, беги уже, а то опоздаешь на поезд. Поцелуй там от меня своих родителей и скажи Полин, что ее посылка по-

лучена.

Она встала, бросила последний печальный взгляд на мою старую сумку, завязала пояс на своем тренче и отправилась, словно бы с сожалением, на уик-энд в отчий дом.

И только потом, в этом кафе около Триумфальной арки, где я сидела в глубине и т. д., я отыскала свой мобильник. Марион оставила мне сообщение, любопытствовала, купила ли я то маленькое синенькое платьице, которое мы вместе с ней обнаружили на прошлой неделе, насколько я уже влезла в долги и есть ли у меня планы на сегодняшний вечер.

Я ей перезвонила, и мы отлично поболтали. Я в подробностях описала свою добычу, синенькое платьишко не взяла, зато купила отпадную пару туфель, премиленькие заколки и восхитительное белье, ну да, конечно ты знаешь, лифчик такой, как у «Эрес», ну да, с такими чашечками и такими бретельками, трусики умопомрачительные, нет, нет, уверяю тебя, совсем недорогие и, правда, очаровательные, ну да, конечно ты знаешь, такие, что прячут все самое вкусненькое в кружевах, и бла-бла-бла, и то да сё, и о-ля-ля.

Потом я рассказала ей о том, как тряслась наша великая отмывательница денег, моя соседка, о

конверте с логотипом, и даже о том, как я повесила сумку себе на плечо с видом заправского предводителя скаутов Франции, чтобы ее утешить, и тут уж мы, само собою, так и покатились со смеху.

Потом мы поговорили о всяких серьезных вещах, а именно: об организации одной вечеринки, о тех, кто там будет, и как мы с ней собираемся туда нарядиться. Не забыв попутно, в первом приближении, перебрать всех особей мужского пола, которые могли туда заявиться, с полной и исчерпывающей характеристикой каждого: пробег, изношенность, семейное положение, список дипломов и репутация предприятия.

Болтовня разбудила жажду, и я заказала еще мохито, чтобы подкрепиться.

— Что это ты там грызешь? — внезапно заинтересовалась моя приятельница.

— Кубики льда, — призналась я.

— Но как ты можешь? — в ужасе воскликнула она, а я ей в ответ, с идиотским видом намекая на секс, возьми да и ляпни, что, мол, в определенных обстоятельствах привычка грызть лед очень даже помогает.

Конечно, это была пустая бравада. Мутная чушь, отрытая в каком-то старом детективе,

которую я выдала, просто чтобы рассмешить подругу, и тут же забыла, но отчетливо вспомнила несколько дней спустя и страшно испугалась.

Я еще расскажу почему.

Марион в конце концов повесила трубку, я оставила на столе пару купюр, собрала свое барахло и, только когда полезла за ключами от замка к своему велику, поняла, что теряю контроль.

Все остальные сумки у меня были с собой, пакеты с кремами против морщин и с трусиками в горошек, — не хватало только той единственной, которая была действительно ценной.

— Черт, — прошептала я, — ну надо же быть такой идиоткой… — и галопом понеслась обратно, ругая себя на чем свет стоит.

6

Как сильно я вдруг вспотела… И как холодны были эти капельки, сползающие вдоль моего позвоночника… А мои ноги… Они подгибались от слабости… Но продолжали бороться с притяжением куда-то ускользающего пола…

Я рассуждала, урезонивала себя.

Я урезонивала себя, перебегая дорогу в непо-

ложенном месте под гудение шарахающихся от меня автомобилистов. Я говорила себе: «Послушай, прошло от силы несколько минут, ты отошла на какую-то сотню метров. Сумка там. Официант наверняка ее заметил, подобрал, пересчитав щедрые чаевые, положил в надежное место и очень скоро отдаст тебе, возведя глаза к небу: ох уж эти девушки…

Успокойся, толстуха, возьми себя в руки».

Я чуть было не угодила под машину и ни капельки не успокаивалась.

Банкетка была еще теплая, на ней по-прежнему виднелся отпечаток моих ягодиц, оставленные мной купюры послушно лежали на столе, а вот сумки не было.

7

Официанты ничего не понимали. Хозяин заведения ничего не понимал. Нет, нет, они ничего не находили, но знаете, учитывая район, здесь уже ничему не стоит удивляться. Вот только на прошлой неделе у них стащили мыльницы из туалетов. Да-да, вы не ослышались: мыльницы. Это немыслимо, вы не находите? Свинтили

мыльницы вместе с крепежом. И в этом мире мы живем. Чего уж тут говорить о кадках с растениями вокруг террасы, которые они по вечерам закрепляют цепями. Каково? А столовые приборы? Знаете, сколько у нас выносят столовых приборов в год? Ну назовите какую-нибудь сумму, просто для примера.

Конечно, весь этот утешительный компот я не воспринимала. Мне до этого не было никакого дела. Я была в абсолютной панике, но раз после меня отсюда, по их словам, никто не выходил, значит, этот непорядочный человек все еще здесь.

Я обошла зал и все столики на террасе, осматривая банкетки, стулья, колени, заглядывая под столы и роясь в вещах на вешалках. Я налетала на людей, извинялась, сдерживала слезы, спустилась к туалетам, женский, мужской, «Вход воспрещен», прошла на кухню, приставала ко всем с вопросами, отталкивала тех, кто хотел меня вывести, умоляла, обещала, не выдерживала, клялась, улыбалась, шутила, пристально изучала, сканируя, приближая, просвечивая насквозь, следила за входом и в конце концов вынуждена была смириться с очевидным: и сумки нет, и ни единого подозреваемого на горизонте.

Меня обманывали. Или же я сошла с ума.

Это возможно. Думаю даже, именно так оно и было. Я была уже неспособна мыслить логически и просто перебирала в голове разные варианты: потеряла ли я сумку, пока шла к велосипеду? Ремешок порвался мне в наказание за то, что я смеялась над своими любезными командиршами? Стала ли я жертвой карманника-виртуоза, орудующего в верхней части Елисейских полей? Это и есть мой свободный вечер? А что, похоже, что все остальные дни недели я провожу в богадельне?

Я уходила оттуда совершенно разбитая под удручающий гул сочувствующих голосов:

— Искренне сожалеем, мадемуазель. Оставьте нам свой номер на всякий случай. И все-таки проверьте помойки в этом квартале. Знаете, они берут только деньги, от остального отделываются сразу. Подождите немного, прежде чем заявлять в полицию, хотя, конечно, бумаги нынче дорогого стоят. В любом случае, я вам говорю, со всеми этими цыганами, которые уже второй год ошиваются на Елисейских полях, здесь больше нечему удивляться.

Ладно… Удачи.

Выйдя на улицу, я разревелась.

Я плакала из-за самой себя. Из-за собственной глупости. Из-за всех этих абсурдных сумок, которые держала в руках. Из-за всех этих вещей, в которых я не нуждалась, на которые мне было наплевать, которые только мешали теперь и…

А мои талисманы, и весь мой хлам, и мои фотографии… И мой телефон, и моя прекрасная косметичка, и мои ключи, вместе с адресом, с нашим адресом, прямо указанном на ключах, а значит, придется менять замки, а соседки мои сейчас далеко, да и на их понимание в такого рода ситуациях рассчитывать не стоит… А моя кредитка, и мой любимый портмоне, и мои деньги, их деньги… Да, их деньги, черт подери! Десять тысяч евро! Десять тысяч евро, которые я должна была отдать этому их дружку завтра утром! Но как же можно быть такой идиоткой? Да уж, как по телефону перед Марион выпендриваться, так нет тебе равных, а стоило только поручить тебе что-то важное, так уж и нет никого.

Что мне делать? Что я должна делать? Как меня зовут? Почему я настолько несносна? Почему? И где можно с этим покончить? Где тут у нас Сена? Мама. Мария. Бог мой. Помогите мне.

Господи, сделай так, чтобы. Господи, обещаю тебе. Иисус, Мария, Иосиф, конечно, выгляжу я

совсем не так, но на самом деле я очень часто думаю о вас, знаете, и… И десять тысяч евро, черт подери! Но что у меня в конце-то концов с головой? Как можно быть такой дебилкой? Ох… Святой Антоний[134]… Святой Антоний Падуанский, отвори все укромные местечки… Сжалься… Мои фотки, мой телефон, мои сохраненные сообщения, контакты, воспоминания, моя жизнь, мои друзья… А теперь еще и мой велосипед… Мой пристегнутый велик, который уставился на меня как дурак, ведь и его теперь тоже украдут! И мне даже нечем заплатить за такси… И уж тем более нечего предложить нашим девушкам из Рошфора[135]… О господи, моя кредитка, с кодом и телефоном экстренной связи, чтобы ее заблокировать, мои друзья, мой безлимитный абонемент в кино, видео первых шагов Луизона, моя тушь «Диор», помада «Коко», записная книжка, ключи от агентства, моя любимейшая фотка из автомата, где я вместе с Филу в супермаркете Hyper U в Планкуэте… и мой бесценный блокнот, и все

[134] Примечания: 134

Святой Антоний Падуанский (1195–1231) — один из самых почитаемых святых католической церкви, считается покровителем бедных и путешествующих, помогает отыскивать потерянные ценности.

[135] Примечания: 135

«Девушки из Рошфора» (1967 г.) — музыкальная комедия режиссера Жака Деми на музыку Мишеля Леграна.

воспоминания, которые он хранил… и пилочка для ногтей… и десять тысяч условных единиц… и… ох…

Я ревела.

Много.

Слишком много.

Иногда стоит только начать, и одни слезы порождают другие. Я очень долго ревела. Я оплакала абсолютно все. Все, что я в себе не любила, все тайные глупости, что уже совершила, все, что уже по ходу потеряла с того момента, как поняла, что некоторые вещи теряются навсегда.

Я проревела всю дорогу от площади Звезды до площади Клиши.

Полила слезами весь Париж. Всю мою жизнь.

8

У консьержки нашелся дубликат ключей. Мне хотелось ее расцеловать. В знак благодарности я даже погладила ее собаку. Добравшись наконец до домашнего телефона, я сообщила об утрате банковской карты, нашла в папке «Ремонт» номер и оставила сообщение для сеньора Карвальо, чтобы выиграть время. Какая удача

в моей полосе неудач наткнуться на автоответчик. Правда, я сильно сомневаюсь, что он понял хоть слово из той каши, что я ему выдала déou connefousãtionne[136]. Неважно, мне все равно теперь некуда перезванивать. Я заперла дверь на два оборота, отправила по электронной почте отчаянное сообщение Марион, приняла душ, порылась в сестринских вещах, подтырила у них снотворных, накрыла одеялом то, что от меня осталось, и закрыла глаза, повторяя про себя абсолютно тупую фразу Скарлетт О'Хара о том, что завтра будет другой день.

Да уж, маленькая бестия, да уж…

Завтра будет гораздо хуже…

Мне хотелось умереть. Знаю, глупо было рассчитывать на такое чудо, приняв пару таблеток «Донормила», ладно, проехали, больше всего мне бы хотелось сегодня вечером, чтобы моя мама сидела у моего изголовья и, тихо напевая песенку, нежно гладила меня по голове и чтобы это длилось вечно.

Я принялась тихонечко напевать эту песенку сама себе, чтобы добить себя окончательно, и

---

[136] Примечания: 136

Здесь: в замешательстве (*искаж. фр. — итал.*).

когда слез больше не осталось, ради восполнения запасов отправилась затариться бутылкой-другой.

* * *

Я с таким трудом одолжила у своего зятя три тысячи, которых мне не хватало на оплату своей части расходов на ремонт, что теперь слабо могла себе представить, как попросить у него еще десять…

Мне и так уже пришлось выслушать его нотацию о белках, стрекозах и муравьях. Нет-нет, ничего серьезного, нет, но от этого было еще противнее. Снисходительные нотки. Покровительственный тон.

Мне не нравилось, когда со мной обращались, как с маленькой девочкой. Моя мать умерла, когда мне и семнадцати еще не исполнилось, поэтому мне смешон Артюр Рембо со всеми его пивными кружками и шипучкой[137]. В этом дерьмовом возрасте, бывает, становишься очень серьезным. Главное, этого не показывать. Продолжаешь жить, без гроша в кармане, покупаешь всякую чушь, чтобы как-то развлечься, все самое

---

[137] Примечания: 137
Намек на стихотворение Артюра Рембо (1854–1891) «Роман».

ценное, разумеется, теряешь. Ладно, о'кей, все это печально, но это известный факт, с которым живут, как и со всеми прочими. Вот только не надо больше никаких нравоучений. Нет, это больше не возможно. Тех, кто *знает жизнь* и хочет тебя поучить, уничтожаешь на месте.

Сидя на полу в темноте, прислонившись к дверце духовки, я предоставила мсье Gordon's и мадам Smirnoff позаботиться о моем утешении и забальзамировать мое горе. Я не стану сейчас ударяться в разный психологический бред, но когда мама умерла, мне приходилось сильно стискивать зубы (был ли у меня выбор?), и моя нынешняя потеря этой сумки, когда-то принадлежавшей ей, вместе со всем грузом связей, свидетельств, воспоминаний и всех этих мелких штучек, нежных и незаменимых, теперь наконец-то давала мне полное право оплакать свою утрату.

Я смеялась, захлебываясь слезами и шмыгая ношом. Своим лтом выдавала флова, разрывающиеся черте как. Словно куски димани… динами… ди… которыми я… ди… ать… кто это… здесь… мои шлюзы…

Все взлетело на воздух.

Все.

Все.

Все.

9

Проснулась я в 13:38, как показывали часы на дверце духовки, с жесточайшим похмельем. Самым выдающимся в моем послужном списке.

Я лежала, свернувшись калачиком, на кухонном полу и, пристально изучая межплиточные швы, считала «барашков» под мебелью. «Смотри-ка, — говорила я сама себе, — а он здесь, тот маленький ножик, а мы-то считали, что смахнули его вместе с очистками, а он здесь…»

Сколько времени я так пролежала? Часы. Один за другим. Солнце уже перебралось в салон. В наш роскошный салон, совсем новенький и даже еще не оплаченный.

Уф… Еще минуточку, мадам Тарарам… Буквально пару минут еще полежу носом в помойку, а потом отправлюсь в комиссариат, обещаю вам. Я предупрежу своих дражайших соседок и позвоню зятю. Скажу ему: «Эй, Джеф, у меня есть для тебя отличная новость! Мне нужно еще десять тысяч евро! Ну ладно тебе, будь ласков, чего ты… Я буду писать для тебя дебильные комментарии еще сто пятьдесят лет, отрабатывая свои долги. В любом

случае, видно, только на это я и гожусь, что ж… Быть кем угодно и рассказывать что угодно».

Я в саду Маревских в Варенн. Мама объясняет мне, почему не надо рвать крохотные белые цикламены, жмущиеся к подножиям лип:

— Чтобы они могли дать семена, ты понимаешь?

Она говорит мне это уже в сотый раз, но я настолько взволнована ее появлением, что не решаюсь перечить. А потом откуда-то издалека до нас вдруг доносится страшный шум. Гром? — пугается мама, нет, отвечаю я ей смеясь, нет, это ремонт, ты же знаешь, они в квартире сейчас все ломают, и тогда она мне…

Кто-то барабанил в дверь. Черт, который сейчас час? Звонки, крики, чудовищный гвалт. О-о-ох, моя голова-а-а-а… Я приподнялась, у меня… что-то прилипло к щеке… хлебный мякиш… 18:44… Черт, я весь день провалялась под раковиной и… ай… еще этот гадский сифон.

— Открывайте, или я вызову пожарных! — требовал чей-то голос.

Консьержка. Она была вне себя. Она уже третий раз ко мне поднималась. Она с самого утра пыталась до меня дозвониться. Моим соседкам

также не удавалось со мной связаться, и они трезвонили ей.

— А поскольку я поклялась им, что вы здесь, так вот они разволновались, вы понимаете? Подумали, что с вами что-то случилось. О господи… сколько хлопот! Сколько хлопот вы нам доставили!

Мой отец до них дозвонился. Отец, с которым я не разговаривала вот уже несколько лет, но чей телефон по-прежнему значился в моих контактах под именем «Папа» из чистой слабости и/или остатков дочерней любви… но поскольку мадам Старович видела, что я в полной прострации и ничего не понимаю из того, что она мне тут прогоняет, то в конце концов она просто схватила мою руку и ласково так ее потрясла:

— Кто-то нашел вашу сумку…

Она отпустила меня, вытаращив глаза.

— И что? Почему же вы плачете? Не надо так плакать, помилуйте. В жизни все образуется!

Я слишком громко всхлипывала, чтобы подтвердить ее правоту. Я пробовала взять себя в руки, успокоить ее, но видела, что она принимает меня за окончательно сбрендившую, и пока я улыбалась ей вся в соплях, в моем растерзанном грязном мозгу звучал тоненький голосочек: «Ох,

спасибо… Спасибо, мама».

10

Я позвонила на Крайний Север. Мне повезло, трубку взяла Полин, иначе моей участи не позавидовала бы и Суассонская чаша[138], окажись она даже из чистого асбеста[139]. А так у нас получился обычный, не слишком радушный разговор, состоящий из горестных вздохов, язвительных замечаний и минимума информации, процеженной сквозь зубы. Меня все это настолько достало, что в конце концов я прогнала ей какую-то немыслимую хрень (знаю, знаю, в этом нет никакой моей заслуги, это просто моя работа), не рискнув послать ее куда подальше. На сегодня эмоций мне было достаточно. Так что, уточнив

---

[138] Примечания: 138

Суассонская чаша — по легенде, была разрублена мечом при дележе трофеев после битвы при Суассоне в 487 году одним из воинов, не согласившимся отдать ее королю франков Хлодвигу, который собирался по просьбе епископа вернуть ее церкви. Годом позже на военном смотре Хлодвиг разрубил голову непокорному воину со словами: «Вот так и ты поступил с той вазой в Суассоне».

[139] Примечания: 139

Асбест — токсичный канцерогенный материал. Его опасность для здоровья, полный запрет на использование, а также меры по выявлению, изъятию и уничтожению этого материала в ранее построенных зданиях широко обсуждаются во Франции с конца 90-х годов XX века.

усталым голосом, что она не обязана обращаться со мной как с полоумной, я сказала, что их конверт уже не лежал в той сумке и их денежки целы и невредимы. Все хорошо. Конец психодрамы. Расходимся.

Ха… Как же она сразу расслабилась, маленький мой волчонок… Ее голос стал теплее градусов на десять, и все ее объяснения прояснились. Я, конечно, выслушала все то важное, что она имела мне сообщить, но именно в этот момент поняла, что тягостным годам нашего душевного согласия пришел конец и я съеду с квартиры на улице Дамремон как можно скорее. Жизнь коротка, и уж лучше я соглашусь на изгнание в пригород (бррр), чем буду жить с теми, кому доставляет удовольствие читать мне нотации и строить страшные глаза.

Ненавижу всю эту мораль и морализаторов. Мне на них насрать. Особенно, когда весь этот священный огонь, так греющий им душу, питающий их проповеди, выговоры и благородное негодование, оборачивается ворохом купюр.

Ладно… уф… прекрасная фраза, полнозвучная и красивая, от каждого оборота так и веет дядькой Гюго, вот только все это пустой звон, такой же, как царит в моей голове: десять тысяч евро

растворились в воздухе, а в Деда Мороза я уже давно не верю. Даже если этот тип, позвонивший «Папе» из моей записной книжки, нашел мою сумку, он не вернет мне ее содержимое.

Увы, но нет…

Все, конечно, как-то уладится, но, исходя из этого, утверждать, что жизнь прекрасна, уже чересчур.

И где я возьму эти чертовы бабки? Але-оп: мозг снова включился в турборежим. Но теперь это не страшно. Теперь мы перешли к материальному миру, а на материальное нам плевать.

Материальные ценности не умирают в больничной палате.

Единственное «но» заключалось в том, что этот тип предупредил моего предка, — а тот передал его слова моим дурочкам, — что он уезжает из Парижа на весь длинный уик-энд (следующий понедельник — нерабочий день) и предлагает мне встретиться с ним в том же кафе, где я забыла сумку, только во вторник около пяти часов вечера.

Сначала я было подумала, что это какой-то нахал и что он мог бы отдать мою сумку хозяину бара, а потом сообразила, что, может быть, именно из-за этих денег он не решился так поступить.

В конце концов конверт был не запечатан… И я, бедняжка, снова уверовала в Деда Мороза…

Позже я пошла проветриться к Марион, и мы отметили мое воскрешение.

Самым достойным образом.

11

Следующие три дня прошли странно. Сестрички устроили себе маленький отпуск (да-да, им двадцать восемь лет и они всегда подстраиваются так, чтобы провести свободное время *всем вместе* с родителями и их толстым Папуем), так что до вечера вторника я осталась одна.

Я не находила себе места. Я ждала. Хоть кого-то, хоть что-нибудь, хоть какого-то облегчения, хоть какого-то разочарования.

Хоть какую-то историю.

Я занялась делами совсем мне не свойственными: уборкой, глажкой, разбором корреспонденции. Я перебирала вещи, бумаги, книги, диски. Просматривала обложки, перечитывала по ходу некоторые страницы. Компьютер я не включала. Занимала руки, чтобы отвлечь голову. Извлекла на свет божий конспекты лекций и материалы к

диплому, нашла серию своих эскизов, сделанных в музее машин в Компьене.

Все это было сто лет тому назад, одним прекрасным осенним днем… об этом напоминала мне нежность моей штриховки.

Я спрашивала себя, почему я все это забросила. Мне нравились мои истории про колесные средства, к тому же моя совесть оставалась чиста: я не вносила своего ослиного вклада в ту чушь, которой и без меня хватало в искусстве. Почему вместо этого я продавала какие-то йо-йо? Почему я называла себя Choubi_angel и изъяснялась как придурок, перемежая свою речь этими идиотскими смайликами?

Почему я до сих пор так и не съездила полюбоваться конюшнями дворца Хет Лоо[140] близ Апельдорна, повосхищаться переносимой на носилках очаровательной коробкой акварельных красок королевы Вильгельмины и ее белоснежным катафалком? А? Почему?: — (: — /:’-(

Я училась жить, отказавшись от телефона, смс, мейлов и автоответчика.

Отказавшись от любимой игрушки, за которую

---

[140] Примечания: 140

Летний дворец нидерландской королевской фамилии. Построен штатгальтером Вильгельмом III в 1680-е годы.

хватаешься по поводу и без…

Я училась справляться с апатией повседневности и находить в этом некоторую радость. Скоро ль время варить варенье и вышивать на пяльцах? Я была рассеяна, заговаривалась, думала о… о том мужчине, что уехал на выходные, унеся с собой частичку меня в сумке, перекинутой через плечо. Я думала о том, сколько ему лет, деликатен ли он, хорошо ли воспитан, любопытен ли, звонил ли он по каким-то еще телефонам, прежде чем попробовал номер моего отца, просмотрел ли он мои фотографии, поглаживая экран, пролистал ли мой дневник, заглянул ли в мои документы, чтобы узнать, на кого я похожа — на водительских правах я бритая под ноль (каждый носит траур как может), а на моем абонементе в кино выгляжу эдакой девочкой-припевочкой, — нашел ли он мои презервативы Hello Kitty, мой крем от кругов под глазами, мой листик клевера с четырьмя «лепестками», мои тайны…

Изучал ли он все это прямо сейчас, в тот момент, когда я о нем думала? А что там с десятью тысячами? Пересчитал ли он их? Возьмет ли комиссию за свою безупречную службу? Или прикинется удивленным? А, что вы говорите, там еще был какой-то конверт? Не знаю, я ничего не

трогал… Да, я и к такому варианту была вполне готова: ведь если он обнаружил мою сумку сразу после моего ухода, то почему просто не догнал меня на улице? Я шла небыстро. Два мохито в желудке, и целая жизнь впереди…

Почему?

Потому что он медленно соображает? Рассеян? Псих? Да, и где же он сидел? И как это я могла его не заметить, если, слегка напиваясь, я больше всего на свете обожаю смотреть по сторонам?

Длинные пасхальные выходные — для того чтобы размеренно и вместе с тем лихорадочно отдохнуть в своей горячо любимой квартире, в которой мне больше не хотелось жить, несколько часов тишины, примирения, накануне встречи, занимавшей все мои мысли, но оставлявшей меня равнодушной.

Впервые за долгие годы мне снилась мама, я видела ее еще не бритой наголо, слышала ее голос. Такой подарок стоил десяти тысяч евро и моря слез, и, если б я это знала, я б уж давно ее потеряла, эту ее сумку…

12

Конечно, теперь, оглядываясь назад, я думаю, что могла бы уже заподозрить неладное где-то, так скажем, с часу дня вторника, это точно.

Я могла бы себя спросить, святая наивность, с чего это я столько времени провела, наводя на себя красоту. С чего это я столько напомаживалась гелями да кремами, чистила перышки, расфуфыривалась, почему я сначала надела платье, потом переоделась в брюки, потом снова надела платье, и почему в этот день моя кожа была такой нежной, плечи обнаженными, а губы вишневыми?

Правда, Матильда, почему?

Тирания. Тирания сварливых. Я хорошо выглядела, потому что была весела, а веселилась, потому что была счастлива. На самом деле было неважно, что мой ангел-хранитель оказался мужчиной (насколько мне было известно) (какой-то «тип», как передала мне Полин, «какой-то тип подобрал твою сумку в баре, где вы были»), назначь мне встречу хоть пожилая дама, хоть самый последний недоносок, я все равно бы не менее тщательно к ней готовилась. Ибо я чествовала

не его, отправляясь в город так легко и коротко одетой, я чествовала жизнь.

Жизнь и ее столь редкие подарки.

Жизнь, весну и обретение потерянного. Я хорошо выглядела из благодарности.

Матильда…

Ладно, о'кей. Я хорошо выглядела *также* и потому, что шла на свидание. Назначенное по телефону, не просто так, и все же неожиданное.

Это свалившееся на меня с неба свидание с кем-то, с кем априори можно иметь дело, свидание в Париже, неподалеку от легендарной громадины, воздвигнутой во славу императора Наполеона, свидание, назначенное на время вечернего чаепития, к тому же просто из честности.

Я выглядела хорошо, потому что все-таки это было лучше, чем знакомство по интернету, черт побери!

Ну вот, теперь, доктор, вы знаете все…

Около парка Монсо я купила цветов.

Я положила их в свою корзинку и, чтобы не опоздать, принялась что было мочи крутить педали.

Охапку розовых пионов для незнакомца, вернувшего меня к жизни.

13

Ладно, ладно, ладно… если верить тому, что передали мне по сарафанному радио, то есть по самому приблизительному и не заслуживающему доверия из всех земных каналов связи, то он, этот тип, сказал не «в пять», а «в районе пяти», именно об этом я и старалась думать, поскольку уже давно было полшестого и мои цветы начинали выглядеть понуро.

Никого из официантов я не узнала и не смогла противиться мрачным мыслям: никто не придет, это розыгрыш, чья-то грубая шутка, месть какого-то извращенца или очередная унизительная выходка моего отца. Или же это дело рук Жавотты с Анастасией[141].

Надо мной решили посмеяться. Это мне в наказание за мою легкомысленность и за доверчивость потом. Да уж, разбился и мой кувшин молока[142], и все мои воздушные замки. В оче-

---

[141] Примечания: 141

Сводные сестры Золушки.

[142] Примечания: 142

Отсылка к басне Жана де Лафонтена (1621–1695) «Молочница и кувшин молока».

редной раз все было подстроено. В моем профиле появился дурной комментарий. Меня тегировали. Мне испортили сайт и форумы. Какой-то идиотский тролль похитил мою сумку, мои документы, воспоминания, деньги моих соседок, а заодно и все мои последние иллюзии. Или же он… Я старалась успокоиться: быть может, он просто опаздывает? Или же мы все друг друга не поняли и речь шла не о вторнике, а о среде. Или же о вторнике, но на другой неделе?

Между тем я села на то же самое место, что и тогда, и вела себя хорошо. Вначале я даже сидела непринужденно и типа читала какой-то увлекательный роман, поджидая, когда наконец некий незваный гость прервет мою отрешенность своим неловким покашливанием «Гм-гм…», но теперь роль Спящей красавицы была давно забыта, мне уже не сиделось спокойно, и я настолько отчаянно следила за входной дверью, как какая-нибудь уродка, отфотошопившая свои фотографии, что это выглядело отвратительно.

Я подскакивала всякий раз, как в дверях появлялся чей-либо силуэт, и тяжело вздыхала, когда на меня не обращали внимания. Еще пятнадцать минут, и я попробую перезвонить Полин. Отцу — ни за что. Лучше уж сдохну как собака.

Один из официантов, внимательнее остальных, в конце концов заметил мои пляски святого Витта.

— Вы ищете туалет?

— Нн… нет, — пробормотала я, — у меня тут назначена встреча с… уф… В общем, я жду человека, который…

— Это по поводу сумочки, верно?

Я готова была расцеловать его в десны, этого высокого голубчика. Должно быть, он это почувствовал, потому что как будто слегка растерялся.

— Но… он что, уже ушел, да?

Опершись о колонну, слева от меня, он вытянулся вперед и обратился к кому-то, сидящему на невидимой мне банкетке:

— Эй, Ромео… Просыпайся, она здесь, твоя мышка.

Я очень медленно обернулась. Не то чтобы я смутилась, но чувствовала себя ужасно неловко. Пожалуй, даже уязвленной тем, что он был так близко, причем уже так давно.

И в прошлый раз тоже, должно быть, он сидел на том же самом месте, в своей засаде, притаившись в темноте, и… уф… это было… В общем, это была не очень честная игра, чего уж там… Хорошее воспитание, молодой человек, требует

не прятаться от дам.

Я очень медленно обернулась, потому что внезапно вспомнила все, что он мог или должен был слышать. Начиная от моей встречи с соседкой, с ее «незаметным» конвертом, с ее страхами и моим бахвальством и тем, как горячо я ее приободрила, тогда как пару минут спустя уже плевать на нее хотела, имитируя ее голос в телефонном разговоре с Марион. И… Ох… Хм… Телефон… Все эти истории с парнями, и наше ржание разгоряченных мандавошек… И… и мои трусики… и мое сосание ледышек, и… Ох… На помощь.

Я обернулась, крепко сжав зубы и уже ища взглядом какую-нибудь мышиную норку, чтобы спрятаться в ней, пока он еще не до конца проснулся.

Но он спал. Хотя нет, он не спал, потому что он улыбался.

Он улыбался с закрытыми глазами. Как кот. Огромный котяра, в восхищении от собственной шкоды.

Чеширский кот Матильды в стране Бед и Хлопот.

— Вот видите… Он был совсем рядом… Ладно, хорошо, я вас оставлю, да? — сказал официант и испарился.

Бульк.

14

Через несколько секунд, показавшихся мне вечностью, за время которой я успела обработать картинку: damned[143], проклятье, опять неудача, он некрасивый, толстый, у него торчит вихор, одет как пентюх, побрился прямо перед встречей, дважды при этом порезавшись, грызет ногти, от него непонятный запах, и я не вижу своей сумки, — он наконец открыл глаза.

Он смерил меня очень странным взглядом. Словно держал на мушке или же втайне бросал мне вызов. Он провел пальцем по веку, снял ресничку и снова закрыл глаза.

О черт, подумала я, мало того, что он урод, так он еще и напился. Или же обкурился. Да, да, конечно, да у этого кретина, у него же вся Ямайка в крови…

Я незаметно чуточку передвинулась, чтобы посмотреть, нет ли у него под ногами моей сумки, готовая схватить ее и бежать, оставив его наедине с его тихими радостями составителей гербариев.

---

[143] Примечания: 143
Здесь: черт возьми (*англ.*).

Увы, нет, под столом моему взору предстала лишь пара ужасных ботинок. Такие черные тупоносые башмаки первого образца жандармского обмундирования и в придачу к ним белые теннисные носки с полоской — в общем, аминь.

Ох, девочка моя…

Как же ты могла так низко пасть?

Так, ладно, не буду же я вот так вот на него смотреть, пока он дрыхнет, и считать его шрамы. Я повернулась обратно и снова открыла книгу, ожидая, пока виновник этого… как я там говорила? свидания? «нечаянного»? «с неба на меня свалившегося»? не соизволит вспомнить обо мне.

Прошло десять минут, я не продвинулась ни на строчку.

Я была вне себя. И что я здесь делала? *Кого* это я ждала? И *кто* это так откровенно надо мной издевался?

Я закрыла книгу, взяла цветы и собралась уходить.

— Матильда?

Потом отчетливее:

— Матильда Эдме Рене Франсуаза?

Я навострила ухо и приподняла бровь.

— Девочки, хотите что-нибудь выпить?

Да уж, везет как утопленнице: он еще и юморист.

Ладно, это как минимум означает, что у него есть мое удостоверение личности, хоть что-то.

Увидев мои колебания, он немного расстегнул молнию своей куртки так, что я увидела свою сумку у него на груди. На том он и остановился, положил руки на стол, посмотрел на них, поднял голову, взглянул мне прямо в глаза:

— Простите… Очень рано встал. Вы идете?

15

Я села напротив него.

Некоторое время мы с ним поиграли в гляделки — кто кого, довольно долго, но потом я проиграла. Я спросила его:

— Вы в пятницу тоже сидели здесь?

— Да.

— Тоже спали?

— Нет.

— Я вас разбудила?

— Это мне цветы? Как мило.

Он взял у меня из рук цветы и протянул взамен мою сумку.

Она была теплая. Я прижала ее к себе и… и жизнь вернулась.

Интуитивно, по весу сумки, по тому, что он был некрасив, и по тому, как улыбался, по его порезу, запекшейся запятой видневшемуся у него под правым ухом, по его дешевым шуточкам и тому, как он вежливо прикрывает рот рукой, пряча свою зевоту, я точно знала, что он ничего у меня не взял. И в тот момент, когда я это осознала, я поняла и то, что думаю вовсе не о конверте с деньгами, а обо всем остальном. О себе. О своей сущности и своей вере в человечество. Обо всех ударах судьбы, выпавших на мою голову в том возрасте, который принято считать нежным, которые, конечно, сильно меня затронули, да, но все же не изуродовали вконец…

— Так что вы будете пить?

Он сделал заказ, и мы снова принялись недоверчиво изучать друг друга.

В духе первого знакомства двух целомудренных мормонов это было горячо. Некоторое время спустя я все же попыталась продолжить разговор, спросив его слегка придурковатым тоном:

— А вас и правда зовут Ромео?

— Нет.

— А?

— Меня зовут Жан-Батист.

— А…

— Вы разочарованы?

— Уф… нет.

Да уж, прямо-таки конкурс по риторике…

Я вспоминала знакомые мне живописные работы, изображающие святого Жан-Батиста[144], вернее его голову на серебряном блюде, и видела там его. Оставалось только засунуть ему по веточке петрушки в каждую ноздрю.

Хихикая про себя, я, пусть и не слишком быстро, все же взяла себя в руки. Меня задело то, что столь заурядный молодой человек может настолько вывести меня из себя.

— Вы так радуетесь, потому что сумку нашли?

— Да, — улыбнулась я.

Принесли наши напитки: мне чай (мои добрые намерения), а ему двойной эспрессо, в который он старательно положил два или три кусочка сахара. Или даже четыре.

— Восстанавливаете силы?

— Да.

Мы снова замолчали, попивая свои чай-кофе.

---

[144] Примечания: 144

Святой Жан-Батист: так во Франции называют Иоанна Крестителя.

Он смотрел на меня.

Он смотрел на меня так, что становилось неловко.

— Я вам кого-то напоминаю?

— Да.

О’кей…

Ух… Непростым оно оказалось, наше дело… А мне абсолютно не хотелось поддерживать с ним разговор. Мне было не по себе, мне казалось, что он заучивает меня наизусть, и из-за этого неуместного прилежания он выглядел как идиот. Кстати, до такой степени, что я даже, помнится, подумала, не впрямь ли он немножечко ку-ку. В смысле — заторможенный слегка, словно недоношенный. У него был чуточку приоткрыт рот, и я с ужасом ждала момента, когда оттуда потечет слюна.

Бог свидетель, я все-таки пыталась: воздух сегодня свеж, Париж — большой город, туристы повсюду, голуби летают, ну и какие-то еще вступления в том же духе, достаточно мощные, но он меня не слушал. Он снова погрузился в экстатическое блаженство, и я почувствовала себя чем-то навроде лурдского грота, только без Мадонны и четок.

Ну вот, и зачем только обновила свое красивое

белье, спрашивается…

Не знаю, что вывело его из оцепенения, но в какой-то момент он вдруг фыркнул, посмотрел на часы и принялся искать свой бумажник:

— Мне пора идти.

Я ничего не ответила. Вздохнула с облегчением. К тому же мне не терпелось проверить, не ошиблась ли я. Люди, я их люблю, но все-таки немного им не доверяю, в силу опыта. Должно быть, он прочел мои мысли, потому что в тот момент его взгляд переменился: он посмотрел на меня с некоторым… презрением, что ли.

— Ты видишь этот чемодан?

Нет, я его раньше не замечала, но действительно у его правой ноги стоял тонкий бежевый кейс.

— Смотри…

Он указал мне на цепочку, соединявшую ручку чемодана с ремнем его брюк.

— Это стоит не столько, сколько лежит в твоей сумочке, но… просто для меня, это все же зарплата за несколько месяцев…

Он замолчал. Я думала, он потерял нить своих мыслей, и уже собиралась было ляпнуть глупость, чтобы как-то сгладить неловкость, но он вдруг совсем тихо добавил, теребя свою цепочку:

— Знаешь, Матильда… Если ты в жизни чем-то по-настоящему дорожишь, сделай все, что надо, чтобы это не потерять.

О, ну знаете ли… И кого это я опять подцепила на улице? Просветленного? Сына проповедника? Свидетеля Иеговы, переодевшегося пентюхом с полным атташе-кейсом апокалипсисов и несуразных молитв?

Конечно, я сгорала от любопытства узнать, что же такого драгоценного он с собой носит, но не хотелось уделять ему слишком много внимания и… И, кстати, почему это он мне тыкает?

— Знаешь, что там?

На помощь. Большая игра. Плащ, аксессуары, все дела.

— Подушка?

Это его не рассмешило. Или же он не расслышал. Он поставил свой чемодан на стол, набрал какой-то код, повернул ко мне и поднял крышку.

И тут, признаюсь, я увидела то, чего вовсе не ожидала. Он захлопнул чемодан и встал.

Ну и… уф… что сказать? Этот быковатого вида увалень с очень ограниченным словарным запасом разгуливал с целым чемоданом ножей.

На самом деле, это был Рэмбо, просто я его не

узнала.

Он уже стоял у стойки бара, расплачиваясь по счету.

Ну и история… Ладно, чего уж там, я тоже поднялась.

Все это было прекрасно, но мне — мне не терпелось пересчитать мои деньги!

Он приоткрыл передо мной дверь и придержал ее ровно в тот момент, когда я проходила под его рукой. Ненадолго, на доли секунды он, как будто сам себе наступил на шнурок, потерял равновесие и чуть не упал прямо на меня. Чуть-чуть. На мгновение. Не успела я оскорбиться, как мы с ним были уже на улице. Но я почувствовала, как теплый кончик его носа коснулся маленькой косточки, выступающей сзади у основания шеи.

Я слишком спешила со всем этим покончить, чтобы утруждать себя какими-то замечаниями, поэтому просто быстренько высвободилась.

Эй. Никаких шашней с таким простофилей. Пусть проваливает вместе со своими чертовыми резаками.

Возвращайся в свои джунгли, Чита[145], давай…

Все-таки мне не хотелось, чтобы у него осталось обо мне дурное впечатление. Он никогда об этом не узнает, но я ему многим обязана.

Так что будь храброй, святая покровительница неудачников всего мира, будь храброй. Улыбнись дяде. Какое-нибудь доброе словечко на прощание, от тебя не убудет.

— Ваша куртка… — сказала я, — она странно пахнет…

— Пахнет оленем. Это оленья кожа.

— А? Да что вы? Я не знала. Ладно, хорошо, я… я с вами прощаюсь и еще раз вас очень благодарю.

Я протянула ему руку, но возникла проблема: он сжал ее в своей и не отпускал.

— На самом деле, — пробурчал он, — уф… я… Я бы хотел еще раз с тобой… с вами встретиться.

Я громогласно расхохоталась, чтобы раз и навсегда с этим покончить, и добавила:

— Послушайте, не знаю почему, но мне кажется, что у вас и так уже есть все мои координаты…

Я произносила эти слова, одновременно осознавая, насколько фальшиво они звучат, и они, и

[145] Примечания: 145

Чита — персонаж-шимпанзе, появлявшийся в многочисленных голливудских фильмах о Тарзане 1930-1960-х годов, а также в телесериале 1966–1968 годов, в качестве «товарища» главного героя.

этот мой унизительный снобский смех.

— Нне… нет, — пробормотал он, разглядывая мою руку.

Он внезапно побледнел.

Бледный, серьезный, беспомощный и грустный, он теперь выглядел лет на десять старше. Он поднял глаза, и впервые мне показалось, что он действительно видит меня.

— Да, конечно, у меня было все, но я… у меня ничего больше нет, потому что я тебе… я вам все отдал.

Уф… Я задумалась, не пытается ли он меня разжалобить. Выглядел он искренне, но все же чуточку перебарщивал, разве нет?

Мой внутренний голос заистерил: «Эй, только не давай ему свой телефон. Ты же видишь, что этот парень, он конченый псих. Ну да, конечно. Посмотри. Посмотри на него! Посмотри на его лицо. Словно приехавший из глубинки дальний родственник Джека-потрошителя. К тому же не знаю, заметила ли ты, но у него отсутствует часть пальца на руке. Большая часть. Ну и потом, ладно, он порядочный, тут ничего не скажешь, но он ведь урод, чего уж там… Эта история принесет тебе одни неприятности, и ты сама это прекрасно

знаешь. Сколько раз ты уже наступала на эти грабли. Давай, ошибись, Матильда… Хотя бы в последней цифре тогда… Не в первый и не в последний раз».

Нет, но все-таки… он вел себя очень достойно…

Да откуда ты знаешь, идиотка? Ты ведь еще даже не открывала ее, эту свою чертову сумку!

Возможно, но все же вот она у меня в руках. И я не оплакиваю сейчас свою матушку, сидя где-нибудь в комиссариате полиции.

Ведь я всегда могу дать ему свой номер, а потом просто не брать трубку…

Как хочешь, но, честное слово, ты сама ищешь неприятности на свою задницу, ясно?

Да, это правда, за последнее время у меня и так уже накопилось достаточно удручающе неудачных романов. Не знаю, быть может, у меня с Купидоном какие-то старые счеты, но сколько страданий принес мне этот косоглазый толстячок… Ладно, проехали, не об этом речь, я собиралась все-таки дать Жан-Батисту свой номер телефона, опасаясь, что у него сохранился номер моего отца и в отчаянии он снова его наберет.

Псих он или нет, но мне бы все-таки хотелось как-то от него отвязаться.

— Скажите… не могли бы вы отпустить на секундочку мою руку?

Он так сильно сжимал мою ладонь, что краснота его толстых пальцев передалась моим.

Я написала ему свой номер на билетике метро.

Он долго его разглядывал, словно проверяя годность, потом убрал в глубины своего портмоне, положил портмоне во внутренний карман куртки, еще раз меня оглядел, кивнул головой и пошел прочь.

Фух…

Я сделала три шага и обернулась, потому что мне, по правде, было неловко из-за всего того дурного, что я успела себе напридумывать:

— Эй… уф… Жан-Батист!

Он обернулся.

— Спасибо!

Последний взгляд, последняя улыбка, самая холодная из всех. Последнее пожатие плечами, которое могло означать «Не за что», «Отстань» или вообще «Давай проваливай», и он отвернулся и пошел дальше.

Я смотрела, как он удаляется, переходит на другую сторону авеню Фридланд, слегка сутулый в этом своем олене, неся свои огромные ножи в

одной руке и букет пионов в другой, и я… я была взволнована.

Настолько сильно, что только уже будучи дома, я наконец открыла сумку, чтобы пересчитать наличность.

16

Все деньги были на месте. И в конверте, и в моем кошельке. По непонятной для меня причине, по причине, которая мне не нравилась, я как будто бы даже слегка расстроилась.

Я переоделась в джинсы, доложила свои пять тысяч в этот чертов конверт и оставила его на кухонном столе с запиской примерно следующего содержания: «Вот вам ваши деньги, а теперь оставьте меня в покое с вашим дурацким ремонтом» — и смылась.

Мои дорогие фландрийки должны были появиться с минуты на минуту, и это было выше моих сил. Даже Марион. Все вообще. Все мне стало непосильным.

Я почувствовала, что мне снова хочется плакать, и отправилась в кино смотреть какую-то романтическую комедию.

Акт второй
1

Как только пошли финальные титры, — вот уж не думала, что когда-нибудь в этом признаюсь, ладно, раз уж дошла до такого, больше, наверно, не стоит строить из себя задаваку, — я достала мобильный в надежде на пропущенный вызов.

В надежде, что он звонил. Жан-Батист Настоящий Воин.

Конечно, тогда бы я поклялась всеми святыми, что нет, дело не в этом, это черт знает что, но если честно взглянуть назад, на ту нечестную высокую девушку, которая поднималась вверх по улице Коленкур тем апрельским вечером, покрепче стянув на груди полы своего потрепанного пухового пальто, — я вот вижу ее как сейчас и говорю вам, уважаемая секретарь суда, можете так прямо и записать — все ее мысли по-прежнему занимал сюжет шестичасового сеанса.

Держа в кадре его лицо, прокручивая в голове по кругу один и тот же диалог (незабываемый) и пересчитывая заново каждый кусочек сахара, который он себе положил, она теребила в кармане

немой кусок пластмассы.

И растворилась в темноте. Стоп, мотор, снято.

* * *

И что же дальше? Дальше жизнь пошла своим чередом.

Ведь так, не правда ли, говорят, когда ничего не происходит?

Когда забываешь все свои прекрасные решения, отбрасываешь мечты о свободе (зачем уезжать, когда мою комнату только что покрасили?) и о высоком (зачем снова браться за учебу, когда компьютер служит мне «одноруким бандитом»?) и продолжаешь выпивать и трахаться налево и направо, сочиняя самой себе совершенно неромантические комедии.

Раздеть Поля, чтобы одеть Пьера, чтобы в конце концов оказаться голой в руках Жака.

Да, это именно так и называется.

Молодость…

Этот зал ожидания…

Во что же превратился мой одержимый соня? В комический эпизод, в анекдот, в забавную историю для застольной беседы. Заметьте, мой рассказ пользовался успехом… При каждом сле-

дующем пересказе у моего героя становилось все больше ножей и все меньше фаланг. Под конец он окажется похож на Оружейного барона[146] из Калькуттского лепрозория.

Вначале я думала о нем. В нем было нечто такое, что до сих пор меня волновало: это его авторитарное «Вы идете?», тщательность, с которой он осмотрел меня с головы до ног, его такой несчастный вид, когда он говорил о том, чтобы встретиться снова, и то, что он, судя по всему, не сильно рылся в моих вещах, иначе самостоятельно бы нашел мои координаты. А потом я вспоминала его белые носки и с новым пылом возвращалась к своим жлобским интернет-задачам.

Мой старый добрый встроенный GPS был прав: это тупик.

* * *

Трижды в течение следующих дней со мной пытались связаться среди ночи, не оставляя сообщений. В первый раз я подумала, что ошиблись номером, во второй — засомневалась, а в

[146] Примечания: 146

«Оружейный барон» (2005 г.) — криминальная драма режиссера Эндрю Никкола с Николасом Кейджем в главной роли.

третий раз твердо знала, что это он: я узнала его молчание.

Хотя было уже два часа ночи, я еще не спала и попробовала ему набрать, но он звонил мне с какого-то городского номера, и мои звонки затерялись неизвестно где.

И тут что-то во мне разладилось. Отказавшись от собственного принципа — одного из редких причем (настолько же морального, насколько и «гигиенического», если так можно выразиться), я легла спать, положив включенный мобильный себе под подушку. Тем хуже для волн, онкологии, моей гордости и моего сна: мне надо было разобраться. Кто это так украдкой пытается до меня дозвониться, делая все возможное, чтобы меня не застать? Кто это? А если это он, то почему? Что ему от меня надо в конце-то концов? В тот момент я еще не оценила всего… ну, не знаю… всего значения этого поступка, что ли… ведь, тревожа сон, проще простого влезть в личную жизнь человека.

Отныне каждый вечер я ставила звонок на максимальную громкость и делила свою постель с фантомом.

Я реже появлялась на людях. Да, меня саму убивает такое признание, и у меня была тысяча

объяснений для любого, кто захотел бы подколоть меня на этот счет, но факт остается фактом: я реже выходила из дома. Следующие десять дней, вернее десять ночей, прошли без происшествий, и я решила снова выключить звук, потому что плохо спала. Время от времени я просыпалась, чтобы посмотреть, не мигает ли сигнал пропущенного вызова, не сдох ли телефон под подушкой.

Как же я на него злилась. Злилась сама на себя. Да, я чудовищно злилась сама на себя за то, что превратилась в такую рохлю. Я злилась на нас обоих настолько сильно, что в тот вечер, прекрасно помню, ложась спать, пообещала себе, что это будет в последний раз. Что это его последний шанс возобновить свои появления.

И пошел он к черту со всеми своими цепочками, ножами и звонками украдкой, я устала от этого дерьма.

Звонки, смски, скриншоты, чаты и мейлы — я больше не желала всех этих виртуальных границ на моей карте Нежности[147].

Я свое уже отдала, настрадалась, внесла свою

[147] Примечания: 147

Карта Страны Нежности — карта воображаемой страны, приложение к роману «Клелия, римская история» французской писательницы Мадлен де Скюдери (1607–1701), представляет собой анализ любовного чувства в виде аллегорической топографии.

лепту во все эти дурацкие, абсурдные химеры, к которым нас обязывает любовь в цифровое время.

Да, я устала. Хуже того, я чувствовала себя обобранной, обессиленной, опустошенной оттого, что пережила так много романов без любви. Теперь я хотела только настоящих отношений и настоящих людей с настоящим жирком и всем тем, что полагается, в противном случае предпочитая пропустить ход.

Ну а поскольку он очень крут да и в вопросах жира не знал себе равных, то этой ночью он позвонил.

2

Должно быть, он позвонил раньше, чем в предыдущие разы, потому что я еще пребывала в первом глубоком сне и не сразу смогла понять, во сне это или наяву я протягиваю руку и чувствую, как к моему уху прижимается твердый, теплый и гладкий предмет.

Ничего не последовало. Значит, это был сон. Заспанная, я все-таки пробормотала:

— Жан-Батист?

— …

— Это вы?

— Да.

— В другие разы это тоже были вы?

— …

— Почему ты это делаешь? Почему ты молчишь?

— …

Я свернулась в клубок, прижавшись к телефонной трубке. Это длилось долго. Слишком долго. Я засыпала, пока дожидалась его ответов.

Не знаю, сколько прошло минут. Наутро мой журнал звонков сообщит мне, что наш разговор длился два часа тридцать четыре минуты, но, наверно, я просто плохо повесила трубку. В какой-то момент до меня донеслось:

— Ябыхотевасудотовить.

Тут я открыла глаза и в свою очередь онемела.

Он заволновался:

— Вы еще здесь?

— Да.

— Понимаешь, я… я повар.

— …

— …и я бы хотел для тебя что-нибудь приготовить.

Ах, простите. Мне-то послышалось «я бы хотел

вас удовлетворить». Но… уф… в каком же это мы оказались измерении? Какой-то застенчивый чокнутый повар, к тому же страдающий бессонницей, звонит мне в четверть первого, чтоб зачитать свое меню… Спите спокойно, друзья! Ложитесь обратно спать! Все под контролем! С поцелуями от святой Анны!

— Ты хочешь?

— Сейчас?

— Нет-нет, — его голос повеселел, — мне все-таки надо подготовиться!

— Когда?

— Я тебе скажу. Я все организую. Ты можешь записать номер телефона и перезвонить мне завтра в это же время?

Ну надо же какой удобный график!

— Слушаю.

Я наугад подцепила какую-то книгу с ночного столика. Сквозь сон при свете телефона я записала серию цифр под его диктовку. А дальше я не помню. Еще раз или два я услышала свое имя, но уже не смогла бы сказать, был ли это его голос или всего лишь отзвуки моего сна.

3

Наутро я убедилась в том, что все это мне не пригрезилось: на титульной странице «Пугала» Майкла Коннелли[148] — не правда ли смешно? — был нацарапан номер телефона.

Главная проблема заключалась в том, что, судя по всему, я и впрямь была тогда в полной отключке, потому что теперь и сама не могла разобрать, что написала. Вот здесь, это семерка, или тройка, или единица? А тут? Двойка, тройка или пятерка?

Ладно. Переберу все варианты.

В математике я ничего не петрила и уж тем более в расчетах вероятностей, но заранее предчувствовала, что эта досадная неприятность отнимет у меня некоторое время.

Кроме того, ждать до полуночи, а потом набирать наобум номера было просто неприлично. Я могла разбудить кучу добрых людей, а заодно меня бы по ходу линчевали. Так что я взялась за дело около десяти и хорошо сделала, потому что

---

[148] Примечания: 148

Коннелли, Майкл (Michael Connelly, 1956 г. р.) — американский детективный писатель.

двумя часами позже я все еще не нашла своего шутника.

Мне отвечали все менее любезно, и я начала путаться в сочетаниях цифр. Я уже не помнила, какие номера успела набрать, без устали спрашивая Жан-Батиста и отвечая «Ой, простите», извиняясь и будоража все подряд семьи Парижского региона, чьи номера телефонов начинались с «01.42», «01.43» и «01.45», и… ох, а потом я бросила.

Эта фигня не выходила у меня из головы. Он перезвонит сам…

Мономаньяки, если уж они за что взялись, — никогда не отступятся.

Я чувствовала себя на грани нервного срыва, мой супердетектив был весь исчиркан, мобильник перегрелся.

Я вышла из дома.

Пошла подышать свежим воздухом вместе с другими, более разговорчивыми, полуночниками.

Да, это правда! Он начинал действовать мне на нервы, этот проклятый аутист! Пусть катится к чертовой матери! Пусть готовит жратву для девок своего уровня! К тому же я равнодушна

к еде! Плевать я хотела на всю эту вашу французскую кухню! Мне корочку хлеба дай — я уже довольна!

Ох, как же я была зла… Сыта по горло, когда он еще и к плите не вставал, этот идиот… Накрутив себя до предела, я исходила желчью. Мне надо было как-то отвлечься, отпустить ситуацию, позабыть обо всех этих глупостях, мне нужен был мой Жанно.

Да, я должна пойти танцевать, пить и забывать его.

И я что было сил крутила педали, все крутила и крутила, все сильнее теряя голову.

Я обращалась к звездам.

Я кричала небесам:

— Почему такие глупости вечно случаются именно со мной, а? Эй, ты там, старичок всевышний, я с тобой разговариваю! Почему в конце концов ты посылаешь мне исключительно социально неблагополучных? Черт побери, но это твоя работа! С меня хватит. Насколько я понимаю, ты уже достаточно для меня постарался. Господи… Господи, молю: оставь меня.

4

Он так и не перезвонил.

Ни той ночью, ни следующими.

Хотя я еще много ночей подряд вела себя самым жалким образом, забывая выключать свой телефон. Но тщетно. Я ошиблась на его счет. Не такой уж он и псих.

Или же он еще бóльший псих, чем я думаю. Или же не так сильно заинтересован.

Короче говоря, этот жирдяй достал меня по полной программе.

Ну а жизнь — как я там уже говорила? — «шла своим чередом».

Вот.

Именно так.

Черт побери.

5

Конечно, я все это пережила. Как говорят люди, скромно потупив глаза, — бывало и хуже. За окнами шумел весенний Париж, все как у

Коула Портера[149] в исполнении Эллы Фицджеральд[150]. Расширялись террасы кафе, все более длинными и многообещающими делались дни, я была жива-здорова, прятала в рукаве кучу других козырей, да и вообще была не промах, так что я его отпустила.

Серьезно. Я забыла о нем. А потом как-то раз однажды утром я просто вытряхивала вещи из сумки. Потому что хотела взять другую. Потому что собиралась на свадьбу и мне нужна была более изящная сумочка. Как вдруг — оп-ля! — сюрприз от шефа: его «сладкая бомба» замедленного действия и «жареные» факты в придачу.

Мой повар внезапно вернулся, и на этот раз… на этот раз меня зацепило всерьез, как ошпарило.

Горячо, поберегись!

---

[149] Примечания: 149

Портер, Коул (полное имя: *Cole Albert Porter*, 1891–1964) — американский композитор и поэт-песенник.

[150] Примечания: 150

Фицджеральд, Элла (полное имя: *Ella Jane Fitzgerald*, 1917–1996) — американская певица, «первая леди джаза».

Апарте[151]
1

Если бы у меня был злейший враг — какая-нибудь девушка, которой я желала бы самых страшных пыток, самых нежных, медленных, самых жестоких и уродующих навсегда, я бы отдала ее в руки писателя, понаблюдала бы, как она влюбится в него самой чистой любовью, и смотрела бы, небрежно листая какой-нибудь древний «Пари-Матч», как она страдает…

Мне едва исполнилось девятнадцать, когда эта беда свалилась на мою голову. Всего девятнадцать лет… Я была еще ребенком… К тому же сиротой… Уф, ладно, хватит уже, малыш. Птенчик, выпавший из пустого гнезда, с грустными глазами и бритым черепом. Нежное мяско… Нежная плоть для любовного романа… Для первого романа… Красивому герою красивый сюжет, не так ли?

Ладно. Прекращаю. Он с тех пор уже сделал себе имя. Я принесла ему удачу, вернее — моя история

---

[151] Примечания: 151

Апарте — разговор про себя, в драматических жанрах употребляется как речь «в сторону». Речи «в сторону» произносятся и в присутствии других лиц и условно считаются неслышными для присутствующих.

принесла ему удачу, и в рекламе он не нуждается. Он прекрасно справляется сам. Однажды, когда я буду совсем старенькой, возможно, кто-то задаст мне пару вопросов для постраничной сноски, ну а пока я предпочитаю помалкивать.

Покой.

Артистам — покой.

Легендам — место.

Разве что еще одно, последнее замечание… То, что в моей жизни был этот мальчик, этот мужчина, этот грабитель, в конечном счете имело для меня лишь одно реальное последствие, напомнив мне и укрепив меня в убеждении, возникшем у меня еще за несколько лет до того, во время долгой болезни и агонии моей матери, что известное выражение «Что нас не убивает, делает нас сильнее» — это полная чушь: что нас не убивает, то нас не убивает, и точка.

(Довольно сложное предложение и, возможно, спорное с точки зрения синтаксиса, которое я запросто могу упростить и резюмировать так: этот ублюдок сильно испортил мне жизнь.)

Сеньор Буало[152], вы, как всегда, кстати.

---

[152] Примечания: 152

Буало-Депрео, Никола (*Nicolas Boileau-Despréaux*; 1636–1711) — французский поэт, критик, теоретик классицизма. Имеется в виду его известный афоризм «Кто ясно мыслит, тот ясно и излагает».

* * *

Он был моей первой любовью. Не то чтобы я впервые спала с мальчиком, но я впервые занималась любовью и это было… ладно, обещала, что не буду, значит, так тому и быть. Я ведь не писатель, мне ни к чему воображать свое прошлое, ни к чему раскладывать свои эмоции по пробиркам, ни к чему превращать в строительный материал все самое светлое, что выпало на мою долю, поэтому короче, Матильда, короче. Прошу тебя, пощади свое достоинство, не порть хотя бы то немногое, что он из деликатности или по недосмотру не тронул.

О'кей, согласна, в таком случае делаем пропуск. (Ага, а все-таки между делом он научил меня паре приемов…) Только уточним, поскольку этого требует нынешняя история, что этот предмет моего обожания написал мне множество писем — любовных, с гордостью думала я тогда, стилистических экзерсисов для пробы пера, вынуждена признать я теперь, — которые я в конце концов выкинула в помойку одним прекрасным вечером, когда почувствовала себя свободной.

Да, похоронила под ворохом окурков, пустых бутылок, кофейной гущи и грязных ватных дис-

ков для снятия макияжа.

Аллилуйя. Наконец-то мне удалось их вышвырнуть.

Все, кроме одного.

Правда? И почему же?

Почему именно это письмо?

Потому что оно было последним. Потому что оно принадлежало мне больше, чем остальные. Потому что я и тогда имела слабость думать, да и до сих пор не разуверилась, что оно было искренним, а даже если и не было, то это уже не имело для меня никакого значения. Потому что я достаточно честна, чтоб отличать красивое от правдивого и выбирать красивое, коль уж оно выпадает. Потому что меня никогда не волновал вопрос, настоящее ли это искусство или графомания. Потому что оно напоминало мне о том, что меня любил талантливый мальчик, что я вдохновляла его и что, да, несмотря ни на что и даже на него самого, мне все-таки в этом повезло.

И потому что оно было красивым.

Так же как я…

Потому что я выросла с этим письмом. Оно стало свидетелем того, как я росла. Несколько самых обыкновенных листов бумаги формата А4, густо

усеянных мелкими значочками, начертанными черными чернилами в такой последовательности, что сначала я почувствовала себя ужасно смущенной, потом польщенной, потом в мою душу закрались сомнения, а следом и отвращение, и наконец, разбитая горем, я уже наклонилась было к помойке, но в последний момент… передумала.

Передумала. Фаталистка. Хранительница. Сторож. Просто сторож маленького храма, сокровищницы всего того, что было моей жизнью, прежде чем оказаться в…

…в моей сумке.

Из скрытности. Чтоб письмо случайно не попало ни в руки моих соседок по квартире, ни в чьи бы то ни было еще. Никогда.

Оно лежало в маленьком потайном внутреннем кармане. В единственном кармане, застегивающемся на молнию. На тоненькую, незаметную молнию, о существовании которой догадаться невозможно, если только не искать специально.

Письмо лежало на месте, но не в конверте — тогда как я была уверена, что вкладывала его в конверт, — а наоборот: конверт всунут в середину письма. Меж сложенных пополам листов. Стиснутые страницами мое имя, мой тогдашний

адрес — думаю, мне ясно давали понять, что письмо прочитано и что крайне важно мне это ясно дать понять…

(Ох, проклятый язык! Нет! Только не сейчас! Только не на этом месте моего рассказа! Я рассмеялась. В полном одиночестве я громко рассмеялась тому, что запинаюсь, порабощенная такими смешными правилами стилистической согласованности.)

…и подчеркивалась важность довести это до моего сведения.

Вот. Немного тяжеловато звучит, но тоже сойдет.

Да, как ты видишь, я попросил какого-то незнакомца надписать конверт, не сделал этого сам… Грубая уловка, согласен, но не возвращай мне его. Только не это письмо. Обещаю тебе, оно достойно того внимания, которого я не стою.

Если ты не хочешь читать его сейчас, подожди. Подожди пару месяцев, пару лет, десять лет, быть может. Дождись безразличия.

Десять лет — все-таки у меня довольно высокие требования.

Подожди столько, сколько тебе потребуется, но однажды, пожалуйста, все-таки прочитай его. Прошу тебя.

Наш последний разговор, вернее, наша схватка не на жизнь, а на смерть, вот уже несколько недель не выходит у меня из головы. Ты упрекала меня в эгоизме, в скверном характере, в меркантильности. Ты говорила, что я тебя использовал, что я как вампир, что я влюблен скорее в образ, вдохновленный тобою, но не в тебя, такую, как ты есть.

Ты упрекала меня в том, что я никогда тебя не любил.

Тебе кажется, что тебя предали. Ты бросила мне в лицо, что никогда в жизни не прочитаешь больше ни одной книги. Что ты ненавидишь слова так же, как ненавидишь меня, и даже еще больше, если такое отвращение вообще по силам человеку. Что слова — это гнусное оружие, которым пользуются такие гнусные типы, как я. Что слова ничего не стоят, словами ничего не скажешь, они врут. Что слова портят все, к чему прикасаются, и что я навсегда отвадил тебя от них.

Сейчас, этим вечером, два месяца или два года спустя, ты прочтешь нижеследующий текст и поймешь, любовь моя, что ты не всегда бываешь права.

Когда ты закрывала глаза, отдаваясь в мои

объятья, твои веки напоминали изнанку шкурок экзотического фрукта личи. Тот же переливчатый блеск, та же розоватость, неожиданная и пронзительная. Лакомые мочки твоих ушей, толстенькие, как гребешки каплуна, были похожи на крошечные фарфоровые косточки, размякшие, размокшие, тающие, истомленные в слюне, пенку которой без устали снимали твои губы, а изгибы хрящей — чистое кокетство, масленичные блинчики, нежное жаркое из птичьих голов.

Запах у основания твоих волос, на затылке, сразу над этой развилкой, над этой тайной пушистой ложбинкой, требующей бесконечных ласк, отдавал пикантной горечью настоящего хлеба на закваске, а твои ногти, на вкус того, кто их долго сосал, были как свежий миндаль, до срока собранный на исходе лета.

В углублениях над твоими ключицами выступали капельки кисловатого сока, от которого пощипывало язык, находивший утешение в сочной свежести мелкозернистой, словно грушевой, плоти твоего выпуклого плеча.

Так где-нибудь в полумраке сарая лакомишься анжуйской бере [153] *…*

---

[153] Примечания: 153

Бере — сорт осенних груш с крупными плодами, имеющими сочную, тающую, как масло, мякоть.

Крохотные пузырьки слюны, появлявшиеся в уголках твоих губ, когда ты взахлеб хохотала, сверкали, как брызги розового брюта, а кончик моего любимого языка — крупитчатый, гранатового цвета под деликатно шершавой бледностью — напоминал лесную клубнику.

И, словно дикая клубничина, пугливо прячущаяся очаровательная недотрога, он был сладким-пресладким.

Твои соски? Прованские бобы самого первого урожая, из тех, что собирают в феврале и которые надо еще добыть, сырыми вылущив из стручков, тогда как их янтарного цвета округлости бархатисты на ощупь, гладки, ярки и душисты, как весеннее масло.

Ложбины, ведущие к твоему пупку, если довести тебя до влажной истомы, имели кисло-сладкий вкус слив из старого сада, вызывая во рту ощущение сладостной оторопи от соприкосновения с такой мягкостью.

Твои бедра образовывали две аппетитные сдобные булочки, а впадина поясницы имела — да и все так же имеет, я думаю, нет, просто помню — пленительный привкус цветов акации. Этот настойчивый, сильный аромат обволакивал весь изгиб твоих ягодиц, вплоть до прелестных ямо-

чек в самом низу спины. У начала складок мягкой, нежной и гладкой плоти, в которых часто скрывались слишком бесцеремонные пальцы…

Твои стопы отдавали мускусом, впадины под лодыжками — горечью, выпуклости икр — фруктами, под коленками было солоно, а внутренняя часть бедер имела минеральный привкус, как и то, что таилось внутри, то, что появлялось потом, что наконец изливалось и было в сжатом виде всем тем, что меня к этому вело. Квинтэссенцией. Квинтэссенцией тебя и Вселенной.

И вот этот вкус, вкус тебя, принцесса нашего времени, дивная, непристойная, с татуировкой на теле, которым я якобы пользовался и злоупотребил, так вот теперь мне остались только слова, чтобы им наслаждаться.

Увы, этот ничтожный инструментарий, как ты мне напомнила, не имеет достоинств. Слова ничего не знают, ничего не сочиняют и ничему не учат, но, запомнившись, они приносят плоды.

Гораздо сильнее, чем от твоей кожи, твоих волос, ногтей, твоего запаха, у меня текли — да и сегодня еще текут — слюнки от этой твоей эссенции, твоей влаги, нектара твоего живота, от твоего пектина, твоей смазки, твоего сока,

от этого вестника, выдающего твой голод, твою жажду, твои головокружения, от этого служки твоих желаний.

Какова она была на вкус, твоя любимая? — интересуются все до последней буквы того единственного алфавита, который я когда-либо знал, — и в каком порядке ты бы нас расставил, если б попытался рассказать ей об этом?

Ласточкино гнездо. Теплый инжир. Перезрелый абрикос. Ягода малины, проглоченная под моросящим дождем.

Иногда попадалась межа. Иногда царапины приливов, кровопускания души и лунная кровь. Или лунное семя. Или молоко. Молозиво Афродиты.

Ужасающая смесь материнского молока и выделений течного зверя.

Трюфеля в мешочке. Губы и прочие обрезки плоти, поширированные в душистых травах в большом количестве воды. Выпотрошенный скат. Розовое мясо на кости. Бульон из моллюсков. Эмульсия, скопившаяся под панцирем. Соус из сока морских ежей. Чернильная вытяжка из кальмаров, пойманных на блесну. Верхушка конфетки берлинго с затупившимся уголком. Леденец из амброзии. Цитрон. Красный цитрон с йодированной цедрой.

Ви…

Ох, Матильда,
Я сдаюсь.

Я любил тебя.

Я любил тебя сильнее, чем смогу это сказать,
Но совсем не так хорошо.

2

У меня тряслись руки. Сама не знаю, что это было: меня накрыло волной стыда, позора, ощущением раскрытой и осквернённой тайны, к горлу подступила тошнота.

Я не понимала, что со мной происходит. «Эй, — разнервничалась я, — успокойся, старушка, успокойся. Это ничего не значит, это ничего *не значило*, подумаешь, какой-то умник, посасывая колпачок ручки, предавался эротическим фантазиям.

К тому же, возможно, он и читать-то не умеет, этот твой дока в ножах и колбасных обрезках…»

Неважно, я сожгла письмо в раковине.

Меня мутило, знобило, потряхивало, я вся покрылась потом и, прикрыв ладонью рот, упорно

заталкивала в слив обгоревшие клочки бумаги.

Я спешила, дергалась, словно опаздывала, ледяной пот застил мне глаза, я чувствовала потекший макияж.

Меня вырвало.

3

Помыв раковину хлоркой, я долго, долго ополаскивала ее водой. До тех пор, пока вся эта беда не скрылась в глубинах парижской канализации.

— С тобой все в порядке?

Голос Полин.

Не слышала, как она вошла. Ее, конечно, беспокоило не мое здоровье, а расход воды.

— Тебе нездоровится?

Я обернулась, желая ее успокоить, но поняла, что она мне не поверит.

— О господи… Что еще с тобой приключилось? Перебрала вчера с алкоголем, да?

Ну и репутация у меня…

— А вот и нет! — глупо похвасталась я, пальцами вытирая растекшуюся тушь. — Большой праздник мне сегодня еще только предстоит! Смотри, какая я нарядная… Собираюсь на свадьбу к Шарлотте…

Полин даже не улыбнулась.

— Матильда?

— Да.

— Я не понимаю тот образ жизни, что ты ведешь…

— Я тоже не понимаю! — рассмеялась я и высморкалась в раковину.

Полин пожала плечами и направилась к своему любимому чайнику.

Я чувствовала себя глупо. Полин нечасто проявляла ко мне такой интерес. Мне хотелось исправить ситуацию. Да и потом мне нужно было с кем-то поделиться.

— Ты помнишь… Тот тип, что нашел мою сумку…

— Тот псих?

— Ну да.

— Он снова проявился? Продолжает к тебе приставать? О черт, чай почти кончился…

— Нет.

— Надо сказать Жюли, пусть купит чая…

— Он повар.

Полин как-то странно на меня посмотрела.

— А? Да? И что? Почему ты мне это говоришь?

— Просто так… Ладно, мне пора, не то я опять все пропущу.

— Когда вернешься?

— Не знаю.

Она проводила меня до дверей.

— Матильда?

— Йес.

Она поправила мне воротник.

— Какая же ты красавица…

Я улыбнулась ей в ответ и почтительно склонила голову.

Пусть она там себе воображает мое очаровательное смущение, пока я борюсь со слезами.

4

А потом — всё. Потом — это сейчас, и мне больше нечего рассказывать. Да и желание пропало. Я сейчас, даже если этого не видно невооруженным взглядом, съежилась на обочине жизни в ожидании, пока она пройдет.

«Маскированная депрессия» — уже не помню, откуда я выудила это лицемерное выражение, но пользовалась им охотно. Оно мне подходило. Думаю, из-за маски. Сколько лет меня приводили в пример, кружили мне голову, нахваливая мою силу, чувство юмора, отвагу… Так вот, сборище трусов, все это было слишком просто. Чересчур

просто. Да, я пыталась вас защитить и держалась, сколько могла, но больше я не могу, все.

Я сломалась.

Потому что все это вранье, друзья мои… Да, все… Одна сплошная показуха… Я знала, что моя мать заполняла эти свои формуляры как попало: она ставила крестики, где надо, и оставляла заполненные бумаги на видном месте, специально, чтобы меня успокоить. Я знала, что грош цена была всем этим хорошим новостям, которые она часами громко рассказывала бабушке по телефону. Я знала, что они обе мне врут. Я знала, что мой папаша отправился к свой шлюхе, как только отвез мать в больницу на химиотерапию, и я знала, что она тоже об этом знает.

Я знала, что ее тело не успеет остыть, как он уже смоется из дому. Что я отправлюсь жить к старшей сестре, сбрею волосы на голове и брови, завалю выпускные экзамены, буду сидеть с ее детьми, чтобы как-то отблагодарить. Я знала, что прекрасно с этим справлюсь, буду симпатичной, классной, не вызывающей подозрений, заводной теткой, которая прыгает на кроватях и прекрасно разбирается в карточках «Покемон» и «Белла Сара». Знала, что снова стану отращивать волосы, нагоню упущенное время, буду много трахаться

и много пить. Заработаю репутацию кутилы, тусовщицы, стойкого бойца, всегда готового на подвиги, чтобы на меня повесили соответствующий ярлык и раз и навсегда отстали.

Знала, что зять дал мне работу, чтобы потешить свою гордость этакого Корлеоне, мол, семья — это святое и т. д. и т. п., и что если не я буду «готовить» ему будущих клиентов, так вместо меня этим займется другая продажная душонка. Да, я все это понимала и ничего не говорила вам, потому что я великодушна.

Лишь однажды за все эти годы, проведенные на фронте, со мной случилось что-то прекрасное, лишь однажды я не врала — так кретин написал об этом книгу. Так что вот, приличия требуют сохранять веселый вид, но мне сегодня не до приличий.

Сегодня я отдыхаю, показываю всем «фак» и отключаю телефон.

Увы, против натуры не попрешь, и как хорошая девочка я заставлю себя дойти до конца этой истории, но предупреждаю: можете смело перематывать вперед, ничего особенного не потеряете.

Акт третий
1

Однажды как-то раз я забыла сумку в кафе около Триумфальной арки. В сумке лежал конверт с сотней стоевровых купюр. Сто зелененьких банкнот прямиком из банка. Красивые, хрустящие, гладенькие и чистенькие, прям как новые. Какой-то толстяк нашел мою сумку и четырьмя днями позже вернул мне ее нетронутой.

Внутри сумки было спрятано письмо, живописующее в 3D мою «киску» и сиськи. Ладно, думаю, с каждым может случиться… Пусть не такое сочное письмо, но какие-нибудь фотографии, видео, удручающие смски, откровенные вложенные файлы, призывные пиксели, отвратительные и злонамеренные, все эти предательские штуковины, весь этот арсенал самолюбования и бесстыдства, которым на сегодня все мы так старательно обзавелись, должно быть, уж немало повлек за собою проблем, ведь так?

Еще бы… наверняка это добавило и остроты судебным заседаниям, и боли разбитым сердцам… Ну а я-то с чего это вдруг так распереживалась?

Строю тут из себя поруганную невинность? Да какое мне дело, что какой-то там тип, которого я никогда в жизни больше не увижу, узнал о том, какая я на вкус, а? Ведь правда! Все эти мои причитания абсолютно бессвязны. И с каких это пор я стала вдруг такой деликатной? Черт побери, ведь это я бы все-таки заметила!

Все вокруг стало каким-то бессвязным. Да и внутри.

На свадьбу я шла, положив под язык две таблетки болеутоляющего, уверенная в том, что напьюсь в хлам. Возможно, выглядела я прекрасно, но было это уж точно ненадолго. Уж в чем-чем, а в этом я могла даже не сомневаться.

2

Добравшись до мэрии 20-го округа, я уже запыхалась и, стремительно преодолевая лестницу в своих пресловутых сногсшибательных «лодочках», как и полагается, вывихнула себе лодыжку.

Корчась от боли, я обратилась к какому-то типу, который выглядел так же нарядно, как я, но не так сильно спешил.

— Простите, вы… уф… я… я ищу зал бракосоче-

таний, вы… Вы не знаете, где это?

Он протянул мне руку, чтобы поддержать, пока я надевала обратно свой хрустальный башмачок, а потом очень любезно ответил на мой вопрос:

— Вы ищете кузницу будущих рогоносцев? Вам сюда! Как и мне! На церемонию, я имею в виду… Так что прижмитесь ко мне покрепче, юное неустойчивое создание, опаздывая вдвоем, мы привлечем меньше внимания.

Бинго, я нашла своего нового спутника, и возможно, именно он сажал меня в такси после полуночи — к тому моменту мои туфли уже давно были потеряны.

Молодожены больше никогда мне не звонили и даже не поблагодарили за подарок. Я не помню, в каком я была состоянии, и уж тем более не помню, что я могла рассказывать их гостям, но, должно быть, это оказалось не слишком уместным на свадьбе.

3

А между тем это была моя последняя пьянка.

Ну а поскольку эти три доблестных слова, стоящие друг за дружкой, — моя-последняя-пьянка

— не выглядели опасно, то они меня не насторожили.

Я ошибалась.

Это был дурной знак.

Ибо что остается тому, кто бросил пить, тогда как он предавался этому от отчаяния?

Отчаяние.

Это непросто. Отчаяние — это очень запутано. Особенно в моем случае — ведь мне как опытному игроку в бонто[154] столько лет удавалось сбивать его с толку.

Мне было сложно угадать самолюбование истинного страдания, а поскольку я слишком большая трусиха, чтобы пытаться понять, что там творилось в недрах моей души, то ограничусь только перечислением симптомов, внешних признаков беды. Да, я бросила пить, это правда, но я и есть перестала, и спать тоже. Для простого самолюбования, согласитесь, неприятностей многовато.

Другая на моем месте, более отважная, более практичная или менее жадная, чем я, отправилась бы к доктору. Возможно, не так чтобы

---

[154] Примечания: 154

Бонто — карточная игра: угадывание одной из трех перевернутых карт.

напрямую к психиатру, но, по крайней мере, к врачу. К доброму старому семейному доктору, которого у меня больше не было. Она бы пошла к любому терапевту в своем районе и, не вдаваясь в детали, сказала бы ему все разом: «Здравствуйте, доктор, со мной все в порядке, все очень-очень хорошо, уверяю вас, вот только, знаете ли, мне необходимо выспаться прямо сейчас. Мне надо *хоть немного* поспать, иначе я просто рухну. О! Аппетит это не страшно! У меня такие булки на ляжках, знаете! К тому же смотрите… Я курю по две пачки „Мальборо“ в день, это меня спасает. Но по ночам… когда ночь за ночью, одна за другой, постоянно проходят без сна, то со временем ведь от этого умирают, нет?»

Именно так думала я про себя, когда возвращалась посреди ночи от площади Звезды к Монмартрскому кладбищу, теребя в кармане седьмой никчемный счет, а эта история только начиналась.

Увы, да… Я не слишком хитра… В итоге столько всего, и лишь для того, чтобы вернуть меня на исходную позицию.

Какой, простите, счет?

Седьмой?

Но, но Матильда… Ты сейчас разом раскрыла все свои карты! Ты пропала, девочка моя! Ты проиграла! Знаешь, как англичане называют бонто? Find the Lady. Найдите даму. И что? Что это значит? Вот, значит, что скрывала твоя червовая дама? Так это из-за него, из-за этого увальня, ты в таком состоянии?

…

Это с его-то лакированными башмаками и передовыми носками с укрепленной пяткой?

…

С его недостающим пальцем? С его острыми ножами, как нельзя лучше подходящими к общему стилю его одежды?

…

С его курткой, от которой несло козлятиной?

…

Со всеми его ночными странностями?

…

Эй, просто хочу тебе напомнить, что у него по-прежнему есть твой номер… О’кей, ты настолько криворука, что даже номер телефонный не смогла нормально записать, но он, если бы захотел, мог с тех пор уже сто раз тебе перезвонить…

…

А, хотя, быть может, и не мог, заметь… Быть

может, ему для этого пальцев не хватает…

…

Эй, Матильда! Могла бы и отвечать, когда с тобой разговаривают!

Заткнись. Можете сколько угодно насмехаться, издеваться и глумиться надо мной, вот только не надо учить меня уму-разуму. Воспитывать меня не надо. Вы же знаете, что я это ненавижу. Если будете продолжать в том же духе, то вы меня окончательно потеряете. Да и потом… Да и потом, что вы в конце концов хотите, чтоб я вам рассказала?

Все, моя красавица.

Все как есть.

Раздевайся и иди к столу.

4

Ну так… уф… с чего мне начать? И, прежде всего, где я вообще сейчас нахожусь?

Бульвар де Курсель. Ладно. Порядок. Времени достаточно.

Я сожалела, что сожгла письмо. Сожалела, что сожгла его, не перечитав напоследок. Я уже плохо

помнила, что именно там говорилось, и отрывочность моих воспоминаний искажала мне всю картину. Я сожалела, что не взглянула еще разок, какова я на вкус, чтоб хотя бы приблизительно представить, что он там себе мог вообразить, а заодно вспомнить, что имеется в моем распоряжении.

История начиналась в невыгодном для меня положении. Хотела бы я столько же знать о нем. Впрочем… «столько же» мне бы, конечно, не хотелось, но хоть что-то еще. Хоть что-то, помимо царапин на подбородке, вихра на затылке, отсутствующей фаланги, неподвижного взгляда и каких-то сутенерских повадок.

Я понимала, что мне не хватает деталей, и это меня расстраивало.

Я хотела понять, как это вообще возможно в нашем сегодняшнем мире, вернее в том, во что мы этот мир превратили, в том огромном игорном доме, в котором и я сама без лишних зазрений совести ежедневно делала свои ставки, как это возможно, что некто отдает незнакомому человеку десять тысяч евро наличных и ограничивается лишь тем, что предостерегает, благожелательно намекая, как, мол, важно не упустить свою фор-

туну[155], и к тому же еще и оплачивает счет.

Я хотела понять, как это можно иметь столько наглости, чтобы порыться в сумке у девушки, причем не таясь, напротив, словно специально оставив метки, проникнуть в ее интимные тайны, расчувствоваться, снова ее разоблачить, более получаса молча сидеть в глубине кафе, спокойно и обстоятельно просвечивая ее насквозь, потом обнюхать ее под предлогом услужливости и, наконец, уцепиться за ее руку, и вместе с тем быть таким простофилей, что отдать ей все, не догадавшись записать себе ее координаты, и быть вынужденным просить их у нее, звонить ей втихаря в неурочное время с таким таинственным видом, словно это преступление против монаршей особы, вынашивать проект, желание, потребность накормить ее, виновницу стольких угрызений, вернуть ей аппетит, который она сама давно потеряла, но ненароком возбудила в нем, выдержать следующим вечером оскорбительную демонстрацию динамо-машины (все так же ненарочно, увы, но как он мог об этом знать?) и даже не удосужиться перезвонить еще разок этой неблагодарной твари, этой паршивой

---

[155] Примечания: 155

Игра слов: fortune во французском — это и удача, и богатство.

врушке, этой гнусной соблазнительнице, чтобы тоже ее соблазнить.

Короче, мне хотелось понять, с какой планеты родом этот странный мальчик, и если с нашей, то наконец-то явственно осознать, что значит быть человеком.

Мне хотелось умирать с голоду, чтобы он подобрал меня и спрятал там же, где у него когда-то хранилась сумка моей матери, подробная дегустация меня другим кретином и вся моя бардачная жизнь: на груди, под курткой.

Да, именно этого мне хотелось и ничего другого. Чтоб он застегнул «молнию» до самого верха, оставив меня отдыхать на своей пухлой груди.

…

Ага! Что, язык проглотили? Думаете небось, что это она нам тут заливает, глупая болтушка?

После своего пресловутого поэта с его звездной лютней, после целой вереницы всех ее бездарных романов и перед тем бедолагой, которому наконец удастся ее заарканить, посадив ей троих малышей в минивэн, ей потребовался этот воображаемый помощник мясника с его огромными ручищами, с его штанами в мелкую клеточку и ботинками с укрепленными носками, это так?

Гротеск да и только.
Самый настоящий гротеск.

Ну да. Смакуйте.
Смакуйте, злыдни.
Перемывайте косточки невинной голубке…

А «Фейсбук», разве это не фантазм?

А Meetic? Или Adopte? Или Attractive? Все эти идиотские сайты знакомств? Все эти ничтожные сборища, где ты пристраиваешь свое одиночество меж двух рекламных роликов и всех этих кнопок «Нравится», среди сообществ воображаемых друзей, в контролируемых группах, в нищих братствах людей, связанных стадным чувством и абонентской платой с богатейшими серверами, это все что?

А эта лихорадочность… Это постоянное тягостное чувство нехватки, эта дырочка сбоку, это бесконечное донимание телефона, экран, который вечно приходится разблокировать, все эти жизни, которые вы себе докупаете, чтобы оставаться в игре, эта рана, этот шлюзовой щит, эти сдавливания в кармане? То, как вы все, всегда, постоянно проверяете, не оставили ли вам сообщение, не прислали ли смс, какой-нибудь знак, напоминание, извещение, рекламу… что угодно.

И уже неважно, от кого или от какой конторы, главное, что это адресовано вам и вас это успокаивает, это напоминает вам, что вы живы, что вы существуете, что с вами считаются, и раз уж по-другому с вами все равно незнакомы, то вам, возможно, еще и попытаются продать по ходу действия какую-нибудь последнюю новинку.

Все эти пропасти, головокружения, все эти кодовые строчки, которые вы поглаживаете в метро и которые бросают вас, как только больше не ловится сеть. Все эти отвлекающие вас от вас самих развлечения, благодаря которым вы утратили навык задумываться о самом себе, мечтать о своем, общаться с «базой», погружаться в себя, учиться познавать и признавать себя, смотреть на других, улыбаться незнакомым людям, ощупывать взглядом, флиртовать, заводить и даже трахаться! Но которые дают вам иллюзию того, что и вы иллюзорно существуете и обнимаете весь мир…

Все эти кодированные эмоции, дружба, зависящая от электричества, с помощью которого ежевечерне аппарат надо заряжать, и от нее бы совершенно ничего не осталось, если бы однажды вдруг вылетели пробки, все это что, уж не фантазм ли, быть может?

И я знаю, о чем я говорю.
Я тоже активный пользователь.

Мне было наплевать, повар он, уборщик или трейдер. Даже если я и имею слабость думать, что выбрать для себя эту адову работу — изо дня в день кормить себе подобных — может только по-настоящему добрый человек.

Иначе я не знаю, как там продержаться.

Возможно, встречаются недобрые люди, натянувшие на себя поварские одежды, но чтобы так рано вставать и так поздно ложиться, чтобы так мерзнуть по утрам, принимая товар, и так затем изжариваться у плиты, чтобы быть в таком напряжении в моменты аншлагов, что засыпать после этого в перерывах в первом попавшем бистро, чтобы не лениться опускать ошпаренные овощи в баки со льдом ради сохранения яркости их красок и — делая это — захватывать несколько льдинок и для себя, для своего навеки землистого цвета лица, чтобы чувствовать себя уставшим во время отпуска, но все равно всегда иметь силы надеть фартук и накормить друзей, семью, друзей друзей, всех этих людей, которые так счастливы, что у них есть знакомый повар, всегда под рукой, и чтобы еще чувствовать себя при этом счастливым, возможно, я ошибаюсь, но мне кажется, для

этого надо быть хорошим человеком. Щедрым, как минимум. Отважным, без вариантов. Потому что сытость — это такая неблагодарная тема… Очень-очень неблагодарная… Все время нужно начинать все сначала.

Даже если допустить, что все это лишь плод моего безумного воображения и на одного достойного приходится по десять канцелярских крыс, десять чистильщиков овощей, десять злобных и сварливых и еще с десяток тех, кто через пень колоду и без всякого на то призвания тащится к диплому о профессиональной подготовке, десяток тех, кто просто пристроился поработать, за неимением лучшего, и до конца дней своих будет высчитывать свои отработанные часы, свои ожоги и свои очистки — смирившихся, желчных и уж, само собою, обескураживающих и обескураженных, что в общем нормально при такой работе, — так вот, даже если все это допустить, пусть так, но знаете, что в таком случае сделал бы плод моего воображения? Он бы стащил мои десять штук.

О да.

Именно так.

Ошибаюсь ли я, все сводя к деньгам? Нет, конечно же, нет, это контрольная ценность, сами

знаете…

И даже допустив, что я настолько ненасытна, что выдумываю тут себе эдакий кремовый тортик и готова выдать хоть три звезды первому встречному искусителю, которому так некстати вздумалось заснуть у меня за спиной, так вот, даже и это допустив (рохля! И что только в голову не взбредет, когда нет велика, а магазины закрыты!), ладно, пусть, но и в этом случае все говорило опять-таки в его пользу, он ловко выкрутился для несчастного идиота и честного бедолаги, уверяю вас.

Потому что у него в запасе были все козыри, чтобы испортить мне жизнь… Уж я-то это знаю, сама ведь их ему вручила…

На месте деньги или нет, неважно, сумка, попав в руки постороннего человека, предоставляла ему всю информацию, необходимую для хорошего розыгрыша. Он мог меня выследить, найти, продолжать будить по ночам вопросами: Ух ты! Ах ты! И правда ли я настолько хороша, и нравятся ли мне по-прежнему — ха-ха! — игры с колотым льдом, и сохранилась ли на балконе банка с топленым салом и — фрррр! — действительно ли моя задница благоухает как цветок в устричном соусе.

Такая визитная карточка в дамской сумке — это, конечно, королевский подгон.

Но вместо всего этого он, побледнев и потеряв голову, признался, что «вернул все».

Ну вот. Я закончила.

Бульвар Батиньоль.

Помилуйте, я так и не ложилась…

Ладно. Приехали. Вон уже вдалеке виднеется краешек моего Сакре-Кер.

…

А! Что это вы так остолбенели вдруг?

…

Я сказала что-то, что вас задело?

…

И что? Отвечайте же, когда с вами разговаривают!

В общем… Мы всего этого даже представить себе не могли, что уж…

Всего этого — это про что?

Ну, того, что ты дошла до…

Дошла до чего?

Ну, что ты настолько изголодалась… Издалека, вот так, совсем не заметно.

Издалека ничего не заметно.

…

Вы уж мне поверьте. Поверьте, потому что уж в этом-то я разбираюсь. Все… все мы, какие уж есть, большую часть своей жизни живем контрабандой, тайком. Издалека, вблизи, в фас, в профиль и вполоборота, никогда ничего не заметно.

…

Эй, скажите же хоть что-нибудь! Сжальтесь. Поговорите со мной немножечко. Я иду сейчас над железной дорогой, десятки рельсов расходятся у меня под ногами, и, глядя на все это множество возможных и невозможных отъездов, я чувствую, как все больше портится мое настроение. Вздыхаете? Ладно, но только проводите меня еще чуть-чуть. Пожалуйста.

А как же твой пресловутый GPS-навигатор?

Он потерялся, так же как и я.

Что ж… Ладно, если все то, что ты нам поведала, правда, тебе надо его найти. У тебя нет другого выбора.

Легко сказать…

Тот первый официант, который еще назвал его Ромео, должно быть, он его знает…

Нет. Я спрашивала, он знает о нем не больше, чем я, и никогда его здесь с тех пор не видел.

Черт. Значит ты берешь компас, расширяешь область поиска вокруг места вашей встречи и

обходишь все близлежащие рестораны.

Все?

Есть другие идеи? Хочешь завесить его фотороботом Триумфальную арку?

Но на это потребуется уйма времени!

Возможно, но выбора у тебя нет.

Почему?

Почему? Да потому что мы заскучали! Нам надоело выслушивать твои внутренние монологи в темноте! Нам плевать на твои душевные состояния! Наплевать! Они у каждого есть, знаешь ли! У каждого! А мы-то хотим историю! В конце концов мы за тем и пришли!

Уффф…

Чего уффф? Что случилось? С чего это ты насупилась?

Я боюсь снова страдать…

Но Матильда… это же прекрасно — страдать, когда ты в отличной форме. Это привилегия! Только мертвые больше не страдают. Так что возрадуйся, красавица! Иди, беги, лети, надейся, разбивайся, ошибайся, пускай кровь, кровоточи или чествуй, но главное — живи! Поживи хоть немножко! Твой гладкий зад и благоухающие мускусом и фруктами ноги… ну-ка, подвигай ими, покажи, как ты это умеешь. Потому что ты,

обрати внимание, морализаторствуешь тут с важным видом не меньше, чем мы. Так что давай, оскорбленная малышка из дорогого квартала, бери на себя ответственность. Хоть раз в жизни до конца последуй за своими убеждениями. Забудь свой компьютер, комфорт, сестричек с розгами, о которых ты говоришь столько гадостей, хотя под их опекой на самом деле счастлива оставаться маленькой девочкой, да, забудь об алкоголе, о своем дешевом цинизме и о своей матери, которая никогда не вернется, и… Ох! Ты куда идешь?

Не верю своим глазам… Мой велик… Ну да! Это он! Это мой дорогой Жанно! Какое счастье! Он все еще здесь! Ох, ты все еще здесь, мой дорогой. Ох, спасибо. Ох, браво. Ох, как круто. Ладно, давай, поспешим-ка домой, потому что нам надо набраться сил.

О да, у меня есть для тебя работа, старая развалюха.

5

Знаешь, Матильда, если ты в жизни чем-то по-настоящему дорожишь, сделай все, что надо, чтобы это не потерять.

Не волнуйся, святой Жан-Батист, не беспокойся. Хоть ты и не заметил, но под складками моего платья у меня тоже есть одна очень красивая цепочка…

Акт четвертый
1

Солнце ласкало кариатид на доме напротив, жужжала соковыжималка, подпевал чайник, часы на плите показывали 7:42, и Мишель Дельпеш (или Фюген) (или Польнарефф) (или Берже) (или Йонаш) (или Сарду) (или на выбор) что-то жалобно блеял с утра пораньше.

Жюли проверяла срок годности йогурта на соевом молоке с органическим черносливом, Полин поинтересовалась:

— Ты Матильду видела?

— Нет. Она уже ушла, когда я встала.

— Опять?! Но чем она занимается в такую рань?

— Второе июля… Надо поторопиться…

— Что, прости?

— Йогурты… Ты будешь?

— Нет, спасибо.

— Слушай, мы скоро кучу всего должны будем выкинуть в помойку… И это тоже из-за нее! Она ничего не ест!

— И почему она так рано теперь встает? Она

что, работу себе нашла?

— Понятия не имею.

— Ты видела карты в ее комнате? Все утыканные булавками и все прочее?

— Видела.

— Но чем она занимается?

— Понятия не имею…

— Она собирается переехать?

Жюли не знала ответа на этот вопрос, а Даниэль Гишар твердил по кругу: «Цыган, цыган, цыган, цыган, цыган, цыган, цыган, цыган, цыган, цыган, цы…»

На помощь.

2

В пятнадцати минутах ходьбы от того кафе, где они встречались (она подумала, что, возможно, ему требуется пройтись, размять ноги в перерыве между обедом и ужином), Матильда обнаружила двести двадцать восемь ресторанов и пивных.

И это еще если учесть, что она вычеркнула из списка все пиццерии, блинные, чайные, индийские и марокканские рестораны, афганские, тибетские, макробиотические и вегетарианские.

Она решила, что эта стряпня не требует таких больших ножей.

228.

Двести двадцать восемь.

Сто+сто+двадцать+восемь.

Требовалось все это как-то организовать: она отксерокопировала с увеличением куски 16, 17 и 18-го округов, прикрепила кнопками над своим рабочим столом и принялась покрывать их булавками с красненькими головками, чтоб двигаться последовательно. (Наполеон бы не справился лучше.)

Поначалу она попробовала было обзванивать заведения, но быстро осознала, что так легко победить не удастся. Она не знала его фамилии, была неспособна его описать, назвать его возраст, сказать, как давно он работает, и уж тем более не могла объяснить, по какой причине его разыскивает, нет-нет, она не из трудовой инспекции, и нет, она не хочет забронировать столик, она попадала на гнусавые автоответчики, на не имеющих времени метрдотелей или на хозяев, занятых своей бухгалтерией, и все они, какими бы ни были, в конечном счете посылали ее к черту.

Короче говоря, хотя она еще не добралась даже до авеню Ваграм и Йена, настроением это уже

напоминало отступление Наполеона из России.

Начать наступление, вот что требовалась.

Атаковать. Двигаться. Двигаться к нему.

Светиться, улыбаться, шутить, строить из себя старую приятельницу, которая просто проходила мимо, сестренку из провинции, заблудившуюся в большом городе, «матушку Мишель, потерявшую своего кота»[156] или же просто легкомысленную девицу в зависимости от того, кто перед тобой.

И еще требовалось рано вставать.

Потому что на помощь зала рассчитывать не стоило. Метрдотели, официанты на террасах и в помещении, уставшие еще до того, как натянули свои рабочие жилетки, маленькие начальники, которые выпендривались как могли, — все эти люди кардинально менялись в зависимости от того, работали они или нет. Они становились любезными, только когда надевали свою спецодежду и начинали охоту за чаевыми, а в трениках и с пылесосом в руках так и норовили заехать по лодыжке.

Требовалось рано вставать и находить служебный вход. Заднюю дверь. Вход для артистов и

[156] Примечания: 156

Слова из общеизвестной французской детской песенки «C'est la mère Michel» («Матушка Мишель»).

поставщиков. Такую кривенькую, невзрачную дверь, застопоренную чем попало — ящиком из-под фруктов, пустой баночкой из-под крема или огромным бидоном масла, — которой пользовались всякие пакистанцы, шриланкийцы, конголезцы, котдивуарцы, филиппинцы и прочие граждане United Colors of Life de Merde[157], выплескивавшие мыльную воду, но время от времени там можно было заметить и более щекастых зомби, с более светлой кожей.

Эти обычно потирали лицо, имели достаточно средств, чтоб не крутить самокрутки, и курили готовые сигареты, прислонившись к стене и опираясь о нее одной ногой, в одиночестве или в компании, все более молчаливые к концу дня.

Свежие как огурчики на перерыве в 8 утра, более спокойные к 10, готовенькие к 15, и, как ни парадоксально, оживавшие к закрытию, и вот тогда снова возобновлялась болтовня.

Вместо того чтобы расходиться по домам, они трепались, смеялись, снова прокручивали события дня, задирали друг друга, как раз чтобы выпустить пар и дать стрессу время раствориться в ночи.

---

[157] Примечания: 157

Здесь: всех оттенков этой дерьмовой жизни (*англ., франц.*).

За несколько дней… теперь уже ее поисков, а не завоеваний (она перестала умничать) Матильде все это открылось.

Целый мир…

Она также поняла, что одно только имя никуда ее не приведет, что большинство этих странных типов знали друг друга только по фамилиям, и всякий раз, когда она спрашивала какого-то Жан-Батиста, на нее смотрели с таким сожалением, будто она просила сердитого мсье, только что закрывшего школьные ворота, принести ей ее игрушку. Еще Жан-Ба — куда ни шло, но Жан-Батист нет. Это слишком длинно.

Когда она натыкалась на посудомойщика и понимала, что всех ее познаний в английском, бенгали, сингальском, тамильском и она-уж-не-знала-в-каком-еще не хватит, чтоб достучаться до собеседника, то кивала на кухню и, наугад согнув один из пальцев левой руки (она уже не помнила, какого именно пальца не хватало), другой рукой изображала солидное пузо, а иногда даже показывала вихор на затылке.

Те немногие, кто не принимал ее за сумасшедшую, качали головами и разводили руками.

Уходя она слышала, как они шептались между

собой:

– *Avaluku ina thevai pattudhu?* (Чего она хотела?)

– *Nan… seriya kandupidikalai aval Spiderman parkirala aladhu Elvis Presley parkirala endru…* (Ну… Я не очень понял, она искала то ли Человека-паука, то ли Элвиса Пресли…)

– *Aanal ninga ina pesuringal? Ina solringa, ungaluku ounum puriyaliya! Ungal Amma Alliance Francaise Pondycherryla velai saidargal enru ninaithen!* (Но что ты снова городишь? Хочешь сказать, что ничего не понял, да! А я-то считал, что твоя мать работала в «Альянс Франсез» в Пондичерри!)

– *Nan apojudhu… orou chinna kujandai…* (Ну ладно тебе… Я был еще маленький…)

Пару раз ей заявляли Жан-Батиста, но Жан-Батист оказывался не тот, а однажды утром ей даже предъявили парня с и впрямь укороченными руками, но это тоже был не он.

Новости по кухонному радио распространялись быстро, и дней через десять ее уже нередко встречали такими словами:

— Ничего не говорите. Вы та, которая ищет однорукого повара, ведь так? Ха-ха, нет, у нас таких нет…

Она превратилась в своеобразное развлечение.

Утренний перерыв на шоколадку. Сумасшедшая на велике, которая что-то вычеркивает в своем блокноте и попутно стреляет у вас сигаретку или, наоборот, угощает своей.

В итоге она тоже развлекалась. Ей нравились эти вечно спешащие молодые люди, не слишком разговорчивые, но бодрые. Всегда бодрые. Ее особенно завораживали самые молодые. Отдавали ли они себе отчет, что именно в этот момент их жизни между ними и их товарищами из обычного мира, с «гражданки», начинал образовываться ров?

* * *

Она ставила будильник на пять утра, принимала душ с минимальным напором воды, чтобы не разбудить сестер, складывала в сумку свои карты и с рассветом погружалась в Париж, в самый разгар летнего солнцестояния.

В заспанный розоватый Париж доставщиков, установщиков рыночных стендов и пекарей.

Она заново открывала для себя виды, бульвары и авеню, по которым раньше, примерно в то же самое время, обычно возвращалась домой никакая, на автопилоте, ковыляя зигзагами и то

опираясь на руль своего велика, то удерживаясь за него, как за противовес.

Ей нравились сонные потягивания, нахальная нега, откровенная и волнующая расслабленность этого города, который ее бедные маленькие глазки, опухшие от усталости, алкоголя и миксоматоза анонимных меланхоликов, так давно не видели, и который, чего уж там говорить, сколько над ним ни бились, был прекрасен как божий день.

Как же вокруг было красиво… Она чувствовала себя туристкой, прогуливаясь, как на экскурсии по собственной жизни. Она стремительно неслась вперед, играла с водителями автобусов, лихо обгоняла тихоходов на тяжелых прокатных великах, следовала по следам барона Османа, оставляя позади простонародную часть (вернее то, что от нее осталось) площади Клиши, ехала вдоль все более богатых домов, приветствуя красивую ротонду в парке Монсо, и каждое утро она задавалась вопросом, кто же тут жил, в этих фантастических частных особняках, и эти полубоги, отдавали ли они себе отчет в том, насколько им повезло, она завтракала в разных кафешках, видела, как цены ползут вверх по мере того, как уменьшается цифра округа, смотрела на

людей, листала «Паризьен», садилась спиной к телевизору, слушала разговоры за стойкой бара, приобщалась к хвастливым, пустым, звонким и/или выигрышным прогнозам по лошадиным ставкам тьерсе и футбольной таблице, делала свои ставки, если было по душе, и потом быстрее крутила педали, нагоняя упущенное время.

На спусках покрывалась «гусиной» кожей, а на подъемах ее бросало в жар…

Верила.

Верила крепко-накрепко.

Придумывала себе жизнь, играла со своим одиночеством, сочиняла себе кино, представляла себя Матильдой из «Долгой воскресной помолвки» [158], искала абсолютно некрасивого парня, который хотел ей понравиться, однажды ночью он сам поведал ей это на ушко, и даже если она его не найдет, даже если все это лишь очередная глупость в стране под названием «Скажи Жизни Да!», это тоже нестрашно, в любом случае он уже преподнес ей великолепный подарок — дал почувствовать себя на ногах, решительной, ранней пташкой и уже одно это… было слишком щедро.

---

[158] Примечания: 158

«Долгая воскресная помолвка» (1991 г.) — роман Себастьяна Жапризо (1931–2003), экранизированный в 2004 г.

По крайней мере, все то время, когда она рано вставала по утрам, ей как будто принадлежал весь мир.

3

Принадлежал?

Другим!

Вот уже почти три недели, как она встает ни свет ни заря и таким вот образом прогуливается, при этом продолжая работать, старается ложиться пораньше, почти ничего не ест и засыпает разочарованная. Это… мучительно.

Матильда вздохнула.

И что это она себе опять вообразила?

И что за гнусный рататуй подсовывал ей снова Купидон?

Эй, толстозадый, ты там?

Что это опять за дрянное рагу?

Все места, на которые она рассчитывала и которые ее вдохновляли, все советы, рекомендации, вся эта шумиха, передававшаяся от одного служебного входа к другому, все эти пожелания удачи и «Говоришь, на лезвиях были как будто бы ореолы? Это японские штучки, это… будь я на тво-

ем месте, я бы начал с японских заведений», да, все эти ценные подсказки и иллюзорные надежды, все эти подробнейшие описания и настолько невозможные вопросы («Простите, мсье… я ищу повара, вот… уф… не знаю его фамилии, но он… уф… немного упитан… вам это кого-нибудь напоминает?»), все эти вытаращенные глаза, грустные покачивания головой, разведенные руки, вежливые и злые отказы, вся эта изнанка жизни, пробуждения ни свет ни заря и постоянные разочарования, все это, все, все было бесполезно.

Матильда колебалась.

Но где же он прятался, черт его подери? Работал ли он вообще в этом районе? Или он был поваром-любителем? Или же работал в столовой? Где-нибудь на предприятии? Или же он вообще не повар, а увешанный ножами опасный мифоман? Или же милый мечтатель, непоследовательный в своих грезах?

И почему он ей так и не перезвонил? Потому что разочарован? Оскорблен? Злопамятен? Или забывчив?

Потому что он не умеет читать?

Потому что она пришлась ему не по вкусу или же он посчитал, что она по-прежнему живет со своим рифмоплетом?

Матильда сомневалась.

Да и потом… существует ли он? Существовал ли он вообще?

Быть может, она все придумала. Быть может, письмо уже долгие годы лежало не в конверте. Быть может, его гораздо раньше прочел кто-то другой или другая. Быть может…

Быть может, слова снова ее поимели…

Кстати, по поводу слов… она и забыла и только сейчас вспомнила, что ведь это здесь, именно на этой улице много лет тому назад ее начинающий писатель как-то раз зимним вечером сильно побледнел.

Он побледнел и разволновался, потому что узнал вдалеке силуэт пожилого человека, входившего в крутящиеся двери отеля напротив. Он побелел, схватил ее за руку, помолчал какое-то время и наконец выдал, восторженно проскляняв на все лады: «Бернар Франк? Это был Бернар Франк? О-ля-ля… Бернар Франк… Ты представляешь? Это был Бернар Франк!»

Нет, она не представляла, она замерзла и хотела поскорее в метро, но ее растрогал его потрясенный вид:

— Ты хочешь туда пойти? Ты хочешь с ним поздороваться?

— Я на это неспособен. К тому же, ты знаешь, это роскошный отель… У меня не хватит денег угостить тебя даже оливкой…

И всю дорогу он только об этом и говорил: о философии Бернара Франка, о его культуре, о великолепных книгах, которые он написал, о его стиле, о его флегматичности, о его элегантности и так далее и тому подобное.

Волнение, ломаный язык, бормотание, неудержимый поток речи экзальтированного писаки, акт второй, сцена третья.

Она рассеянно слушала его лепет, подсчитывая, сколько станций им надо еще проехать, а потом, в какой-то момент, он добавил, что эта тень в белом шарфе была лучшим другом Франсуазы Саган, что они вместе были молоды, богаты и прекрасны, вместе читали, писали, танцевали, играли в казино и кутили, и вот это ей запомнилось, и то, как она тогда размечталась.

В подземном туннеле тем ледяным ноябрьским вечером она прижалась носом к окну, чтобы не видеть своего блеклого отражения, и задумалась о том, каково это тусовать с Саган…

Да, ей бы этого хотелось, и теперь она сожалела о том, что ей не хватило смелости последовать за ним в его роскошный мир. За ним… За другом

Гэтсби…

Молча, держась за руки, они ехали в тот вечер по девятой ветке метро, предаваясь своим сомнениям, мечтам и сожалениям.

На следующий день Бернар Франк умер.

Здравствуй, печаль.

Матильда резко затормозила.

Роскошные отели… Она забыла про отели…

Ну и шляпа.

Поставив ноги на землю и облокотившись о руль, она засмотрелась на консьержей, пританцовывавших вокруг изысканных машин с номерными знаками разных налоговых гаваней, в который уж раз с изумлением отдавая дань уважения пронырливости и всемогуществу жизни.

Потому что именно там его надо было искать…

Конечно, именно там.

За этим величественным фасадом, в каменном особняке, к которому и не подступишься, на улице Фобур-Сент-Оноре, носящей имя святого чудотворца и покровителя всех гурманов.

Он был там, и она вынуждена была признать, что и тут слова снова правили бал. Слова их познакомили, слова их разлучили, и слова снова сводят их вместе.

Так что это правда: литература — это круто, а

Матильда не всегда бывает права.

Она с облегчением признала свои заблуждения, и ее разрушительная первая любовь наконец нашла свое оправдание: неважно, что писатель преподнес ей слова с большей нежностью, нежели любил ее, зато он сдержал свое обещание.

* * *

Почти семь вечера. Неудачный момент для встречи на кухне…

Ладно… Она вернется.

Она удалялась со спокойной душой и, опираясь на своего старенького Жанно, любовалась собственной улыбкой во всех витринах квартала до самого перекрестка с улицей Руаяль.

Конечно, это было бесценно, не всегда свидетельствовало о хорошем вкусе и частенько не получалось, но все равно… улыбаясь, она выглядела прекрасно.

4

Даже чересчур прекрасно…

Все это было слишком уж хорошо, чтобы быть

правдой!

А вы поверили? Серьезно? Нет, но на что вы надеялись? Что она заявится на следующее утро, подпрыгивая от нетерпения, попросит его позвать и что он — шабадабада-шабадабада — предстанет в мутном сиянии и побежит к ней в замедленной съемке вместе со взлетающими голубями, а камера будет крутиться по кругу, снимая их с разных сторон?

Да ладно, бросьте вы, сборище сентиментальных чудовищ, так бывает только в кино. Или в тех книжках, что так ненавидел ее бывший. А тут у нас настоящая жизнь, увы, и наша мечтательная героиня покамест еще ничего не добилась: вход воспрещен, двери закрыты и всюду камеры видеонаблюдения.

Так. Что-то эта история начинала ее доставать… Все это ее уже вовсе не веселило, и надо сказать, вообще-то Матильде Сальмон уже более чем надоело бегать за мальчиком.

Играть чужую роль легко, если это недолго.

Она присела на капот машины, переобулась, достала косметичку, завязала волосы, припудрила щеки, накрасила ресницы, подвела губы, прыснула духами на затылок, свернула свою

куртку в комок и пристегнула к багажнику велосипеда, а затем, покачивая бедрами, направилась вверх по улице.

Красивая, сексуальная, стремительная и такая супербогатая, как она, с легкостью проигнорировала консьержей, грумов, ресепшионистов, носильщиков, горничных и клиентов.

Дальше.

Вглубь, туда, где всякая обслуга попадалась на пути.

Она ступила на ковролин, толще, чем ее задница, и углубилась в лабиринт коридоров, игнорируя вопросы и замечания, с которыми к ней обращались по-русски и по-английски, поправляя на своих плечах воображаемое боа, она нашла ресторан, молча улыбнувшись, обогнула пылесос, прошла прямиком к кухне и, толкнув дверь, поймала первого встречного:

— Мне нужно немедленно видеть Жан-Батиста. Позовите его, прошу вас.

5

— Кого? Венсана?

— Нет (снисходительно), Жан-Батиста. Я же вам

сказала. Того, с японскими ножами.

— А, Жебе (мрачным тоном), он здесь больше не работает.

В мгновенье ока Матильда утратила всю свою красоту.

Она больше не была ни богатой, ни сексуальной, ни гордой, никакой вообще.

Она закрыла глаза и принялась ждать, когда ее выставят за дверь под зад коленом. Вот уже к ней направлялся какой-то высокий тип недружественного вида. Потирая руки, он окликнул ее:

— Мадемуазель? Вы заблудились?

Она кивнула, и он указал ей на выход.

Но поскольку по ее лицу было видно, что она действительно в большой беде, настолько она пострашнела и выглядела несчастной, то он добавил:

— Вы его знаете? Будьте осторожны… Я вот тоже думал, что знаю его, а потом… а потом он меня все-таки подставил… Хотя он был неплохим вторым поваром… Я ему это, кстати, говорил… Не знаю, какая муха его опять укусила… Потому что он вообще-то с характером, ага? О, да еще с каким… Очень строг… А тут вдруг несколько недель кряду творил на работе невесть что, наде-

лал глупостей и ушел.

— Знаете, где я могу его найти?

— Нет, понятия не имею… И вот что еще вам скажу: и знать не желаю. Это была подстава с его стороны… в разгар сезона, вот так вот… Да уж, этого я долго не забуду… Явился однажды утром — как будто подменили. Его больше ничего не интересовало. До такой степени, что он уже и арбуз бы от мидии не отличил, экий упрямец. Сначала он взял больничный, потому что обжегся, потом еще лучше — нам пришлось вызывать для него «Скорую», а когда он вернулся, стал совсем другой человек. Ему не удавалось сосредоточиться. «Я потерял вкус» — вот, что он мне сказал… Собрал свои вещи в раздевалке и взял расчет. И для вас тоже выход там. И если вы его когда-нибудь встретите, передайте ему, чтоб отдал моего Гримо[159]. Он поймет.

Проходя теперь мимо служащих отеля в холле, Матильда чувствовала себя неловко. Чувствовала, что должна ускорить шаг. Что подобные вторжения, как ей помнилось, были запрещены для всех просящих, ищущих, разносящих и всех

[159] Примечания: 159

Очевидно, имеется в виду книга «Альманах гурманов» Гримо де ла Реньера (полное имя: Alexandre Balthazar Laurent Grimod de la Reynière, 1758–1837).

прочих элементов, чуждых миру пресыщенных.

Брысь.

Она уже подходила к своему великолепному «Астон-Мартин» с разбитой фарой, когда тот первый молодой человек, к которому она обратилась, дотронулся до ее локтя.

— Это вы?

— Простите?

— Девушка у Триумфальной арки, это ты?

Она улыбнулась и по внезапной боли поняла, что насквозь прокусила губу.

— Я так и подумал. Он уехал в провинцию… Нанялся в ресторан к своему дядьке… где-то в Перигё.

О господи. Перигё. Раз уж так, почему бы не в Австралии?

— У него есть телефон?

— Я его не знаю. У тебя есть чем записать? Я тебе скажу название ресторана. Это совсем не как здесь, сама увидишь. Там тебе будет проще его найти.

Она тщательно записала все его инструкции и подняла голову, чтобы его поблагодарить.

— Почему ты так на меня смотришь? — удивилась она.

— Просто так.

Он отвернулся и уже зашагал было обратно, но вдруг передумал:

— Эй!

— Да?

— А что именно было в твоей сумке?

— Атлас.

— Да?

Он выглядел разочарованным.

6

Матильда намеревалась заскочить домой взять свой ноутбук, зубную ще… но потом нет. Они и так уже потеряли уйму времени.

На первом же перекрестке она призадумалась: «Черт, Перигё, это с какого ж вокзала ехать? С Монпарнаса или с Аустерлицкого?

Так, ладно, мой дорогой император, раз уж ты с самого начала держишь тут свечку, доверюсь тебе вплоть до самого твоего коронования. Говорят, в тактическом плане, это была твоя лучшая победа, а вот я как раз-таки в тактическом плане не особенно сильна. Так что пусть будет Аустерлиц…

Эй, ты только меня не бросай, ага?»

Она пристегнула велосипед к парапету и пошла к кассам.

— Один билет? — переспросила добродушная Клеманс в сиреневом жилете. — Простой или туда-обратно?

Оп-ля. Простой. И так уже все слишком сложно.

Отныне, пожалуйста, все только простое.

И если возможно, по ходу движения.

Акт последний
1

Это был долгий день ожиданий. Сначала на вокзале, потом в Лиможе и, наконец, на улочках старого Перигё.

Хотя она раньше здесь никогда не бывала, это место будило в ней массу воспоминаний. Повсюду ей так и виделся д'Артаньян, распахивающий дверь в трактир с криком: «Эй, болван! Эй, где ты, чертов трактирщик! Неси своего лучшего вина!» А еще повсюду предлагались бутыли с ореховым маслом, мясные консервы, фаршированные утиные шейки и те же марки одежды, что и во всем остальном мире.

Да уж, геральдическая лилия несла потери. Надо заметить, в Китае ее вышивали гораздо дешевле.

Ладно… Это наш мир… Его надо любить… К тому же эти древние камни, рассказывающие вам романы плаща и шпаги, франчайзингу не по зубам.

Матильда гуляла, потому что решила дождаться конца рабочего дня. Появиться в полумраке.

Не потому что так романтичнее, а потому что она трусила.

Да, да, пока наша юная подруга строила тут из себя местечкового философа, у самой-то от страха уж давно душа в пятки ушла. Гнев отверженного шефа произвел на нее сильное впечатление. Быть может, этот парень действительно не в себе? Быть может, она там нарвется на скалящегося волка… или того хуже, на идиота. Или же на того, кому глубоко наплевать на богатенькую буржуйку с Елисейских полей со всеми ее лживыми обещаниями и запоминающимися словами…

Или же еще хуже: на того, кто несколько часов спустя скажет ей, кивая на часы:

— Сожалею… Мы больше не обслуживаем.

Да, может быть, она сейчас теряла очередную жизнь в этой дурацкой игре, которую придумала, чтобы убить время.

Проклятье…

Эй, трактирщик! Стакан холодной кока-колы, чтобы успокоить внутренности нашей малышки!

На рыночной площади она встала на цыпочки и сфотографировала красивого высеченного в камне паломника, бредущего по пути святого

Иакова.

Клик-клак. На память о поездке.

В худшем случае, если все окажется действительно плохо, она сделает себе из этого снимка заставку на экран телефона.

Что-то вроде грозной наклейки Post-it, чтобы не забыть, насколько опасно влюбляться в ближнего своего и вообще во все это верить.

2

Без четверти полночь. Вот уже два часа, как она томилась, пристроившись на низенькой каменной ограде напротив дядюшкиного трактира.

В заведении было нарядно, виднелись балки, медные кастрюли, слышался смех и звон бокалов. Д'Артаньяну с друзьями там бы очень понравилось.

Последние копуши встряхивались, оплачивали счета, а кока-кола уже не бодрила. Матильда гладила свой животик, умоляя его еще немного ее не подводить.

И свои ладони.

Ладони вспотели.

* * *

Теперь в зале не осталось клиентов, но продолжалось движение. Женщина внесла внутрь черную доску, стоявшую у дверей, молодой парень с мотоциклетным шлемом под мышкой попрощался с ней, прикурил сигарету и зашагал прочь, другой заново накрывал освободившиеся столы, в то время как полный усатый мсье в фартуке винодела (дядя?) хозяйничал за стойкой.

И больше ничего.

Матильда закипала.

Зарождаясь у нее внутри, сдерживаемые ругательства просачивались сквозь плотно сжатые зубы.

Тихое жужжание в ночи:

— Черт, чем они там занимаются? Давайте, давайте… Сваливайте поскорее, кучка идиотов. Валите. А ты? Ты-то когда выходишь? Тебе еще не надоело меня донимать? Все, давай… оставь ты свои фаршированные гузки и выйди наконец из этого своего кабачка, черт тебя подери…

Минут через десять снова появились женщина и парень, которые распрощались прямо перед ней и разошлись в противоположные стороны,

потом внутри погас свет.

— Эй! — воскликнула она, вскочила и перебежала через улицу. — Эй, я не собираюсь здесь ночевать!

Она стукалась о столы, уронила стул, выругалась исподтишка и, как бабочка-поденка, направилась к единственному источнику света — окошку, иллюминатору в кухонной двери.

Она медленно толкнула ее, сдерживая свое дыхание, свою гордость, свои зубы и все свое тело.

Мужчина в белой поварской куртке не отрывал взгляда от своих рук.

Он стоял у стола из нержавеющей стали и чем-то был занят.

— Ты можешь идти, я закрою. Только оставь ключи, я снова забыл свои! — бросил он в сторону, не отрывая глаз от своего творения.

Она подпрыгнула.

Она узнала его только по голосу, настолько он похудел.

— Кстати? Ты предупредил Пьеро о телячьей вырезке?

А поскольку, увы, но нет, она не предупреждала Пьеро, то в конце концов он поднял голову.

3

На его лице не проявилось ни радости, ни изумления.

Ровным счетом ничего.

Он на нее смотрел.

Он смотрел на нее… сложно сказать, как долго. Секунды в такие моменты длятся гораздо дольше, они редки и считаются в тройном размере. В общем, напишем, целую вечность.

А она, она молчала. Во-первых, потому что устала, а во-вторых, потому что и так достаточно. Свою часть работы она сделала.

Больше она и бровью не поведет. Теперь его очередь. Теперь его очередь взять их историю в свои руки. Ляпнуть какую-нибудь глупость и все испортить или сказать… Она не знала что именно, но что-то такое, что позволило бы ей наконец присесть и перевести дух.

Он все это почувствовал. По его лицу было видно, что он сражается со словами. Со словами, с усталостью, с воспоминаниями. Что он ищет. Почти находит, но останавливается. Что ему страшно и он тоже запутался, как и она.

Он опустил голову и вернулся к своему прежнему занятию. Чтобы выиграть время, а еще потому, что он становился умнее, когда его руки были заняты делом.

Перед ним лежал синий длинный каменный брусок: он точил ножи.

Она смотрела на него.

Они играли друг у друга на нервах, и тихий регулярный звук их успокаивал. Хоть сколько-то выигранных минут перед тем, как все рухнет, возможно, думали они про себя.

Он осмотрел лезвие, оценил его остроту, как смычком, проведя по ногтю большого пальца левой руки, потом перевернул его и снова стал точить.

На камне образовалась темная кашица. Он рисовал в ней завитки, восьмерки и окружности, наваливаясь всем телом на пальцы, сжимающие сталь.

Очарованная, она разглядывала его короткие ногти, побелевшие от напряжения, загрубевшие, со следами порезов, подушечки пальцев и спрятанный под эбеновой рукояткой пресловутый обрезанный безымянный.

Покалеченный, нежный и бледный палец — ей

захотелось его коснуться.

Не глядя на нее, он пододвинул к себе пиалу с водой и, смочив камень, снова принялся его гладить.

Трение лезвия, бешеное биение их слишком долго сдерживаемых сердец, гудение холодильной камеры неподалеку — еще какое-то время эти звуки их усыпляли, потом из соседней комнаты до них донеслись чьи-то шаги, щелчок выключателя, шум запираемой двери, опускавшихся рольставней и клацанье закрываемого замка, нет, даже двух.

Они погрузились в темноту, и только в этот момент она наконец увидела, что он улыбнулся: улыбка чувствовалась в его голосе.

— А… жаль… потому что, как я только что тебе сказал, свои ключи я забыл…

Он уже наслаждался, а она по-прежнему молчала. На ощупь за спиной нашла табурет, пододвинула его к себе и быстро уселась.

После этого снова воцарилась тишина.

— Я рад… — прошептал он.

Постоянно терзая свою нижнюю губу, она таки прокусила ее до крови. Должна ли она теперь что-то сказать? О нет, сжальтесь, не сейчас. Она

слишком устала. Она пришла к нему, потому что он ее не обокрал, так что пусть он и продолжает в том же духе.

Чтобы выгадать еще небольшую отсрочку, она снова взялась за свою истерзанную губу.

Она прикусила ее в самом болезненном месте и принялась посасывать собственную кровь.

— Ты похудела, — сказал он.

— Ты тоже.

— Да. Я тоже. Я даже больше, чем ты. Ты скажешь, у меня было больше запасов…

Она улыбалась в темноте.

Он покачивался вперед-назад, словно стремясь выдолбить, обтесать, обточить камень.

Спустя минуту, или пару минут, или несколько, или тысячу, он так же тихо добавил:

— Я думал, что ты… что я… Нет… Ничего…

Хрусть. Синевато вспыхнув, сгорела мошка, попавшая в ловушку у входа.

— Ты голодна? — в конце концов спросил он, посмотрев на нее словно впервые в жизни.

— Да.

— Я тоже.

Ей было больно улыбаться, и она облизывалась, чтобы унять боль.

Пока она, залечивая, посасывала губу, он тщательно протирал свой длинный нож.

— Раздевайся.